

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.111

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАК ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются теоретические вопросы правового регулирования. Система правового регулирования – «субъект – объект» (сфера регулирования) представлена в виде функционального замкнутого цикла, где процесс регулирования – правотворчество, действие права, правоприменение. Особое внимание уделяется нормативному прогнозированию, выступающему в виде нормативной модели концепции будущего. На стадии правотворчества происходит формирование модели прогноза и осуществляется ее регламентация. На стадии действия права модель прогноза приобретает статус обладающих юридической силой нормативных положений, а в процессе правоприменения достигается преобразование должного (модели прогноза) в сущее. Поэтому процесс правового регулирования представляет собой стадии движения модели прогноза: формирования, действия и реализации.

Ключевые слова: правовое регулирование, нормативное прогнозирование, регламентация прогноза, формирование и корректировка прогноза.

Проводимое в условиях глобализации государственно-правовое строительство требует рассмотрения комплекса проблем теоретического и практического характера. Особое значение приобретает возможность предвидения динамики происходящих в государстве и обществе процессов, установления связей, тенденций и закономерностей исторического характера с их возможным проявлением в настоящем и будущем. С учетом этого на современном этапе повышается роль прогнозирования как инструмента познания и преобразования государственно-правовой и социальной действительности, что обусловило необходимость проведения соответствующих научных исследований. Однако прогнозирование изучалось учеными главным образом в рамках анализа проблем правотворчества [1, с. 185–215], перспектив повышения эффективности действия норм права [2, с. 147–176], установления тенденций развития права и моделирования правового воздействия [2, с. 365–380; 4, с. 159–165; 5]. Вместе с тем всестороннее использование потенциала методологии прогнозирования предполагает возможность его применения на всех стадиях правового регулирования. Поэтому цель статьи состоит в выделении и попытке обозначить направления решения ряда основных проблем, посвященных пониманию прогнозирования как основы правового регулирования.

Исходной предпосылкой проводимого исследования является рассмотрение современного общества в качестве сложной, многоуровневой, динамической

системной организации, действующей, с одной стороны, на основе собственных (внутренних) источников (законов) саморазвития, а с другой, подверженной воздействию со стороны внешних субъектов, где главным выступает государство. Поэтому самоуправление общества и управление им государством составляют взаимосвязанный процесс, технология создания и поддержания которого в установленном режиме представляет собой социальную инженерию. С этой точки зрения социальная инженерия является деятельностью по конструированию системы и процесса управления обществом (основываясь на познании законов его строения и функционирования), а правовое регулирование служит инструментом поддержания заданных параметров управления и непосредственно направленно на преобразование общества.

С учетом приведенных положений в научной литературе предлагается использовать комплексный подход в понимании правового регулирования: это институциональный и познавательный механизм установления нормативно-юридических правил поведения (деятельности), обязательных или рекомендательных, их обеспечения и реализации. Исходными элементами такого определения являются, во-первых, цели и предмет правового регулирования, во-вторых, субъекты и объекты регулирования, в-четвертых, способы (методы) регулирования, в-пятых, результаты и новый цикл регулирования [4, с. 27].

Представляется, что приведенное определение и элементы содержат указание на статический (структурный) и динамический (функциональный) аспекты правового регулирования. Поэтому целесообразно выделение исследования системы правового регулирования – «субъектно-объектного» состава – и связей между ними (регулирующей и регулируемой подсистем), а также процесса регулирования (воздействие субъекта на объект с целью его преобразования), совершающего регулятивные циклы.

Конкретизация субъектного состава с позиции государственного управления обществом основывается на построении иерархической системы субъектов: субъектов правотворчества, осуществляющих нормативно-правовое регулирование, и субъектов правоприменения, осуществляющих индивидуально-правовое регулирование. Эти две подсистемы образуют единую систему субъектов, которая комплексно воздействует на социальные объекты.

Общество, выступая глобальным объектом правового регулирования, интегрирует в себе иерархически построенную систему объектов – сложноорганизованных системных образований с присущими им структурными и функциональными связями. Вместе с тем общество, рассматриваемое в параметрах нормативно-правового воздействия, превращается в формализованную сферу правового регулирования, как глобальная система, сохраняя свои наиболее важные связи и характеристики.

Субъект (субъектный состав), будучи регулирующей подсистемой, в соответствии с принципом функциональной замкнутости, «замыкается» на «входе» и «выходе» объекта – регулируемой подсистемы – сферы правового регулирования (общество и составляющие его социальные системы), образуя тем самым единую «замкнутую» систему регулирования. В данной системе устанавливаются прямые связи «субъект – объект» и обратные «объект – субъект».

Правовое регулирование, рассматриваемое в качестве процесса, является нормативной формой деятельности, состоящей в воздействии субъектного состава на объекты с целью их преобразования в заданных параметрах. Стадиями данного процесса выступают:

- ✓ Правотворчество;
- ✓ Действие права;
- ✓ Правоприменение.

Являясь функциональным аспектом регулирующей подсистемы, эти стадии служат аспектами последовательного преобразования объекта (сферы правового регулирования), где правотворчество выполняет роль «входа» информации об объекте, а правоприменение – «выхода».

Важно подчеркнуть, что система правового регулирования, постоянно находясь в динамичном состоянии, пребывает во временном измерении «прошлое – настоящее», нацеливаясь на «будущее». По сути, она сама, будучи подвержена трансформации, служит инструментом преобразования настоящего (основываясь на закономерностях, сложившихся в прошлом) для построения будущего. Поэтому можно утверждать, что в основе правового регулирования содержится акт познания государственно-правовой и социальной действительности, воплощенный в выявленных закономерностях «прошлое – настоящее», а также в прогнозе формирования будущего – стадия правотворчества. В таком случае стадия действия права – это нормативно закрепленная концепция будущего (прогноз, зафиксированный в виде системы нормативных положений), а преобразование настоящего (практическое воплощение нормативных положений содержащих прогноз) – стадия правоприменения.

Таким образом, рассмотрение прогнозирования в качестве основы правового регулирования (понимаемого в аспектах системы и процесса) служит предпосылкой углубленного познания комплекса проблем правотворчества и правоприменения, гарантией обоснованности и законности принимаемых решений. Подобный подход предполагает использование соответствующего инструментария науки о законах прогнозирования – теории прогнозирования (прогностики) и его адаптации к проведению правовых исследований.

В теории прогностики среди различных критериев типологизации прогнозов выделяют один, основополагающий – «целевой»: для чего разрабатывается данный прогноз. В соответствии с этим критерием различаются два типа прогнозов: поисковые и нормативные.

Поисковые (их называют также генетическими, исследовательскими) предполагают прогнозирование развития явлений путем условного продолжения в будущее тенденций этого развития в прошлом и настоящем, при этом абстрагируются от решений, которые способны видоизменять существующие тенденции. Такие прогнозы отвечают на вопросы: «в каком направлении идет развитие?», «что вероятнее всего произойдет при сохранении существующих тенденций?» [6, с. 22].

Нормативные предполагают прогнозирование достижения желательных состояний явлений на основе заранее определенных норм, идеалов, целей. Такие прогнозы отвечают на вопрос «как достичь желаемого?». Прогноз строится на определенной шкале возможностей функции распределения вероятности: от

заданного состояния в будущем к наблюдаемым тенденциям с соответствующим их изменением при определении перспектив [6, с. 22–23].

Поисковый прогноз составляет основу, предпосылку нормативного прогноза и выступает особой формой познания объекта как системного образования, обладающего внутренней динамикой развития. Для этого целесообразно объединение множества объектов в единый объект прогноза, упорядочение и оформление его в систему, что увеличивает возможности в области прогнозирования. Чем больше внутренних связей выявлено внутри подобной системы, тем более перспективным является применение конкретных методик прогнозирования к объекту, тем более результативна конкретизация прогноза.

Следовательно, общим правилом в процессе повышения достоверности прогнозирования является включение объекта, для которого необходимо провести прогноз, в более широкие единства, то есть в системы. Это позволяет получить дополнительную информацию относительно прогнозируемого процесса путем интерпретации на данном объекте результатов прогнозирования динамики производства прогноза, каким является эта система [6, с. 63].

Далее объект прогнозирования, преобразованный в систему, подвергается исследованию с позиций системного познания, что предполагает:

1. Определение состава, структуры и организации элементов и частей системы, обнаружения ведущих взаимодействий между ними;
2. Выявление внешних связей системы, выделение из них главных;
3. Определение функции системы и ее роли среди других систем;
4. Анализ диалектики структуры и функции системы;
5. Обнаружение на этой основе закономерностей и тенденций развития системы [7, с. 9].

Кроме того, вводится понятие «внешней среды» системы, под которой понимается набор существующих в пространстве и во времени объектов (систем), которые, как предполагается, оказывают действие на систему. По сути дела, выявление системы есть разделение некоторой области материального мира на две части, одна из которых рассматривается как система – объект анализа (синтеза), а другая как внешняя среда. «Вход» характеризует воздействие внешней среды на систему, «выход» – воздействие системы на внешнюю среду [8, с. 12].

С учетом изложенного каждый элемент – часть системы (подсистема, образующая иерархический уровень), может быть представлен в отношениях «объект (система) – внешняя среда», где в качестве «внешней среды» выступают все объекты, состоящие во внешних связях с исследуемым объектом (элементом, частью системы).

Поэтому каждая сложная система может быть представлена в рассматриваемых отношениях с макро- и микропозиций. С макропозиций – когда данная система является единым объектом, взаимодействующим с внешней средой (другими системами). С микропозиций – когда поэтапная декомпозиция (расчленение) системы позволяет выделять конструкции «объект – внешняя среда», вплоть до первичного структурного элемента (объекта), для которого все остальное содержание системы выступает внешней средой.

В проводимом исследовании объектом поискового прогноза выступает система «государство – общество», внешняя среда которой – сфера действия системы более

высокого уровня: «народ – государство – общество». Данная макросистема – объект (государство – общество) – при ее последовательной декомпозиции образует иерархические уровни, где соответствующие объект (подсистема государства – подсистема общества) – внешняя среда (все объекты [подсистемы государства – подсистемы общества], состоящие во внешних связях с исследуемым объектом), располагаются в нисходящем порядке минимизации указанных системных объектов.

На основе приведенного системного познания в прогностике выделяются три стадии процесса прогнозирования: ретроспекция; стадия диагноза; стадия прогноза.

Стадия ретроспекции включает этапы: уточнение объекта прогноза; точное формулирование параметров объекта в целом; расчленение объекта на структурные единицы и определение их параметров; определение значений параметров как объекта в целом, так и его структурных единиц в каждый зафиксированный момент времени в прошлом до момента производства прогноза; создание гипотетической параметрической модели объекта прогноза [9, с. 112].

В рамках последнего этапа конструируется общая модель объекта в структурно-функциональном и ретроспективном (историческом) измерениях. При этом устанавливаются закономерности исторических этапов: зарождения (генезиса), становления, формирования (организационного оформления) структурных элементов по отдельности, включая и их функционирование (внешнее взаимодействие друг с другом), и системы – объекта в целом, учитывая все многообразие иерархических структурных уровней и соответствующих функциональных зависимостей.

Стадия диагноза начинается с определения цели прогноза в управленческом аспекте, что предполагает выявление конструктивных либо деструктивных воздействий на объект. После этого в разработанную ретроспективную модель вносится информация о состоянии объекта в настоящий временной интервал.

На стадии прогноза вводится понятие сингулярного (единичного объекта) прогноза. Каждый произведенный сингулярный прогноз является тем строительным материалом, из которого будет синтезироваться прогноз всего объекта. Синтез состоит в объединении сингулярных прогнозов строго соответственно объединению структурных элементов объектов прогноза в структуру объекта. После чего происходит стыковка синтезированных прогнозов. Стыковка состоит в объединении по определенным правилам синтезированных прогнозов различных масштабов и прогнозов объектов, принадлежащих к разным по природе классам. При этом стыкуются прогнозы соседних масштабов с соблюдением жесткой последовательности от меньшего масштаба к большему [9, с. 118–120].

Итак, в процессе синтеза и стыковки объектов прогноза совершаются действия, обратные декомпозиции (расчленению) системы. Происходит «сборка» элементов и частей системы в первоначальную конструкцию, с соблюдением структурных и функциональных связей и уровней, но представленных в виде объектов прогноза. Полученная в результате этого конструкция будет представлять собой систему (подсистема государства – подсистема общества) – объект прогноза. Стыковка подобных систем (как объектов прогноза) от меньшего масштаба к большему, от более низкого структурного уровня к более высокому позволяет прогнозировать состояния наиболее крупных систем, а в перспективе – и единой системы

«государство – общество». Однако подобное поисковое (исследовательское) прогнозирование состояния объектов служит предпосылкой для их возможных преобразований посредством законодательного регулирования, в основе которого содержится нормативный прогноз.

Данный прогноз, как уже было сказано выше, направлен на прогнозирование достижения желательных состояний объекта (в нашем исследовании – «государство – общество», подсистемы государства – подсистемы общества) в условиях его помещения в определенные нормативные параметры. То есть на результаты поискового прогноза – состояние объекта, накладывается нормативная модель некоего заданного (требуемого) состояния исследуемого объекта, что включает в себя прогнозирование вероятностных тенденций, обусловленных проведением комплексных мероприятий корректирующего характера.

Существенно то, что нормативный прогноз должен подтвердить либо опровергнуть соответствие того или иного варианта нормативной модели результатам поискового прогноза, отражающего перспективу саморазвития социального объекта. Если прогноз покажет ухудшение состояния объекта либо его разрушение, то от данного нормативного варианта необходимо отказаться. Отсюда следует требование многовариантности нормативных прогнозов и выделения наиболее оптимального.

Указанные прогнозы (поисковые и нормативные) относятся к типам прогнозов первого порядка. На их основе по критерию соотнесения с различными формами конкретизации управления выделяются подтипы прогнозов второго порядка (целевые, плановые, программные, организационные, включающие оба типа первого порядка) [6, с. 23].

Конкретизация в данном случае показывает прогнозирование движения состояния объекта, выраженного в форме абстрактных (наиболее общих) нормативных положений целевого блока (с последующим их уточнением в иерархии подцелей), достигаемого при помощи исполнительного блока – прогнозируемых мероприятий корректирующего и конкретизирующего характера: решения заданий (комплекса нормативов) плана (задания отвечают на вопрос, как достичь цели (подцелей) того или иного уровня); разработки программных прогнозов, содержащих перечень мероприятий по выполнению заданий плана; создания организационных прогнозов – конкретных решений, непосредственно направленных на преобразование фактического состояния объекта в направлении нормативно закрепленного в целевом блоке идеала.

Итак, целевой блок воплощает в себе прогнозируемое (будущее) состояние объекта «государство – общество» и составляющих его подсистем. Причем важным аспектом исследования является рассмотрение целей с позиций их внутренней динамики и дифференциации на подцели, что может быть обозначено понятием целеполагания. В отличие от понимания цели как конечного состояния движения системы, целеполагание отражает динамику смены состояний от настоящего в направлении достижения итогового состояния. Подобная динамика выступает в виде процесса становления, развития состояния системы, каждая стадия которого включает ряд этапов и носит циклический характер.

Целеполагание, являясь сочетанием поискового и нормативного прогнозов, призвано соединить реальную цель движения системы, полученную в результате

проведения поискового прогноза, с идеальной целью, заданной нормативным прогнозом. Это может быть достигнуто посредством процесса формирования условий оптимизации движения системы. При достижении этих условий все остальное происходит «автоматически», причем таким образом, что полученный результат оказывается соответствующим заранее поставленным целям.

Формирование условий можно мыслить как процесс «приготовления» нужной среды, в которой система будет вести себя нужным образом. Практически речь может идти лишь об отдельных элементах среды, но таких, которые существенно связаны с системой по принципу функциональной замкнутости. Эти элементы можно структурно присоединить к системе, в результате чего образуется обратная связь [10, с. 101, 102]

Следовательно, целенаправленное формирование условий, при которых система в силу своих внутренних, структурных законов начинает функционировать требуемым способом и автоматически достигает при этом нужного результата, есть путь, по которому следует идти, если рассматривать систему как инструмент для решения тех или иных задач [10, с. 104].

Поэтому, объединяя отношения «объект – внешняя среда» в единую систему, можно подсистему «внешняя среда» рассматривать в качестве исполнительной части системы. Воздействуя на параметры «внешней среды» – исполнительную часть, вполне реально добиться целенаправленного преобразования состояния объекта.

Таким образом, установленная нормативным прогнозом цель развития соответствующей системы достигается при помощи прогнозируемого воздействия на «внешнюю среду» – исполнительную часть системы. В таком случае функциональное назначение исполнительного блока прогноза заключается в необходимости определения мероприятий корректирующего характера – плановых заданий, программных положений, организационных решений, направленных на изменение параметров исполнительной части системы. Более конкретно: плановые задания отвечают на вопрос, в каких параметрах (воплощенных в нормативных установлениях) необходимо преобразовать внешнюю среду. А программные положения – как достичь заданных параметров, какие мероприятия следует провести для достижения заданных параметров (нормативных установлений), организационные решения: какие конкретно действия необходимо совершить (индивидуальные акты) в рамках прогнозируемых мероприятий.

Далее формируемый на этапе правотворчества прогноз состояния объекта «государство – общество» и его подсистемы (целевой и исполнительный блоки прогноза) требует своей прогнозируемой регламентации. То есть необходимо ответить на вопрос, в какой форме наиболее оптимально закрепить целевой (что достичь?) и исполнительный (как достичь?) блоки прогноза. Представляется, что решение проблемы связано с использованием иерархической модели построения законодательства и правоприменительных актов.

Иерархия нормативно-правовых актов основывается на выделении законов и подзаконных актов, закрепляющих иерархическую систему «государство – общество», в которой более высокие структурные уровни интегрируют все нижние уровни, выступая законами их организации более высокого порядка. Завершающий данную систему (государство – общество) структурный уровень (основы

конституционного строя) содержит закон существования (строения и функционирования) всей иерархии, выражая ее целостные характеристики. С этой точки зрения структура рассматриваемых в единстве целевого и исполнительного блоков прогнозов отражает структурно-функциональную организацию системы «государство – общество», где соответствующие иерархические ряды служат нормативными прогнозами развития состояний (цель и ее исполнение) подсистем того или иного иерархического уровня. Указанный завершающий структурный уровень – глобальная цель и ее исполнение, закрепляющий прогноз закона существования (строения и функционирования) государства и общества; последовательно детализируется в исполнительно-целевых иерархических рядах, конкретизируя тем самым нормативно выраженные состояния подсистем нисходящих порядков.

Важно подчеркнуть, что предложенная конструкция носит абстрактный характер, фиксируя логические связи прогнозируемых объектов помещенных в этап правотворчества. Речь идет о формировании прогноза и закреплении его результатов в создаваемых нормативно-правовых актах. Поэтому в данный логический этап входит процесс создания Конституции (и формирование прогноза преобразования объектов высших уровней), конституционных и обычных законов (и формирование прогноза преобразования объектов, последующих после конституционного иерархических уровней), подзаконных и правоприменительных актов (содержащих прогнозы объектов завершающих нисходящих порядков).

В хронологическом аспекте данная конструкция распадается на соответствующие временные интервалы, вплоть до десятков лет. Последующая после этапа правотворчества стадия действия права содержит указанную прогностическую конструкцию, но в качестве обладающих юридической силой нормативных положений. Реализация же данной прогностической конструкции (в качестве нормативных положений) происходит на стадии правоприменения. В хронологическом аспекте содержание всех трех стадий осуществляется параллельно в различных временных интервалах. Следовательно, в ходе процесса регулирования происходит постоянное воспроизводство формируемого и корректировка действующего прогноза, указывая направленность и параметры правового регулирования.

Итак, правовое регулирование, помещенное в модель «прошлое – настоящее – будущее», обладает потенциалом творчески воздействовать на настоящее для создания будущего. Основой данной деятельности служит прогнозирование, имеющее поисковый характер и наделенное возможностями исследовательского назначения, в силу чего способное разрабатывать различные варианты формирования и перевода должного (нормативных положений) в сущее (систему «государство – общество» и ее подсистемы). Поэтому решение всего комплекса проблем прогнозирования выступает предпосылкой повышения эффективности преобразования социальной действительности и выработки научных основ управления обществом.

Список литературы

1. Научные основы советского правотворчества. М.: Наука, 1981. – 317 с.

2. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) /Под ред. А. С. Пиголкина . М.: Формула права, 2000. – 608 с.
3. Иванников И. А. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 392 с.
4. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. – 400 с.
5. Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М.: Институт государства и права РАН, 1993. – 128 с.
6. Прогнозирование в социологических исследованиях. Методологические проблемы. М.: Мысль, 1978. – 272 с.
7. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методол. проблемы . – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
8. Мухин В. И. Исследование систем управления. Учебник. – М.: Экзамен, 2002. – 384 с.
9. Лисичкин В. А. Теория и практика прогностики. – М.: Наука, 1972. – 223 с.
10. Марков Ю. Г. Функциональный подход в современном научном познании. – Новосибирск: Наука, 1982. – 240 с.

Anokhin A.N. Research problems of forecasting as a base of legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2016. – Т. 1 (67). № 2. – P. 3–11.

The article describes the theoretical issues of the legal regulation. The legal regulation system – «subject-object» (regulation sphere) is represented as a functional closed circle, where the process of regulation includes lawmaking, law acting, law enforcement. The special attention is paid to the normative forecasting as a normative model of the concept of the future. At the lawmaking stage this forecasting model is created and regulated. At the law acting stage the forecasting model gains the status of the normative documents of the legal force and during the process of law enforcement the transformation from the due (forecasting model) to the real is achieved. So the legal regulation process is considered to be the stages of the forecasting model movement: formation, action and realization.

Key words: legal regulation, normative forecasting, forecast regulation, formation and correction of the forecast.

Spisok literaturyi:

1. Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva. М.: Nauka, 1981. – 317 s.
2. Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii (nauchno-prakticheskoe i uchebnoe posobie) /Pod red. A.S.Pigolkina . М.: Formula prava, 2000. – 608 s.
3. Ivannikov I.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik.- М.: YUrlitinform, 2011. – 392 s.
4. Tihomirov YU.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. М.: Formula prava, 2010. – 400 s.
5. Gavrilov O.A. Strategiya pravotvorchestva i social'noe prognozirovanie. М.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1993. – 128 s.
6. Prognozirovanie v sociologicheskikh issledovaniyah. Metodologicheskie problemy. М.: Mysl', 1978–272 s.
7. Aver'yanov A.N. Sistemnoe poznanie mira: Metodol. problemy .-М.: Politizdat, 1985. – 263 s.
8. Muhin V.I. Issledovanie sistem upravleniya. Uchebnik. – М.: EHkzamen, 2002.- 384 s.
9. Lisichkin V.A. Teoriya i praktika prognostiki. М.: Nauka, 1972. – 223 s.
10. Markov YU.G. Funkcional'nyj podhod v sovremennom nauchnom poznanii.- Novosibirsk: Nauka, 1982. – 240 s.

УДК 347.7 : 652.612

ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАХТОВОГО ДЕЛА В 1924–1926 ГГ.

Благодатная Е. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе на основе изучения и анализа широкого комплекса архивных источников (переписка, циркуляры, договоры и т. д.) указывается, что несмотря на создание первоначальной нормативно-правовой базы, направленной на урегулирование вопросов, связанных с морскими перевозками, арендой и фрахтом морских торговых судов, а также о правах и обязанностях различных государственных организаций, вытекающих из упомянутых законодательных актов, реальная ситуация в развитии организации фрахтового дела в СССР в середине 1920-х гг. была весьма сложной. Несмотря на централизации фрахтового дела и создание центрального фрахтового совещания, деятельность, к примеру, Совторгфлота в этом направлении была относительно самостоятельной. Также большую долю самостоятельности в деле заключения фрахтовых и прочих договоров еще сохраняли Торгпредства и фрахтовые конторы за рубежом.

Ключевые слова: фрахт, советский торговый флот, фрахтовые бюро, пароходные общества.

Как уже указывалось в наших предыдущих работах, в первой половине 1920-х гг. в СССР был принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на урегулирование договоров морской перевозки и организации их заключения. Среди них необходимо назвать такие как: постановления СНК СССР от 8 июля 1924 г. о морской перевозке в заграничных сообщениях и о большом и малом каботаже; положения о центральном фрахтовом совещании от 7 января 1925 г.; постановление СНК СССР от 9 марта 1925 г. «Об изменении порядка выдачи разрешений на зафрахтование иностранных судов для совершения рейсов в большом каботаже»; 6 мая 1925 г. СТО было принято постановление «О регистрации фрахтовых сделок»; положения о морской перевозке от 28 мая 1926 г. [1, с. 3–14].

Благодаря данным документам началась централизация фрахтового дела на фоне государственной монополии внешней торговли вообще и заключения фрахтовых договоров в частности, с постепенным подчинением этого процесса в Черноморско-Азовском регионе Одесской фрахтовой конторе.

В то же время в стране создавались различные, в первую очередь, государственные объединения и предприятия, получившие право заключения фрахтовых договоров, что на фоне активного сотрудничества с иностранными компаниями весьма запутывало данный процесс и делало его практически бесконтрольным.

Так, в частности, постановлением от 14 июля 1922 г. СНК РСФСР было принято положение о Добровольном флоте. При этой организации было создано центральное фрахтовое бюро [2].

Положением о Государственном торговом флоте (утверждено СТО 13 июня 1923 г.) Госторгфлоту в лице его пароходств предоставлено право совершения всех возможных сделок, в том числе и фрахтовых.

18 июля 1924 г. началась организация АО «Советский торговый флот» (Совторгфлот), в котором объединялись транспортные суда, принадлежавшие прежде различным наркоматам, ведомствам и акционерным обществам, в том числе смешанным, с участием иностранного капитала. Однако лишь 12 февраля 1926 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об образовании Акционерного Общества “Совторгфлот” и о предоставлении ему льгот». Кроме прочего, данным документом фрахтовые договоры, в частности чартер-партии, заключаемые «Совторгфлотом», освобождались от обязательного нотариального засвидетельствования (п. 5).

Согласно же пункту 16 плана организации экспорта хлеба, АО «Экспортхлеб» (от 11 июля 1923 г.), все операции по фрахтованию пароходов и погрузки на них экспортного зерна производились Экспортхлебом. Также предусматривалось, что в случае, если при продолжении сделки Экспортхлеб указывает твердый фрахт, при реализации сделки этот фрахт был обязателен для обеих сторон [3, л. 11–13]. Вскоре Экспортхлеб заключил с Добровольным флотом соглашение, согласно которому фрахтование пароходов на зарубежных фрахтовых биржах производилось Добровольным флотом по договору с Экспортхлебом [4, л. 15].

Процесс организации фрахтового дела усложнялся также еще и весьма непростыми отношениями с различными иностранными компаниями, часть которых хотела нажиться на неопытном советском рынке, всячески стараясь перехватить выгодные фрахты у советских государственных предприятий, как это было, к примеру, в отношении «Дерутры» и судовладельцев «Андрей ВЕЕР и К-о» в Лондоне (18 сентября 1924 г.). С другой же стороны, за фрахт советские фирмы вынуждены были платить «неслыханную комиссию» в 7,5 % [5, л. 39]. Маленькой победой над «Дерутрой» было заключение договора между владельцами парохода «Оакфильд» с Доброфлотом [6, л. 35]. К слову говоря, не сложились отношения советской стороны и с фирмами «Deutsche orient linie», «Deutsche Levant linie», «Ластер, Эйльберман и К-о» [6, л. 54, 55]; Anglo-Russian volunteer fleet. Ltd. London жаловалась на условия фрахта [6, л. 64].

Можно указать и на то, что 24 октября 1924 г. уполномоченный правления Доброфлота для морских и фрахтовых дел по Черноморско-Азовскому побережью поблагодарил пароход «Окфильд» от имени Центрального Фрахтового бюро за предоставленный интересный материал по фрахтам груза сахара в Германии [6, л. 47].

Важно отметить и иное: работа с советскими пароходами для грузовладельцев была выгоднее хотя бы потому, что в этот период за каждый день простоя разгрузки по вине парохода уплачивалось 20 ф. ст. – значительные по тем временам деньги, очевидно, так предусматривалось во фрахте [6, л. 37]. В случае простоя парохода по вине порта платить в иностранной валюте приходилось уже владельцам судна, а такие случаи в портах страны тогда были весьма частым явлением из-за плохой организации погрузочно-разгрузочных работ.

Деятельность по организации перевозок за счет собственных сил и с использованием фрахта иностранных судов наглядно демонстрирует сообщение уполномоченного правления Доброфлота по морским и фрахтовым делам Черноморско-Азовского побережья (Одесса) агентству Добровольного флота в Новороссийске от 30 октября 1924 г. В нем, в частности, указывалось, что

необходимый тоннаж полностью покрывался как на Лондонском рынке, так и непосредственно у судовладельцев. Тем не менее все грузы, идущие из портов Черного моря в порты Ближнего Востока, требовалось в первую очередь предлагать Госторгфлоту. В силу этого Одесская контора настоятельно просила о всех грузах, предлагаемых на Ближний Восток, сообщать ей, дабы мы снесли в первую очередь с Правлением Госторгфлота и лишь затем, в случае отсутствия у него тоннажа, вести переговоры с «Ситмаром».

Также Доброфлот предлагал свой тоннаж под груз картофеля в Константинополь, указывая при этом, что Госторгфлот уже занят перевозкой цемента в Салоники, другие порты Ближнего Востока, а также в Ленинград, исходя из чего привлекать иностранный тоннаж в эту деятельности не рекомендовалось.

В завершении из Одессы сообщили: «100 т цемента в Трапезунд Вы можете принять по фрахту 8 турецких лир за тонну для парохода Ситмара, погрузкой в течение ноября. По п/х “Троцкий” – мы только что Вам телеграфировали, чтобы никаких грузов для него не брать, т. к. Шипс Аркос ведет переговоры относительно дачи ему полного груза зерна, направлением в Гибралтар фор ордарс. Просим выгрузить его как можно скорее в Одессу» [6, л. 44].

В деле регуляции фрахта в этот период много проблем добавляли концессионные соглашения между правительством СССР и отдельными иностранными компаниями, получавшими эксклюзивные права на свою деятельность. Доказательством тому служит протокол совещания заинтересованных сторон при Управлении Уполномоченного НКВТ СССР в ЗСФСР, состоявшегося 27 октября 1924 г. Целью этого совещания было урегулирование вопроса о порядке фрахтования тоннажа под марганец, монопольное право продажи и вывоза которого было предоставлено консорциуму «Флессинг и компания».

На нем представитель Доброфлота заявил, что его организация неоднократно обращалась с указанием на то, что представитель ЧЭМО за границей г. Флессинг перебивает у Доброфлота тоннаж и предлагает его ЧЭМО по более высоким ставкам, чем Доброфлот. Безусловно, что была недопустимой ситуация, когда Доброфлот и Флессинг одновременно ищут на заграничном рынке по требованию ЧЭМО тоннаж под марганец, чем искусственно подымались фрахты.

Председатель о-ва ЧЭМО Вашадзе вынужден был напомнить, что монопольное право продажи и вывоза марганца предоставлено г. Флессингу, договор с которым по постановлению высших органов продлен без указания срока. Пока действовал этот договор, ЧЭМО могло лишь от случая к случаю пользоваться услугами Доброфлота. К тому же все продажи о-ва были уже покрыты тоннажем. Вашадзе указал, что ЧЭМО, занимающее 3 место в СССР по вывозу, должно иметь своего представителя в Лондонском фрахтовом бюро, но этот вопрос не поднимался ввиду переговоров с американцами о полной концессии на чиатурский марганец.

В свою очередь, представитель закавказского отделения Доброфлота Томчани вынужден был указать, что в связи с прекращением хлебного экспорта обеспечение флота перевозками приобрело важное значение, на Черное море были переброшены пароходы с Балтийского, и они стояли без работы. Доброфлот предлагал ЧЭМО тоннаж ниже Лондонских лимитов, но бывали случаи, когда Флессинг перехватывал на Лондонском рынке те пароходы, с которыми мы договаривались для ЧЭМО, и подымал фрахты. Так, в сентябре мы предлагали по 3 д. 75 ц. 3.90 и

10–10.10, а Флессинг фрахтовал для ЧЭМО по 3.90 4.10 и шиллингов 13. Имея свободный советский тоннаж, Доброфлот мог покрыть до 75 % потребности ЧЭМО.

В результате совещания решили, учитывая с существование договора с Флессингом и принимая во внимание, что окончательное разрешение вопроса о фрахтовании тоннажа под марганец зависит от исхода переговоров о концессии, временно до разрешения вопроса о концессии для новых фрахтователей установить следующие положения: во-первых, Доброфлот предлагался под чиатурский марганец, а о-во ЧЭМО принимало свободный советский тоннаж; во-вторых, Доброфлот отказывался от фрахтования тоннажа для этой цели на Лондонской или иной заграничной бирже; в-третьих, советский тоннаж, отвечающий требованиям ЧЭМО, предлагался на базе чартера ЧЭМО со скидкой не менее 5% с фрахта [6, л. 46].

Можно также указать на то, что в 1923–1924 гг. обсуждался вопрос об установлении регулярных рейсов с Ближним Востоком (Одесса – Константинополь; Одесса – Александрия), однако без дотаций Госторгфлот не мог взять решение этой проблемы на себя полностью, хотя и готов был принять часть риска по организации таких рейсов (1/4), но остальное нужно было получить в форме дотации, а это на 1 рейс 2128 ф. ст. (до 1924 г. государство эти рейсы дотировало) [5, л. 46–47].

В то же время итальянская компания «Лойд Триестино», пользуясь гарантиями своего правительства не только от убытков, но и обеспеченная субсидированной прибылью, установила срочную линию из Черноморских портов СССР на Ближний Восток. При этом хозяйственные органы СССР были заинтересованы только в экспорте, что правда в основном грузы шли из Новороссийска, а обратный путь суда шли пустые, что весьма удорожало фрахты [5, л. 48–52].

Лишь 2 декабря 1924 г. Анло-русскому добровольному флоту Лимитед из Одессы было сообщено об открытии Доброфлотом линии Одесса – Марсель двумя пароходами. По вопросу о том, какие практикуются фрахты, Доброфлот указал, что «Пакэ» взимала за грузы руды Поти – Марсель 50 франков за тонну, за зерно фрахт уплачивался в зависимости от состояния фрахтового рынка, и эти фрахты составляли приблизительно 12 за тонну, за клепку Доброфлот платил около 18/- за тонну; генеральный же груз следовало калькулировать в среднем 25/- за тонну [6, л. 121].

В 1925 г. фирма «Libera Friestina» предложила Совторгфлоту установление регулярной линии Черное море – Америка. Правление СТФ заинтересовалось этим предложением, так как само вело предварительную работу в этом направлении с несколькими фирмами [7, л. 26]. В то же время известно, что между фирмой «Libera Friestina» в Триесте и Одесской фрахтовой конторой установились дружеские отношения. Указанная компания, владеющая десятками океанских пароходов, дала фрахтовой конторе полномочия на фрахтование судов под зерно, некоторые из которых были акцептированы Лондонской фрахтовой конторой СТФ, а в последнее время СТФ был зафрахтован пароход компании «Савойя» под груз в Америку.

«Libera Friestina» организовала регулярную линию между портами Ближнего Востока и Нью-Йорком и имела намерение продлить эту линию до Одессы или других портов Черного моря по направлению в Северную Америку, ставя на эту линию первоклассные пароходы с регулярным отходом не реже 1 раза в месяц. Однако организация этой линии судами СТФ, как и американскими, была

невозможна из-за отсутствия торгового договора между странами, при этом поток машин и хлопка из США в СССР возрастал [7, л. 27].

В тоже время следует указать, что организация сообщений с Ближним Востоком и в 1925 г. в СССР не ладилась и предложение американской фирмы было весьма полезным. Так в 1925 г. Совторгфлот вынужден был оправдываться перед НКРКИ (секция внешней торговли НКРКИ СССР), кроме прочего, за высокие фрахты, указывая, что те регулируются «по себестоимости и в соответствии с конкурентными фрахтами иностранных компаний». Кроме традиционных оговорок на отсутствии субсидий от государства, правлением Совторгфлота было намечено создание собственной агентуры в портах Ближнего Востока, в первую очередь предполагалось учреждение агентства для портов Греции в Афинах. При этом роль агентства в Константинополе существенно снижалась [8, л. 7].

Следует отметить, что ослабление Константинопольского агентства было в этот период одним из направлений работы Одесской фрахтовой конторы. Так, правление СТФ писало в Черноморско-Азовскую главную контору Совторгфлота 12 мая 1926 г. о том, что из писем Константинопольского главагентства видно, что существуют трения между Одесской фрахтовой конторой и Главаягентством по вопросу, как должна распределяться брокерская комиссия с фрахтования, и жалоб Константинопольского Главаягентства на то, что Одесская фрахтовая контора ни разу не обратилась к нему для зафрахтования тоннажа в Константинополе, и что при отъезде товарища Фельдбаума в Пирей фрахтовая контора не утвердила его соглашение с Главаягентством о методах работы в Константинополе и в Пирее и о распределении между ними комиссии.

В результате этого 19-го февраля Одесским фрахтовым бюро было приятно постановление о ликвидации Константинопольского агентства Одесской фрахтовой конторы и проведено через Транспортное управление Наркомторга. В этой борьбе правление СТФ поддержало агентство в Константинополе, указывая на правильность его мнения в вопросе о том, что Пирей не является монопольным центром фрахтования тоннажа на Ближнем Востоке и что в некоторых случаях в Константинополе возможно более удобно было производить отдельные фрахты [9, л. 40].

Не идя на прямой конфликт с правлением СТФ, Черноморско-Азовская главная контора и фрахтовая контора отказались понимать, о каких «трениях между ней и Главным агентством Константинополе идет речь, поскольку Фрахтконтора никакой работы с Главаягентством СТФ в Константинополе в последнее время не производит». Далее указывалось, что «Константинополь, как фрахтовый рынок, по сообщению фрахтовой конторы, совершенно потерял значение. Турецкий тоннаж совершенно не фрахтуется, а те греческие пароходы, которые прежде фрахтовали в Константинополе, в настоящее время ввиду массового переезда из Константинополя в Пирей всех греческих арматоров и брокеров фрахтуются исключительно в Пирее, где фрахтовая контора имеет своего агента». Ну а в завершение центру было сообщено о том, что «Главаягентство СТФ в К-ле произвело некоторые фрахты для нефтесиндиката с обходом существующего законоположения о фрахтовании иностранного тоннажа, о чем фрахтовая контора сделала донесение по своей линии Транспортному управлению НКВ и ВТ» [9, л. 43].

Как видно из представленного материала, советские государственные фрахтовые органы работали весьма неслаженно, зачастую конфликтуя между собой, чем, безусловно, наносили ущерб делу. Следует отметить и то, что происходило все это после того, как в мае 1925 г. Совторгфлот с целью привлечения грузоперевозок на суда Совторгфлота, а также учитывая возможность усиления конкуренции со стороны частновладельческого тоннажа, по примеру 1924 г. указал всем морагентам идти на снижение существующих фрахтовых сделок [10, л. 3–4].

В то же время в августе 1925 г. стало известно, что правление Экспортхлеба заключило договор с фирмой УАТС-УАТС на перевозку хлебопродуктов из портов Черного Азовского морей на пароходах указанной фирмы [11, л. 138]. Правление просило принять все возможные меры для тщательного и аккуратного обслуживания судов фирмы [10, л. 5]. Причины того, чтобы заключить договор именно с иностранной компанией, скорее всего, были банальны для советской морской торговли этого периода: 1) отсутствие специализированных судов; 2) сложности с эксплуатацией советских судов за границей, связанные с политической и экономической конъюнктурой. Исходя из этого, в порты Англии, Франции, Германии, Испании и т. д. предпочтительно фраговались и отправлялись с советским грузом суда иностранных компаний. Внутри же страны вполне можно было положиться и на отечественного перевозчика.

Так, в июне 1925 г. в г. Херсоне между Нижнеднепровским госпароходством и заведующим Херсонской агентурой Укрвнешгосторга был заключен договор о том, что пароходство своими баржами и буксирами с 15 июля 1925 г. по 15 ноября 1925 г. перевезет 2 мил. пудов зерновых и масличных культур от различных пристаней в Херсон и Николаев. Согласно данному документу, «13. Расчет фрахта по сему договору производится следующим порядком: при подписании сего договора Госторг уплачивает Госпароходству 20% от суммы фрахта из расчета тарифа на 150 км. в размере _____, каковая сумма погашается путем удержания Госторгом по 20 % с суммы причитающегося Госпароходству фрахта. Причем авансовую сумму Госторг вносит правлению Госпароходства, остальные 80 % фрахта Госторг уплачивает Госпароходству через пристани назначения груза по каждому дубликату и судну в отдельности до выгрузки груза» [11, л. 106–107 об.].

Однако при работе с иностранными компаниями возникли другие сложности при заключении и выполнении фрахтовых договоров. Так, циркуляром СТФ от 10 февраля 1925 г. было предложено агентствам на местах переводимые на сдаточные заграничные агентства фрахты и сборы на экспортные грузы перечислять из червонных рублей в английские фунты стерлингов по 9 руб. 45 коп. за фунт стерлинга и в коносаментх и манифестах после суммы переведенных платежей в рублях показывать эквивалент в фунтах стерлингов. И это происходило при том, что, согласно Положению о портовых сборах от 20 мая 1921 г., все установленные сборы с судов, ходящих под иностранным флагом, взимались в иностранной валюте [12, с. 478–479].

Но этой меры оказалось недостаточно. На практике при выдаче грузов в заграничных портах было выявлено, что некоторые грузополучатели даже в конце 1926 г. отказывались уплачивать следующие с них суммы в английской валюте, настаивая на получении с них платежей червонными рублями на указанную в коносаменте сумму. Между тем обслуживание судов СТФ за границей требовало

иностранной валюты, преимущественно английской, а потому получение фрахтов червонными рублями ставило заграничные агентства СССР в затруднительное положение из-за отсутствия иностранной валюты.

Ввиду этого по распоряжению правления СТФ (10.08.1926) и в развитие его же циркуляра от 16.08.1926 [13, л. 47] предлагалось, во-первых, все фрахты и сборы за экспортные грузы, отправленные агентствами в заграничные порты на судах СТФ или с зафрахтованных СТФ судов, обслуживать и исчислять в коносаментах обязательно в английских фунтах стерлингов, определяя тарифные ставки из расчета 9 руб. 45 коп. за один фунт стерлингов, совершенно не указывая в коносаментах расчета в червонных рублях.

Во-вторых, обусловление и исчисление таким образом сумм фрахтов и сборов по коносаментам ни в коем случае при отправлении грузов не получать, а обязательно полностью переводить таковые для взыскания в заграничных портах при выдаче грузов [13, л. 46].

В 1926 г. ситуация в деле организации фрахта иностранных судов сохранялась все еще непростой, многие государственные организации стремились самостоятельно, в обход СТФ и его контор, решать эти вопросы. Так, к примеру, заграничная часть Черноморско-Азовской конторы 2 августа 1926 г. вынуждена была сообщить в Москву то, что Севкавгосторг поступил неправильно, обратившись к Девантийской линии с предложением принять на себя перевозку 17000 т. цемента в Константинополь, Смирну, Пирей, минуя СТФ, в то время как для этих целей уже были зафрахтованы пароходы «Черномроец» и «Новороссийск» (263, л. 55). Кроме того, Одесская фрахтовая контора отказывала во фрахтовании иностранного тоннажа под перевозку цемента.

В ответ на это 21 сентября 1926 г. Совторгфлот ответил своей Черноморско-Азовской конторе, что «правление вновь подтверждает безусловную необходимость сосредоточения всех фрахтов как экспортных, так и импортных в заграничных агентствах Совторгфлота, что предлагается Вам принять к неуклонному исполнению» [9, л. 64].

Концентрация фрахтов в агентствах СТФ оказалась сложным делом ввиду невыработанности отношений между всеми заинтересованными сторонами. Так, в этот период заграничная фрахтовая часть писала в правление СТФ о том, что несколько ранее правление предложило ей договариваться с Одесской фрахтовой конторой, не рассчитывая добиться лучших условий при переговорах с Трансупром в Москве. Таким образом, остался прежний порядок отношений п/х Ситмар и Паке, согласно которому Экспортхлеб в Москве телеграфировал непосредственно заграничной фрахтовой части все свои заявки на перцельный тоннаж, а уже она заключала договор с Одесской Фрахтконторой.

При этом было условлено, что эта контора получала 2 %, причем пароходам Ситмара постоянная комиссия заграничной фрахтовой части была 2 ½ %, а 2 % для Одесской фрахтовой конторы Ситмар платил дополнительно.

От Паке заграничная фрахтовая часть получала 5 %, из которых 3 % оставались в его пользу, а 2 % – в пользу одесской фрахтовой конторы. Так это было до последнего времени и с Триестинским Ллойдом, от которого получали 5 % и возвращали 2 % Одесской фрахтовой конторе.

Ввиду отсутствия у СТФ договора с Триестинским Ллойдом в последнее время Экспортхлеб начал сноситься с Одесской фрахтовой конторой непосредственно, и заграничная фрахтовая часть СТФ оставалась в стороне. Из этого делался вывод о необходимости срочного заключения договора с Триестинским Ллойдом.

Ну и в завершение письма заграничная фрахтовая часть указала на то, что Ситмар и Паке на основании концессионного договора имели право аквизировать грузы для своих пароходов непосредственно, и это право передавалось ей, т. е. СТФ, как агенту этих обществ. Не выступая на внешних фрахтовых рынках, СТФ монополии фрахтования не нарушал, но считал, что за ним должно быть оставлено безусловное право самостоятельной аквизиции грузов для пароходов иностранных регулярных линий и пароходов плавающих под советским флагом. Это право, кроме прочего, предусматривалось инструкцией о порядке фрахтования иностранного тоннажа [9, л. 137].

Безусловно, наряду с указанными трудностями, были и достижения в работе СТФ по организации фрахтов в этот период. Так, главное агентство СТФ во Франции 2 августа 1926 г. сообщило главной Черноморско-Азовской конторе СТФ и правлению СТФ о том, что правление СТФ в лице члена правления А. Я. Юрова с одной стороны и Итальянское акционерное пароходное о-ва «Ллойд-Триестино» в Триесте в лице его уполномоченного в СССР итальянского подданного Баловича с другой заключили договор о сотрудничестве.

В нем, кроме прочего, оговаривались и вопросы, связанные с фрахтом. В частности, указывалось, что фрахты на экспортные из портов СССР грузы устанавливались Черноморско-Азовской главной конторой СТФ на срок не менее 3-х месяцев по согласованию «Ллойд-Триестино» и утверждались Одесским фрахтовым бюро. При этом, если другие пароходные о-ва предлагали более выгодные ставки, СТФ имел право в интересах конкуренции делать соответствующее понижение ставок со всех экспортных грузов с последующим уведомлением «Ллойд-Триестино». Тем не менее без действительной надобности указанных снижений СТФ производить не мог (п. 5).

Фрахтование трамповых пароходов «Ллойд-Триестино» под экспортные грузы, если это фрахтование проходило через Одесскую фрахтовую контору Наркомторга, производилось исключительно Черноморско-Азовской конторой СТФ как представителем «Ллойд-Триестино» (п. 6).

Кроме того, «Ллойд-Триестино» взяло на себя обязательство уплачивать СТФ: а) со всех импортных в порты СССР грузов 2,5 % с суммы вырученного «Ллойд-Триестино» фрахта; б) на отправляемые из портов СССР на пароходах «Ллойд-Триестино» грузы как массовые, так и генеральные, 5 % с суммы вырученного «Ллойд-Триестино» фрахта; в) за отправляемые из портов СССР на трамповых переходах «Ллойд-Триестино» грузы – 5 % с суммы вырученного «Ллойд-Триестино» фрахта, причем в эти 5% включалась и комиссия Одесской фрахтовой конторы, когда фрахтование было произведено через эту фрахтконтору; г) за выполнение всех агентских функций – прием и отпуск пароходов в портах СССР – агентурное вознаграждение в сумме 15 гиней за каждый пароход по первому порту. За прием же и отпуск пароходов того же рейса в последующих портах – 5 гиней по каждому порту (п. 12) [9, л. 103–108].

Как сообщала контора СТФ во Франции правлению, по этому договору удалось договориться с компанией «Ллойд-Триестино» об отчислении в пользу СТФ 10 % рефакции с грузов Торгпредства и Хозорганов в порты СССР для перевозки через СТФ и помимо него. Также удалось добиться от этой фирмы снижения фрахтов из Венеции до Одессы – Новороссийска – Батума на разницу железнодорожной перевозки из промышленных центров Италии – Ломбардии Пьемонта и Венетте, в связи с чем новые фрахты «Ллойд-Триестино» не должны были превышать (включая перевалочные расходы) стоимости перевозки грузов СТФ на пароходах о-ва «Ситмар» через Геную.

До заключения этого договора «Ситмар» был монополистом по сообщению с Черным морем и держал фрахты высокими, теперь же, по мнению парижской конторы, можно было работать над их снижением. Контора отмечала: «Мы можем реализовать предложение “Ллойд-Триестино”, предоставив ему перевозку наших грузов в пределах до половины всех будущих отправок, производимых до сего времени через Геную. При отправках грузов через Венецию мы можем пользоваться срочными пароходами, до Константинополя и даже с перегрузкой в Константинополе может значительно ускорить доставку наших товаров по назначению, чем при отправке на п/х о-ва “Ситмар”». Кроме того, контора просила предоставлять «Ллойд-Триестино» больше грузов чем ранее, около 50 % того, что давали для «Ситмар». Также сообщалось, что «Ллойд-Триестино» дало согласие на регулярные заходы в порты Азовского моря 1 раз в месяц «в случае нашей в том потребности» [9, л. 116–117].

Отчасти разделяя радость от заключения указанного договора, правление СТФ в своем ответном письме от 23 ноября 1926 г. вынуждено было указать главному агенту СТФ во Франции, что Черноморская контора не сможет повлиять на «Ллойд-Триестино» в смысле понижения фрахта и тем оказать давление на «Ситмар». Основной причиной к тому был небольшой товаропоток из Италии, а если это случилось бы, то СТФ был в состоянии посылать собственные суда в порты Северной Италии за импортными грузами [9, л. 120].

Очевидно, следует указать, что в конце 1926 г. между Представительством Госторга СССР и фирмой «Дерутра» (Гамбург) был также подписан договор, которым эта фирма принимала на себя, а Укгосторг предавал ей транспортирование своих грузов в Германии и из пределов Германии в другие страны как по водным, так и по железнодорожным и воздушным путям, а также выполнение всех связанных с транспортировкой работ, в том числе с правом фрахтования пароходов [9, л. 127–127 об.].

Важно отметить и тот факт, что фирмы «Триестинский Ллойд» и «Дерутра» были весьма непростыми партнерами, которые доставляли весьма много беспокойства и хлопот, а иногда и убытков СССР. Так, управляющий Одесской фрахтовой конторы Тихонов еще в апреле 1926 г. писал в Москву «О фактах нечестной конкуренции Триестинского Ллойда, который критически занижал ставки фрахта по направлению на Константинополь» [14, л. 26]. Одновременно Тихонов просил «отбить» у указанной фирмы Сахаротрест с его заказом, которому предлагалась ставка 10/-, в то время как иногда Триестинский Ллойд заставлял СТФ братья и по 5/- (за кубометр), как это было с Экспортлесом.

В письме также указывалось, что в Италии было организовано новое пароходство – «Сан-Марко» с правлением в Венеции, учрежденное итальянским министерством путей сообщения и министерством финансов, очевидно, для вытеснения Триестинского Ллойда с рынка. Представитель этого пароходства предлагал, пока неофициально, сотрудничество с Доброфлотом [14, л. 30]. Тихонов предлагал этим давить на Триестинский Ллойд в переговорах о немедленной передаче агентств в портах и закрытии его контор.

Таким образом, появилась реальная возможность работать на конкуренции иностранных пароходных обществ с целью понижения фрахтовых ставок. Исходя из этого, Главное Агентство СТФ во Франции 21 декабря 1926 г. писало правлению СТФ и Черноморско-Азовской конторе «Касат. работы с о-вами Ллоиде Триестино Сервици Маритими», что агентство во Франции обращается с просьбой воздействовать на эти общества, имея в виду, что Черноморско-Азовская контора уже производила большие отгрузки экспортных товаров, в связи с чем она могла произвести давление для понижения фрахтов на время, пока у французской конторы не появится достаточного к-ва перевозок, при котором она могла бы вызвать между ними конкуренцию, а за этим и снижение фрахтов.

Для сведения также сообщалось, что принятые меры Итальянским агентством и Торгпредством в Италии против повышения фрахтов положительных результатов не дали вследствие отсутствия конкуренции и Ситмара в перевозках в порты Черного моря. При этом фрахты Ситмара из портов Италии были минимум в 2 раза ниже. Кроме того, подозрение о завышенных ставках из Батума пало на Совторгфлот, имелись в виду экспортные товары, идущие в порты Италии и Марсель.

Указывалось и то, что «нашим отделением в Ленинграде допускаются очень высокие фрахты при перевозке их экспортных грузов, в то время как фирмы, закупившие товар фоб, получают от пароходных о-в вдвое меньший фрахт для аналогичных перевозок из Ленинграда в Гавр». Также Торгпредство жаловалось на чрезвычайно высокие фрахты из портов Черного моря и обратилось к отделению СТФ в Батуме с просьбой о снижении фрахта, что уже якобы неоднократно производилось фирмами Ситмар и Паке по прибытии пароходов в Марсель как для Торгпредства, так и для частных отправителей.

Мотивируя тем, что установление фрахтов экспортных товаров из портов Черного моря производилось ими согласно фрахтам, назначенным Совторгфлотом, общества Ситмар и Пакэ заявляли, что в портах отправления снижения они производить не могли и могли его произвести при наличии их на то желания только в портах назначения. В данном случае о-во Ситмар, видимо, снижение произвести не желало и ответило Торгпредству, что оно не будет возражать против снижения только в том случае, если Батумское отделение СТФ согласится на понижение установленного фрахта.

Из этого примера контора во Франции сделала вывод, что вся тяжесть и ответственность за высокие фрахты на экспортные товары из портов СССР Торгпредством возлагается на СТФ, в связи с чем создавалось весьма неблагоприятное положение. На основании подобных примеров Торгпредством и Хозорганами делались выводы, что СТФ не защищал интересов своей клиентуры и

назначал для них фрахты вдвое выше, чем фрахты, которых добивались частные отправители непосредственно от пароходных обществ [15, л. 1а–2].

Как видно из представленного материала, несмотря на создание первоначальной нормативно-правовой базы, направленной на урегулирование вопросов, связанных с морскими перевозками, арендой и фрахтом морских торговых судов, а также о правах и обязанностях различных государственных организаций, вытекающих из упомянутых законодательных актов, реальная ситуация в развитии организации фрахтового дела в СССР в середине 1920-х гг. была весьма сложной. Несмотря на централизацию фрахтового дела и создание центрального фрахтового совещания, деятельность, к примеру, Совторгфлота в этом направлении была относительно самостоятельной. Также большую долю самостоятельности в деле заключения фрахтовых и прочих договоров еще сохраняли Торгпредства и фрахтовые конторы за рубежом.

Список литературы

1. Благодатная Е. Ю. Упорядочение фрахтовой деятельности в СССР в 1925 – начале 1926 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 3–14.

2. СУ РСФСР, 1923, № 12, ст. 162.

3. Государственный Архив Николаевской области, ф. Р-945, оп. 1, д. 25. Циркуляры правления Экспортхлеб, план и переписка с правлением Укрэкспортхлеб о заготовке, страховке и переработке зернопродуктов. 14.08–29.12.1923. 71 л.

4. Там же, Р-945, оп. 1, д. 36. Переписка с начальниками Екатерининской и Николаевской железных дорог и портом о предоставлении вагонов, ремонте подъездных путей, создании условий по разгрузке вагонов и загрузке пароходов. 26.06. – 31.12.1923. 223 л.

5. Государственный архив Одесской области, ф. Р-1965, оп. 4, д. 40. Фрахтовые договора и переписка с агенством НКВД, Центральным правлением госторгфлота, о порядке фрагования судов перевозок военных грузов и пассажиров. 17.03.1924–26.11.1924. 57 л.

6. Там же, Р-1965, оп. 4, д. 37. Протоколы совещаний ответственных работников морфрахтконтор и Одесской конторы о снабжении продовольствием иностранных пароходов. 4.06.1924–31.12.1924. 121 л.

7. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 20. Переписка с правлением, фрахтовым бюро и другими организациями о фраговании судов заграничного плавания. 1925.

8. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 5. Приказы наркомта Внутренней торговли СССР. Выписки из протокола заседания коллегии о деятельности госторгфлота на Ближнем Востоке и переписка с министерством иностранных дел. 1925.

9. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 55. Переписка с загранично-фрахтовой частью. 1926.

10. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 8. Приказ Гос. Черноморскому пароходству, циркуляры главной конторы и переписка с мурманским моргагенством о перевозках и других вопросах. 1925.

11. Там же, Р-945, оп. 1, д. 56. Постановления СНК УССР, циркуляры и распоряжения «Экспортхлеб». 1.11.1924–13.11.1925. 206 л.

12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М., 1944. – 1198 с.

13. Государственный архив Одесской области, ф. Р-1965, оп. 6, д. 9. Циркуляры правления и главной конторы агентам Совторгфлота. 1925.

14. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 53. Переписка с правлением Совторгфлота по вопросам покупки и продажи судов. 1926.

15. Там же, Р-1965, оп. 6, д. 94. Переписка с заграничной фрахтовой частью об импортных фрахтах. 1927.

Blagodanaya E. Yu. Organization of the chartered business in 1924–1926 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 1 (67). № 1. – P. 12–23.

In-process, on the basis of study and analysis of wide complex of the archived sources (correspondence, circulars, agreements etc.) specified, that not looking on creation of primary normatively-legal base sent to the

settlement of questions related to marine transportations, lease and freight of maritime trade courts, and also about rights and duties of different state organizations following from the mentioned legislative acts, the real situation in development of organization of the chartered business in the USSR in the middle of 1920th was very difficult. Not looking on centralizations of the chartered business and creation of the central chartered conference, activity, for example, of the Soviet mercantile fleet in this direction was relatively independent. Also the large stake of independence on business of entering into the chartered and other contracts was yet saved by Торгпредства and chartered offices abroad.

Keywords: freight, Soviet mercantile fleet, chartered bureaus, steamship societies.

Spisok literatury:

1. Blagodatnaya E. Yu. Uporyadochenie frahtovoy deyatel'nosti v SSSR v 1925–nachale 1926 gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2015. – T. 1 (67). № 4. – S. 3–14.
2. SU RSFSR, 1923, №12, st. 162.
3. Gosudarstvennyy Arhiv Nikolaevskoy oblasti, f. R-945, op. 1, d. 25. Tsirkulyary pravleniya Eksporthleb, plan i perepiska s pravleniem Ukreksportbleb o zagotovke, strahovke i pererabotke zernoproductov. 14.08–29.12.1923. 71 l.
4. Tam zhe, R-945, op. 1, d. 36. Perepiska s nachalnikami Ekaterininskoy i Nikolaevskoy zheleznih dorog i portom o predostavlenii vagonov, remonte podozdnyh putey, sozdaniy usloviy po razgruzke vagonov i zagruzke parohodov. 26.06. – 31.12.1923. 223 l.
5. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 4, d. 40. Frahtovye dogovra i perepiska s agenstvom NKID, Tsentralnym pravleniem gostorgflota, o poryadke fraktovaniya sudov perevozok voennyh gruzov i passazhirov. 17.03.1924–26.11.1924. 57 l.
6. Tam zhe, R-1965, op. 4, d. 37. Protokoly soveshchaniy otvetstvennyh rabotnikov morfraktkontor i Odesskoy kontory o snabzhenii prodovolstviem inostrannyh parohodov. 4.06.1924–31.12.1924. 121 l.
7. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 20. Perepiska s pravleniem, fraktovym byuro i drugimi organizatsiyami o fraktovaniy sudov zagranichnogo plavaniya. 1925.
8. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 5. Prikazy narokma Vnutrenney torgovli SSSR. Vypiski iz protokola zasedaniya kollegii o deyatel'nosti gostorgflota na Blizhnem Vostoke i perepiska s ministerstvom inostrannyh del. 1925.
9. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 55. Perepiska s zagranichno-frahtovoy chastyu. 1926.
10. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 8. Prikaz Gos. Chernomorskoy parohodstvu, tsirkulyary glavnoy kontory i perepiska s murmanskim moragenstvom o perevozkah i drugih voprosah. 1925.
11. Tam zhe, R-945, op. 1, d.56. Postanovleniya SNK USSR, tsirkulyary i rasporyazheniya «Eksporthleb». 1.11.1924–13.11.1925. 206 l.
12. Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1921 g. – M., 1944. – 1198 s.
13. Gosudarstvennyy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 6, d. 9. Tsirkulyary pravleniya i glavnoy kontory agentam Sovtorgflota. 1925.
14. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 53. Perepiska s pravleniem Sovtorgflota po voprosam pokupki i prodazhi sudov. 1926.
15. Tam zhe, R-1965, op. 6, d. 94. Perepiska s zagranichnoy frahtovoy chastyu ob importnyh frahtah. 1927.

УДК 342.724

КАТЕГОРИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ КАК ПРАВ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гарчева Л. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проанализированы различные мнения российских и зарубежных ученых по вопросу о сущности и содержанию прав третьего поколения, сказано о неоднозначности подходов исследователей к трактовке понятия «коллективные права», отмечено, что до сих пор нет единого мнения о том, какие права можно считать правами третьего поколения. Автор отмечает, что проблема определения коллективных прав упирается в специфику самого коллективного субъекта, что к этой категории прав относятся лишь права, субъектами которых являются народ и нация, в том числе право на самоопределение, право на устойчивое развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, право на совместное использование общего наследия человечества, на информацию, на гуманитарную помощь, т. е. коллективные или групповые права, связанные с понятием солидарности, и их нельзя рассматривать как сумму индивидуальных прав и свобод лиц, которые входят в то или другое сообщество, коллектив.

Ключевые слова: коллективные права, коллективные субъекты, третье поколение прав.

Конструкцию трех поколений прав человека в 70-х годах XX ст. предложил чешский ученый бывший директор департамента прав человека и мира ЮНЕСКО Карел Васак. Он же назвал права третьего поколения солидарными, или коллективными правами.

Выделение третьего поколения прав человека ученые связывают с возрастающей глобализацией, взаимозависимостью стран и народов, что влечет за собой необходимость совместных усилий и действий всего мирового сообщества. Считается, что появление коллективных прав «вызвано глобальными угрозами человечеству: угрозой экологической катастрофы, разрушительных военных конфликтов, экономической деградации целых частей света» [11].

Несмотря на то, что концепции прав третьего поколения уже более столетия, дискуссии вокруг природы этой группы прав не прекращаются. Проблемами прав третьего поколения – коллективными правами – занимаются как зарубежные, так и российские ученые. Значительный вклад в их развитие внесли К. Васак, Берни Г. Уэнстон, Д. Сандерс, Н. Л. Калера, Г. Н. Андреева, Н. В. Варламова, Е. А. Лукашева, А. Г. Осипов, С. И. Глушкова, С. И. Ивентьев и др. Круг научных проблем, затрагиваемых исследователями, чрезвычайно широк. Это вопросы о целесообразности выделения категории коллективных прав, их классификации, методологии определения сущности понятия коллективных прав и другие.

О неоднозначности отношения научного мира к концепции коллективных прав говорит периодически поднимаемый в трудах исследователей вопрос о целесообразности выделения группы коллективных прав. В 2000 году вышла

монография преподавателя Университета Гранады Николаса Лопеса Калеры под названием «Существуют ли коллективные права? Индивидуальность и социальность в теории прав человека», в которой автор подробно анализирует теоретические аспекты проблемы и сложившиеся к настоящему времени различные концепции коллективных прав, уделяя особое внимание теориям В. Кимлика, Й. Раса и М. Хартени [18]. Как отмечает Г. А. Андреева в реферате по данной работе, монография носит полемический характер, «интрига работы состоит в том, что исторически теория прав человека базировалась на индивидуализме, который на первый взгляд исключает коллективные права», но по мнению автора, «специфика нашего времени состоит в том, что в нем индивидуальная человеческая жизнь невозможна вне процессов социализации и множественности коллективных субъектов», а «индивидуальные права не могут существовать без коллективных» [1, с.117].

В 2002 году А. Г. Осипов, в принципе не отрицая существование концепции коллективных прав в целом и групповых прав в частности, пишет: права третьего поколения вряд ли могут считаться правами в строго юридическом значении; «на вопрос, есть ли в юридическом смысле коллективные права или нет коллективных прав, можно дать следующий ответ – скорее нет, чем да», и «утверждения в том духе, что весь мир признает коллективные права, не соответствует действительности» [10].

Сегодня вопрос о том существуют ли коллективные права, уже не поднимается, споры идут вокруг многообразия трактовок понятий «коллективных прав», «коллективных субъектов», содержания прав третьего поколения.

Анализ работ, посвященных правам третьего поколения, показывает, что до сих пор нет единого мнения о том, какие права можно считать правами третьего поколения. Все ученые относят к этой категории прав права, субъектами которых являются народ и нация, в том числе право на самоопределение, право на устойчивое развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, право на совместное использование общего наследия человечества, на информацию, на гуманитарную помощь, т. е. коллективные или групповые права, связанные с понятием солидарности. Однако если одни ученые ограничивают третье поколение этим кругом коллективных прав, то другие приобщают к ней все права, которые можно осуществить не только индивидуально, но и коллективно, включая право на забастовки, коллективные петиции, заключение коллективных трудовых договоров, право на объединение в политические партии и общественные организации, заключение брака, а также специальные права, определенной (специальной) группы (инвалидов, детей, женщин, мигрантов, заключенных и т. д.). При этом авторы далеко не всегда объясняют, какие значения они вкладывают в понятие «коллективные права», рассматривают их с точки зрения сущности прав третьего поколения или с точки зрения способов и формы реализации индивидуальных прав.

Так, С. И. Глушкова пишет, что «к коллективным правам можно отнести права народов и права наций, закрепленные в международных и региональных стандартах по правам человека, национальном законодательстве соответствующих стран. Среди них – такие права, как право на мир, солидарность, самоопределение, устойчивое развитие, др.». Далее из прав народов и наций автор выделяет права национальных меньшинств и коренных народов и называет их групповыми правами

вместе с отраслевыми (трудовыми, семейными, уголовно-процессуальными, конституционными, экологическими и др.), а также с правами отдельных социальных групп населения (инвалидов, умственно отсталых лиц, трудящихся-мигрантов и членов их семей, апатридов, беженцев и т. д.) [4, с. 147]. Возникает вопрос: или автор не считает права национальных меньшинств и коренных народов коллективными правами или относит все три категории групповых прав к правам третьего поколения.

И в этом С. И. Глушкова не одинока. Специальные права так называемых маргинальных слоев населения к третьему поколению прав относят и иные авторы. Так, С. В. Поленина, Л. И. Глухарева считают, что третье поколение прав человека охватывает права (специальные права) тех категорий граждан (детей, молодежи, престарелых, инвалидов, беженцев, представителей национальных и расовых меньшинств и др.), которые по социальным и иным причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны как государства, так и международного сообщества в целом [9, с. 14; 3, с. 53,55].

По мнению американского ученого Б. Дж. Сингера, коллективные права – это те права, которыми индивидуумы обладают в силу их коллективной принадлежности к какому-либо подсообществу. Поскольку члены такого подсообщества пользуются такими правами коллективно, то автор считает, что это права подсообщества [15, с. 94]. Однако из этого определения не ясно, что автор подразумевает под «подсообществами» и что означает «право объединяться»? Если это право объединяться в общественные организации, политические партии, то это право вряд ли можно отнести к правам третьего поколения, поскольку оно уже нашло свое выражение в первом поколении прав.

Такой подход к трактовке коллективных прав как прав третьего поколения объясняется неопределенностью методологической основы сущности понятия данной категории прав. Все вышеуказанные авторы будут правы в своих утверждениях, если абстрагироваться от прав третьего поколения и рассматривать права человека только с точки зрения формы их реализации: индивидуально или коллективно осуществляются эти права.

Указывая на существование нескольких подходов к пониманию сущности коллективных прав, Е. В. Регеда выделяет: первый подход (европейская традиция) – это коллективные права как права «третьего поколения»: «связанные с понятием солидарности (права народов, в том числе право на самоопределение, право на устойчивое развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, право на совместное использование общего наследия человечества, на информацию, на гуманитарную помощь)», второй подход – когда «коллективные права понимаются как индивидуальные права, реализуемые в коллективе. В рамках данного подхода свойство коллективности относится не к содержанию права, а к форме его реализации» [14, с. 48]. Так, Р. А. Мюллерсон утверждает, что третье поколение прав можно назвать правами человека и правами народов: право на мир, право на здоровую окружающую среду принадлежит каждому человеку и каждому народу. И. А. Умнова считает, что правами третьего поколения обладает не только социально-политическая общность или определенная группа людей (народ, население), но и отдельный индивид, ибо это неотъемлемые блага [6].

По мнению Г. И. Осипова, понятие «коллективные права» «допускает как минимум пять возможных прочтений: 1) индивидуальные права, реализуемые в коллективе, совместно с другими людьми (т. н. коллективное измерение индивидуальных прав); 2) общие права человека и гражданина применительно к членам определенной группы; 3) специальные права, которыми обладают индивиды, относящиеся к определенной категории (т. н. специальные права); 4) правомочия коллективного субъекта права – организации; 5) права условной или статистической группы как таковой (здесь – групповые права)» [10].

Основной особенностью третьего поколения прав является то, что они осуществляются не отдельным человеком, а коллективом, общностью, ассоциацией. Еще К. Васак писал: «специфика прав третьего поколения усматривается в том, что это коллективные права, не сводимые к правам индивидов, входящим в группы» [2]. Это не простая «сумма индивидуальных прав лиц, входящих в коллектив, они имеют качественно новые свойства, определенные целями и интересами каждого отдельного коллективного образования» [14, с. 50].

Современная наука поддерживает мнение, что коллективные права не являются естественными, так как они формируются по мере становления интересов коллектива (народа, нации, общества) и «их нельзя рассматривать как совокупность индивидуальных прав и свобод, которые входят в состав этого коллектива». При этом проблема определения коллективных прав упирается в специфику самого коллективного субъекта. Н. И. Матузов отмечает, что не всякий коллектив может быть субъектом права, и предлагает вполне приемлемое определение коллективного субъекта: «Субъектами права являются лишь более или менее значительные, устойчивые постоянные образования, которые характеризуются единством воли и цели, а также определенной внутренней организацией. Это не случайные и не временные соединения граждан или каких-то структур» [16, с. 519]. Без категории коллективного субъекта нельзя понять такие фундаментальные категории, как «народный суверенитет», «национальный суверенитет», «общая воля», «публичный интерес» и т. д. Например, концепция народного суверенитета не имеет смысла без понятия коллективного субъекта – народа [1, с. 120]. Соглашаясь с тем, что коллективные права – это, прежде всего, права народов, М. П. Фомиченко отмечает: «Права народов – особые коллективные права человека, связанные с его принадлежностью к определенной территории, политической и национальной (наднациональной) общности» [13]. А. Г. Осипов подчеркивает, что под коллективными правами подразумеваются права условной или статистической группы (народа, этнической общности, национального меньшинства) как таковой, а группа воспринимается как субъект определенных прав и говорит он о ней как о концепте групповых прав.

Таким образом, под коллективом как субъектом коллективных прав понимается не просто группа, совокупность людей, объединенных совместной деятельностью в рамках какой-то организации. Это, скорее, совокупность людей, объединенных общими интересами, потребностями, имеющими внутреннюю взаимосвязь между собой (это народы, нации, коренные, малочисленные народы, национальные, религиозные, этнические, языковые меньшинства). Е. Лукашева утверждает, что коллективные права – это право народа, право нации, право сообщества, ассоциаций, их нельзя рассматривать как сумму индивидуальных прав и свобод лиц, которые входят в то или другое сообщество, коллектив [7]. В. Федосенко под коллективными правами понимает именно права коллектива как отдельно взятого субъекта, а не права отдельного человека, имеющие коллективную форму

реализации. По мнению В. Федосенко, «особенность коллективных прав заключается в том, что они принадлежат не отдельным лицам, как таковым, а коллективам, объединенным по принципу солидарности, в силу своей природы. Коллективные права не могут осуществляться отдельным индивидом. Он может принять участие в их реализации лишь на положении члена коллектива (т. е. здесь не будет учитываться личный статус индивида). К примеру, отдельно взятый представитель коренного малочисленного народа не может индивидуально использовать право на самоопределение. Но в то же время он пользуется определенными льготами, установленными государством, пользуясь правом на самоопределение совместно с другими представителями своего народа» [14].

Существует мнение, что субъектом коллективных прав третьего поколения является также «международное сообщество, которому принадлежит право на космическое пространство, на научно-техническую информацию и прогресс и т. д.» [5, с. 412].

Высказываются мысли и о становлении такого субъекта как человечество в целом. Однако Р. А. Мюллерсон считает, что права третьего поколения не могут принадлежать «человечеству в целом» [8, с. 30]. Н. В. Варламова, поддерживая эту точку зрения, пишет: «Человечество в целом не может выступать в качестве субъекта права, так как не обладает внутренним единством, отсутствует иная социальная общность, с которой оно могло бы находиться в правовом взаимодействии» [2].

Иногда в перечне субъектов прав третьего поколения встречается государство. По этому поводу заслуживает внимания мнение Н. В. Варламовой, которая утверждает, что «коллективные права социальных общностей не могут интерпретироваться как права государств. Будучи организацией публичной политической власти, государство вообще не обладает какими-либо правами. Государство создается людьми, образующими социальные общности (нации), для защиты их индивидуальных и коллективных прав... Коллективные права являются в определенной мере правами против государства, когда оно забывает о своем социальном назначении (нарушает индивидуальные и коллективные права человека). Именно в таком качестве коллективные права признаются и гарантируются мировым сообществом, заинтересованным в поддержании правового характера миропорядка» [2].

Таким образом, существование коллективных прав в современной науке не вызывает возражений и является объектом повышенного внимания. Права третьего поколения по своей сущности являются коллективными, основанными на солидарности. Это права народов, наций, национальных, языковых, религиозных меньшинств. Бернс Г. Уестон выделяет шесть коллективных прав, требующих общих усилий всех социальных сил на планетарном уровне. Это «право на политическое, экономическое, социальное и культурное самоопределение; право на участие и получение прибылей от “общего наследия человечества” (общее околоземное пространство; научная, техническая и другая информация и прогресс; культурные традиции, достопримечательности и памятники);.. право на мир; право на здоровую и сбалансированную окружающую среду и право на гуманитарную помощь в случае различных катастроф» [17, с. 22]. Эти права могут быть реализованы лишь через коллективные права народов – носителей таких прав. При этом существует огромное количество индивидуальных прав, которые могут осуществляться посредством совместных действий ряда лиц, их можно назвать коллективными только по форме, способам реализации, но такие права не входят в состав прав третьего поколения.

Список литературы

1. Андреева Г.Н. Реферат по книге: Калера Н. Л. Существуют ли коллективные права? Индивидуальность и социальность в теории прав человека. – Барселона, 2000 // Конституционное право: новейшие зарубежные исследования. – М., 2005. – С. 120–121.
2. Варламова Н. В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011, N 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=2064&id=10> Дата обращения: 19.01.2016.
3. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). – М., 2003. – С. 51–55.
4. Глушкова С. И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма / Права человека перед вызовами XXI века / под ред. В. В. Смирнова и А. Ю. Сунгурова. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 349 с.
5. Карташкин В. А. Движение к единому мировому пространству: Права человека накануне XXI века. – М., 1995. – С. 412.
6. Казановская Ю. А. Современная юридическая наука о третьем поколении прав человека. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/178.pdf>. Дата обращения: 12.02.2016.
7. Лукашева Е. А. Межнациональные конфликты и права человека // Права человека и межнациональные отношения. – М., 1994. – С. 49.
8. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. – М., 1991. – С. 29–31.
9. Поленина С. В. Права женщины в системе прав человека: международный и национальный аспект. – М., 2000. – С. 14.
10. Осипов А. Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? / Мультикультуризм и трансформации постсоветских обществ. – М., ИЭА РАН, Институт философии РАН, – 2002. – С. 80–100.
11. Права человека. Юридическая энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://slovarium.com/slovo.php?sid=197831> Дата обращения: 01.03.2016
12. Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма, 2007. – 463 с.
13. Права человека и народов: Учебное пособие / О. О. Миронов, С. А. Глотов, Л. Н. Кочеткова и др.; Под. ред. О. О. Миронова – М., Саратов: Издательский центр ИНСР; Саратовский юридический институт МВД России. – 2006. – С. 222.
14. Регеда Е. В. К вопросу о правовой сущности института коллективных прав // Бизнес в законе, 2009, № 1. – С. 48–50;
15. Сингер Б. Дж. Демократическое решение проблемы этнического многообразия // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 94.
16. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько – М., 2002.
17. Бернс Г. Уестон Права людини / Бернс Г. Уестон // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік. – К.: вид-во «Ай Бі» – 2003. – 262 с.
18. Calera N. L. Hay derechos colectivos? Individualidad y socialidad en la teoría de los derechos. – Barcelona: Ariel Derecho, 2000. – 174 p.

Garcheva L.P. Category of collective rights as the third generation rights in the Russian and foreign studies // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2015. – Vol. 1, № 1. – P. 24–30.

The article examines the different opinions of Russian and foreign scientists on the question of the nature and content of third-generation rights, given the ambiguity of research approaches to the interpretation of the concept of collective rights. It is noted that there is still no consensus on what the right can be considered as third-generation rights. The author states that the problem of the definition of collective rights depends on the specificity of the collective subject, that this category of rights are only rights, subjects which are the people and the nation, including the right to self-determination, to sustainability, to peace, to a healthy environment, the right to participation in culture heritage, communication rights, humanitarian aid. Those are collective or group rights that are associated with the notion of solidarity and should not be considered as the sum of individual rights and freedoms of persons who belong to one or the other community.

Keywords: collective rights, collective subjects, the third generation rights.

Spisok literatury

1. Andreeva G. N. Referat po knige: Kalera N. L. Suschestvuyut li kollektivnyie prava? Individu- alnost i sotsialnost v teorii prav cheloveka. – Barselona, 2000 // Konstitutsionnoe pravo: noveyshie zarubezhnyie issledovaniya. – M., 2005. – S. 120–121.
2. Varlamova N.V. Trete pokolenie prav cheloveka? ("Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal", 2011, N 2. [Elektronnyiy resurs] URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?art=2064&id=10> Data obrascheniya: 19.01.2016.
3. Gluhareva L. I. Prava cheloveka v sovremennom mire (sotsialno-filosofskie osnovyi i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie). – M., 2003. – S. 51–55.
4. Glushkova S. I. Individualnyie, gruppovyye, kollektivnyie i vseobschie prava v usloviyah multikulturalizma /Prava cheloveka pred vyizovami XXI veka / pod red. V. V. Smirnova i A. Yu. Sungurova. – M.: Rossiyskaya assotsiatsiya politicheskoy nauki (RAPN); Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. – 349 s.
5. Kartashkin V. A. Dvizhenie k edinomu mirovomu prostranstvu: Prava cheloveka nakanune XXI veka. – M., 1995. – S.412.
6. Kazanovskaya Yu. A. Sovremennaya yuridicheskaya nauka o tretem pokolenii prav cheloveka. [Elektronnyiy resurs] URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/178.pdf>. Data obrascheniya: 12.02.2016.
7. Lukasheva E. A. Mezhnatsionalnyie konflikty i prava cheloveka // Prava cheloveka i mezhnatsionalnyie otnosheniya. – M., 1994. – S. 49.
8. Myullerson R. A. Prava cheloveka: idei, normyi, realnost. – M., 1991. – S. 29–31.
9. Polenina S. V. Prava zhenschiny v sisteme prav cheloveka: mezhdunarodnyiy i natsionalnyiy aspekt. – M., 2000. – s.14.
10. Osipov A. G. Yavlyayutsya li gruppovyye prava neobhodimym usloviem nediskriminatsii i zaschityi menshinstv? /Multikulturizm i transformatsii postsovetskikh obschestv. – M., IEA RAN, Institut filosofii RAN, – 2002. – S. 80–100.
11. Prava cheloveka. Yuridicheskaya entsiklopediya [Elektronnyiy resurs] URL: <http://slovarium.com/slovo.php?sid=197831> Data obrascheniya: 01.03.2016.
12. Prava cheloveka i protsessyi globalizatsii sovremennogo mira / Otv. red. E.A. Lukasheva. – M.: Norma, 2007. – 463 s.
13. Prava cheloveka i narodov: Uchebnoe posobie /O. O. Mironov , S. A. Glotov, L.N. Kochetkova i dr. ; Pod. red O. O. Mironova ... – M., Saratov : Izdatelskiy tsentr INSR; Saratov-skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. – 2006.–S. 222.
14. Regeda E. V. K voprosu o pravovoy suschnosti instituta kollektivnyih prav //Biznes v zakone, 2009, # 1.– S.48–50.
15. Singer B. Dzh. Demokraticeskoe reshenie problemyi etnicheskogo mnogoobraziya // Voprosyi fi-losoffii. – 1994. – № 6. – S. 94.
16. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Malko – M., 2002.
17. Berns G. Ueston Prava lyudini / Berns G. Ueston // Prava lyudini: kontseptsiiyi, pldhodi, realizatsiya: per. z angl. / Pld red. B. Zlzk. – K.: vid-vo «Ay BI» – 2003. – 262 s.
18. Calera N. L. Hay derechos colectivos? Individualidad y socialidad en la teoria de los derechos. – Barcelona: Ariel Derecho, 2000. – 174 p.

УДК 340.15:347.79

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ТОРГОВОМ ФЛОТЕ СССР В 1929–1939 ГГ.

Гурина Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе рассматриваются такие основные нормативные акты, регулировавшие дисциплинарную ответственность в морском торговом флоте СССР в 1929–1939 гг.: принятый в 1929 г. Кодекс торгового мореплавания СССР; постановление ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик»; постановление ЦИК и СНК СССР от 17 января 1932 г. «О распространении положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте на работников народного комиссариата водного транспорта», принятое во исполнение положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте (ЦИК СССР № 47 СНК СССР № 603а от 3 ноября 1930 г.); постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин»; постановление ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1934 г. «Об утверждении устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР» и сам этот устав.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, взыскания, постановление, устав.

Принятие в 1929 г. Кодекса торгового мореплавания СССР определило основы дальнейшего развития правовых норм в этой отрасли. Как уже указывалось, значительное внимание уделялось в Кодексе власти и обязанностям капитана судна. Так, все лица судового экипажа могли назначаться не иначе как с согласия капитана. Капитану судна во время рейса принадлежало право сместить на низшую должность, отстранить от исполнения служебных обязанностей или уволить всякое лицо экипажа судна, если капитан обнаружил, что данное лицо нарушало свои обязанности.

Указанные взыскания налагались капитаном на общих основаниях, устанавливаемых законодательством о труде. Если взыскание было наложено в плавании, то вопрос о наложении взыскания мог быть рассмотрен в расценочно-конфликтной комиссии только по приходе судна в порт СССР.

Во время стоянки судна в иностранном порте взыскание налагалось лишь по рассмотрении конфликта в порядке, предусмотренном ст. 104 Консульского устава СССР.

В случае отстранения от исполнения служебных обязанностей или увольнения капитан обязан был озаботиться доставкой отстраненного или уволенного за счет судовладельца в соответствующий порт применительно к ст. 55 (ст. 56 КТМ).

На капитана судна возлагалось управление судном, в том числе и судовождение, а равно принятие всех необходимых мер к безопасному совершению плавания и к поддержанию порядка на судне. Все распоряжения капитана в пределах его полномочий подлежали беспрекословному исполнению всеми лицами

экипажа судна, а равно пассажирами и всеми другими находящимися на судне лицами.

Капитан судна мог принимать в отношении находящихся на судне лиц необходимые меры в случае неисполнения кем-либо из них его законных распоряжений. Если поведение находящихся на судне лиц угрожало безопасности судна или находящимся на нем лицам и имуществу, капитан был вправе применить задержание в особом помещении. За незаконное задержание капитан нес ответственность по уголовному кодексу союзной республики, на территории которой был расположен порт приписки судна (ст. 57 КТМ) [1].

Однако многие меры дисциплинарной ответственности в КТМ были даны лишь в общих чертах, а потому была необходимость их более четкой проработки и, соответственно, внедрения. Тем не менее сделать это было необходимо, изначально закрепив основные принципы дисциплинарной ответственности в общесоюзном трудовом законодательстве.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик» было утверждено постановлением 2-й сессии ЦИК СССР 5-го созыва от 8 декабря 1929 г. Им, в частности, устанавливалось, что нарушения обязанностей службы (трудовой дисциплины), не преследуемые в уголовном порядке, влекут за собою дисциплинарную ответственность (ст. 1).

Дисциплинарная ответственность осуществлялась либо в порядке подчиненности, согласно ст. ст. 6–14 данного постановления, либо в порядке, установленном правилами внутреннего распорядка и приложенными к ним табелями взысканий.

Специальными законами СССР и союзных республик для отдельных категорий работников (рабоче-крестьянская милиция, административно-строевой состав мест заключения, охрана путей сообщения НКПС, охрана предприятий и сооружений, имеющих особое государственное значение, и т. п.) и для отдельных видов дисциплинарных проступков (нарушения работниками железнодорожного транспорта технических правил, вызвавшие происшествия, связанные с железнодорожным движением, и т. п.) могли предусматриваться отступления от установленных этим постановлением правил ответственности в порядке подчиненности либо правила, устанавливающие иной порядок дисциплинарной ответственности и не предусмотренные постановлением дисциплинарные взыскания (ст. 2).

Ответственности в порядке подчиненности подлежали указанные ниже служащие по найму должностные лица государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий:

а) пользующиеся правом найма и увольнения;

б) ответственные работники иных категорий, перечни которых устанавливались НКТ СССР и союзных республик по согласованию соответственно с ВЦСПС и республиканскими советами профсоюзов.

Ответственности в порядке подчиненности подлежали также все должностные лица, служащие по выборам (ст. 3).

Все остальные лица, работающие по найму, подлежали ответственности в порядке, установленном правилами внутреннего распорядка и приложенными к ним табелями взысканий (ст. 4).

Должностные лица определенных категорий, устанавливаемых специальными законами СССР и союзных республик, подлежали ответственности в порядке подчиненности также и за поступки, хотя и не являющиеся нарушениями обязанностей службы и трудовой дисциплины, но несовместимые с достоинством и назначением должностных лиц этих категорий ввиду особого характера выполняемых ими обязанностей (ст. 5).

Дисциплинарное взыскание в порядке подчиненности налагалось лицом или органом, от которых, согласно существующим правилам, зависело назначение данного должностного лица на должность, либо лицами и органами вышестоящими, по линии подчиненности в отношении указанных лиц и органов.

Взыскание налагалось по собственной инициативе указанных лиц и органов либо по предложению лиц и органов, которым, согласно специальным законам, предоставлено делать обязательные предложения о наложении дисциплинарных взысканий (ст. 6).

Дисциплинарными взысканиями, налагаемыми в порядке подчиненности, являлись: а) замечание; б) выговор; в) смещение на низшую должность на срок не свыше одного года; г) увольнение от должности (ст. 7).

Должностные лица, служащие по выборам, могли быть подвергнуты смещению на низшую должность только по постановлениям органов, которыми они избраны.

Увольнение от должности для этих должностных лиц производилось в форме отозвания их по постановлениям органов, которыми они избраны.

Впредь до смещения на низшую должность или отозвания эти должностные лица могли быть временно отстранены от должности в порядке, установленном специальными законами СССР и союзных республик, по принадлежности (ст. 8).

Дисциплинарное взыскание в порядке подчиненности не могло быть наложено позднее 1 месяца со дня обнаружения проступка, а в подлежащих случаях – со дня прекращения уголовного дела.

Дисциплинарное взыскание в порядке подчиненности, во всяком случае, не могло быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка. Однако в этот срок не включается время производства дела в уголовном порядке (см. ст. 13) (ст. 9).

До наложения дисциплинарного взыскания в порядке подчиненности обязательным было истребование объяснений от привлеченного к ответственности лица (ст. 10).

Мотивированное постановление о наложении дисциплинарного взыскания в порядке подчиненности должно было немедленно сообщаться лицу, на которое взыскание наложено, а по вступлении в силу объявляться по учреждению или предприятию, в котором состоит данное лицо (ст. 11).

При этом постановление о наложении дисциплинарного взыскания в порядке подчиненности в двухнедельный срок могло быть обжаловано лицом, на которое взыскание наложено.

Соответственно, жалобы следовало подавать должностному лицу или органу, непосредственно вышестоящему в отношении того должностного лица или органа, которым взыскание было наложено.

Постановления по жалобам являлись окончательными и могли быть пересмотрены только в порядке надзора вышестоящими органами (ст. 12).

Наложение дисциплинарного взыскания в порядке подчиненности не являлось препятствием для возбуждения уголовного преследования по поводу того же нарушения. Однако если это взыскание еще не было приведено в исполнение, то исполнение его приостанавливалось до разрешения уголовного дела (ст. 13).

Постановлением также предусматривалось, что если в течение одного года со дня наложения в порядке подчиненности дисциплинарных взысканий, предусмотренных в пп. «а», «б» и «в» ст. 7, то же лицо не было подвергнуто новому дисциплинарному взысканию, то это лицо рассматривалось как не подвергшееся дисциплинарному взысканию (ст. 14) [2].

Принятие мер дисциплинарной ответственности в рассматриваемый период было весьма необходимо, в первую очередь, из-за низкой дисциплины труда, этого требовала и реальная обстановка на торговом флоте.

Так, к примеру, 1 января 1931 г. Управление СТФ Черного моря потребовало от всех начальников районных управлений и начальников Николаевского и Херсонского порта провести проверку судоводительских знаний «Правил для предупреждения столкновения судов в море». В приказе указывалось, что рассмотрение и изучение причин аварийности судов, порчи их механизмов и ненормальной работы таковых привело к выводу, что, наряду с нарушением трудовой дисциплины и другими обстоятельствами, увеличение аварийности объясняется зачастую неполным знанием своей квалификации судоводителями и судомеханиками, а также и тем, что среди судовых команд имеются лица, которые по состоянию своего здоровья непригодны к нормальному несению своих обязанностей на судах.

В связи с этим следовало провести на местах (за исключением Одессы) такие меры по отношению экипажей тех судов, которые прикреплены и базируются на местных портах и агентствах: 1) проверить квалификацию судоводителей и судомехаников; 2) организовать местные медицинские комиссии, через которые пропустить весь личный плавсостав на предмет определения его пригодности к дальнейшей морской службе [3, л. 391].

Еще более показательным в отношении дисциплины на судах был суд, состоявшийся 13/14 октября 1931 г. в г. Ялте над бывшим экипажем парохода «Зоря» (от капитана до последнего матроса). Данный пароход возил в Феодосию муку, но по пути зашел в Алушту и взял груз груш, которые были частью расхищены всей командой теплохода, включая капитана.

Далее по взаимному соглашению между собой команда стала расхищать и прочие грузы – сыр, муку, овес, табак и т. д. – «путем расшивки тары и отсыпкой с каждого места по несколько фунтов, после чего происходила дележка там же на палубе между всеми поровну». В результате капитана судна Скулишевского А. П. приговорили на 2 года с запретом после отбытия наказания 5 лет занимать должность капитана. Но ввиду возраста и 50 лет стажа на флоте ему и еще двум дали условное наказание.

Некоторых членов команды оправдали, некоторые получили по 3 и 6 месяцев исправительно-трудовых работ, а старпома Крыличевского и матросов Орешникова и Сытника осудили к 2 годам лишения свободы [4, л. 8–10].

Очевидно, этим и другими аналогичными событиями был вызван приказ № 2940 правления Совторгфлотом Черного моря от 28 октября 1931 г. Им, в частности, предписывалось пересмотреть весь командный состав товаро-пассажирских судов особой комиссии в составе начальника сектора кадров Яровского, начальника сектора эксплуатации Панова и начальника Судомеханического сектора Иванова и произвести необходимую замену с таким расчетом, чтобы качественный состав командного состава был улучшен. Работу это следовало закончить к 1 ноября (п. 1).

Начальнику сектора кадров, в свою очередь, следовало к 1 ноября проработать и передать капитанам судов подробную инструкцию о порядке найма и увольнения команды, обеспечив полностью осуществление единоначалия капитана по комплектации судозкипажа (п. 2).

Управляющим бассейна под ответственность начальника сектора кадров предлагалось обеспечить проведение мероприятий, направленных к закреплению команды на судах сроком на 2 года. Это закрепление следовало оформить приказом по бассейну и приурочить его к октябрьским торжествам (п. 3).

Начальнику сектора экономики труда Темкину предписывалось пересмотреть систему заработной платы и ставки, получаемые на судах, произведя соответствующие изменения и исправления имеющихся ненормальностей в ставках и системе зарплаты и особо выделить теплоходы экспрессной линии и отдельно – теплоходы советской постройки. Пересмотр предлагалось произвести под углом ликвидации уравниловки. Срок устанавливался стандартный – к 1 ноября (п. 4).

Начальника сектора снабжения Бондаренко совместно с представителем ТПО и начальником пассажирской части обязали пересмотреть продовольственное снабжение на судах Черноморского флота, добившись улучшения стола как командного состава, так и команды, произведя это не позже 1 ноября (п. 5).

В свою очередь, начальнику сектора снабжения полагалось обеспечить к 1 ноября снабжение спецодеждой всех судовых команд товаро-пассажирских судов Крымско-Кавказской линии (п. 6). Одновременно с этим было решено ввести на всех товаро-пассажирских судах обязательное ношение формы для командного состава, а для команды установить форменное рабочее обмундирование, обязательное к носке во время нахождения на судне (п. 7).

Для ликвидации обезличивания в эксплуатации судов начальнику эксплуатационного сектора Панина предлагалось прикрепить ответственных исполнителей эксплуатационного сектора к группам судов по характеру работы и районам питания, поручив им ведение оперативного учета работы судов по каждому судну в отдельности, выработку эксплуатационных показателей, увязывая всю эксплуатационную работу с проведением хозрасчета (п. 9).

Начальнику финансового сектора следовало обеспечить все необходимые сведения для действительного перевода судов на хозрасчет к 1 ноября (п. 10); начальнику снабжения – к 1 ноября обеспечить отпуск материалов на суда с одновременной выпиской счета на отпускаемые материалы (п. 11); начальникам портов – установить систему выписывания счетов за все работы, произведенные

портами, представляя счета на суда за каждый рейс к выходу судна в море (п. 12); начальникам сектора учета и отчетности и сектора снабжения – передать капитанам судов данные о фактических расходах как в денежном, так и в материальном выражении за 1930 г. в первую половину 1931 г. по каждому судну в отдельности до 15 ноября. Капитанов судов следовало на основании этих данных и производственного плана на 1932 г. составить смету расходов на 1932 г. Финсектору – дать капитанам единую форму сметы (срок составления сметы капитанам – 1 декабря) (п. 13).

К 1 ноября капитаны обязаны были представить в управление на имя начальника эксплуатационного сектора штаты судов, а начальник эксплуатационного сектора обязать был своевременно с начальником сектора кадров и ОЭТ утвердить твердые штаты к 5 ноября (п. 14).

1 ноября для ликвидации обезличивания капитанам следовало разбить судно на отдельные сектора как по палубе, так и по машине, прикрепив к отдельным механизмам персонально ответственных лиц, используя принцип проведения этой работы на пароходах «Ильич» и «Грузия» (п. 15).

Кроме того, капитаны судов в дальнейшем должны были рассматривать случаи грубого обращения с пассажирами как прямое нарушение труддисциплины, обеспечив тщательное и внимательное обслуживание пассажиров при посадке и выгрузке, размещении на судне, при мойке палубы и уборке помещений (п. 16). С целью контроля пассажирской части следовало установить систематический контроль за обслуживанием пассажиров и проверку жалобных книг на судах (п. 17) [4, л. 3–4].

Логическим продолжением этой линии стало принятие постановления ЦИК и СНК СССР от 17 января 1932 г. «О распространении положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте на работников народного комиссариата водного транспорта». Им положение о дисциплинарных взысканиях на транспорте от 3 ноября 1930 г. распространялось на работников Народного комиссариата водного транспорта. В соответствии с этим и со ст. 1, 7 и в примечание к ст. 3 положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте после слов «Народный комиссариат путей сообщения» вносились слова «народный комиссариат водного транспорта», в ст. 8 и 9 и в примечание к ст. 7 после слов «народный комиссар путей сообщения» – слова «народный комиссар водного транспорта».

Исходя из этого, следует указать, что «Положение о дисциплинарных взысканиях на транспорте» ЦИК СССР № 47 СНК СССР № 603а от 3 ноября 1930 г. предусматривало, что оно распространяется на всех работников железнодорожного, морского, речного и автодорожного транспорта, работающих в учреждениях и предприятиях НКПС и подведомственных НКПС. При этом оно не распространялось на военизированную охрану и военизированную пожарную охрану путей сообщения, на работников подсобных хозяйственных предприятий Народного НКПС, а также на административный, учебный и обслуживающий персонал учебных заведений НКПС (ст. 1).

Положением устанавливалось, что служебным проступком является нарушение правил внутреннего распорядка и других правил, положений и инструкций, определяющих служебные обязанности работников, а также неисполнение распоряжений начальников.

Служебным проступком являлось также неиспользование начальником своей дисциплинарной власти для борьбы со служебными проступками подчиненных ему работников.

При этом указывалось, что дисциплинарные взыскания налагаются только за такие служебные проступки, которые не влекли за собой уголовного преследования (ст. 2). Соответственно, положением устанавливались следующие дисциплинарные взыскания: а) выговор; б) строгий выговор; в) арест на срок до 3 месяцев с выполнением служебных обязанностей; г) арест на срок до 3 месяцев без выполнения служебных обязанностей; д) смещение на низшую должность на срок до одного года; е) увольнение; ж) увольнение с воспрещением на срок до 1 года службы на транспорте вообще или на определенных должностях.

При этом порядок содержания под арестом и места отбывания ареста устанавливались инструкцией НКПС, согласованной с ОГПУ и НКВД союзных республик (прим. 1).

Лицам, подвергнутым аресту без выполнения служебных обязанностей на срок до 3-х месяцев, выплачивалось 50 % средней заработной платы, причем лица, подвергнутые аресту до 7 дней включительно без выполнения служебных обязанностей, могли быть полностью лишены заработной платы на этот срок (прим. 2). Увольнение же в дисциплинарном порядке производилось без предупреждения работника и без выплаты ему выходного пособия (прим. 3) (ст. 3).

Устанавливалось, что дисциплинарные взыскания в виде выговора и строгого выговора могли налагаться всеми начальниками на подчиненных им работников (ст. 4).

Дисциплинарные взыскания в виде увольнения без воспрещения службы и смещения на низшую должность могли налагаться начальниками, имеющими право найма и увольнения данного работника, а также капитанами морских и речных судов (ст. 5).

Дисциплинарные взыскания в виде увольнения с воспрещением службы могли налагаться начальниками не ниже директора железной дороги, начальника всесоюзного объединения ремонтных заводов, управляющего флотом морского бассейна, управляющего местным государственным речным флотом, начальника строительного управления, начальника краевой (областной) конторы Союзтранса, начальника главного управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта союзной республики. Это взыскание не могло налагаться указанными начальниками на тех подчиненных им работников, которые были назначены на должность вышестоящими начальниками (ст. 6).

Дисциплинарные взыскания в виде ареста могли налагаться начальниками, имеющими право найма и увольнения данного работника. При этом арест мог быть наложен:

а) на срок до 3 суток – начальниками распорядительных станций, начальниками строительных участков и дистанций;

б) на срок до 7 суток – начальниками эксплуатационных районов железных дорог, директорами ремонтных заводов, управляющими районами морских бассейнов, начальниками морских торговых портов, начальниками краевых (областных) управлений шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта;

в) на срок до 15 суток – директорами железных дорог, управляющий флотами морских бассейнов, управляющим местными государственными речными флотами, начальниками главных управлений шоссейных и грунтовых дорог автомобильного транспорта союзных республик, начальниками строительных управлений, начальниками краевых (областных) контор Союзтранса, начальниками эксплуатационно-плановых управлений, главным директором железных дорог, начальниками всесоюзных отраслевых объединений и центральных управлений НКПС. При этом главный директор железных дорог и начальники отраслевых объединений и центральных управлений НКПС могли подвергаться аресту всех подчиненных им работников, кроме назначенных на должность комиссаром путей сообщения.

Дисциплинарные взыскания в виде ареста на срок до трех месяцев могли налагаться в особо важных случаях комиссаром путей сообщения (ст. 8). Он же устанавливал применительно к ст. 6 и 7 пределы дисциплинарной власти должностных лиц, выполняющих тождественные обязанности с поименованными в этих статьях лицами, но носящих другие наименования (ст. 9).

Указанные в ст. 4–8 права по наложению дисциплинарных взысканий получали также лица, постоянно замещающие поименованных в этих статьях должностных лиц (ст. 10). Как правило устанавливалось, что каждый вышестоящий начальник мог, в пределах предоставленных ему прав по наложению дисциплинарных взысканий, непосредственно налагать дисциплинарные взыскания, минуя промежуточных начальников (п. 11), а также и то, что за один и тот же служебный проступок не могли быть наложены два дисциплинарных взыскания (ст. 12).

При разрешении вопроса о наложении дисциплинарных взысканий следовало учитывать:

- а) обстоятельства, при которых совершен служебный проступок;
- б) вред, причиненный служебным проступком;
- в) предшествующая и последующая служба работника (подвергался ли он ранее взысканиям, применялись ли к нему меры поощрения и т. п.) (п. 13).

Дисциплинарные взыскания налагались:

- а) по делам о происшествиях, а также по другим делам, требующим расследования – не позднее 15 дней со дня получения соответствующим начальником материалов расследования;
- б) по делам, не требующим расследования, не позднее 15 дней со дня обнаружения служебного проступка.

Расследование указанных в п. «а» дел не могло продолжаться более 1 месяца (п. 14).

Положение также предусматривало, что наложение дисциплинарного взыскания не являлось препятствием для возбуждения уголовного преследования за тот же служебный проступок. Однако если дисциплинарное взыскание еще не было приведено в исполнение, то исполнение этого взыскания приостанавливалось до разрешения уголовного дела.

При этом прекращение уголовного преследования или оправдание судом не является препятствием для наложения дисциплинарного взыскания, если в определении о прекращении дела или в оправдательном приговоре не были отвергнуты факты, которые содержали в себе признаки служебного проступка. В

этих случаях дисциплинарное взыскание налагалось не позднее 15 дней со дня получения соответствующим начальником уведомления о прекращении дела или об оправдательном приговоре (п. 15).

Дисциплинарное взыскание во всяком случае не могло быть наложено позднее 6 месяцев со дня совершения служебного проступка. Время производства дела в уголовном порядке в этот срок не включалось (п. 16).

Важным моментом следует считать, что положение предписывало то, что до наложения дисциплинарного взыскания начальник обязан был истребовать объяснение от работника, совершившего служебный проступок. При этом работник мог представить объяснение устно или письменно не позднее 3 дней. Непредставление же объяснения в этот срок не препятствовало наложению взыскания (ст. 17).

В случае же если служебный проступок по своему характеру имел особое общественное значение как подрывающий трудовой режим и трудовую дисциплину в учреждении или предприятии, то начальник одновременно с наложением дисциплинарного взыскания должен был сообщить о служебном проступке работника соответствующему органу профсоюза для принятия в отношении работника мер общественного воздействия (ст. 18).

О наложенном дисциплинарном взыскании объявлялось под расписку работнику, в его трудовом списке делалась запись. Вместе с тем о каждом наложенном дисциплинарном взыскании объявлялось по месту работы способом, обеспечивающим осведомление об этом всего коллектива работников (ст. 19).

Если в течение 1 года со дня наложения дисциплинарного взыскания на того же работника не было наложено новое дисциплинарное взыскание, то работник рассматривался как не подвергавшийся дисциплинарному взысканию, а соответствующие записи в трудовом списке аннулировались (ст. 20).

Дисциплинарное взыскание приводится немедленно в исполнение распоряжением начальника, наложившего взыскание (п. 21).

Положением также предусматривалось, что каждое постановление о наложении дисциплинарного взыскания могло быть обжаловано вышестоящему начальнику. И хотя обжалование не приостанавливало исполнения взыскания, однако взыскание могло быть приостановлено начальником, наложившим его, если он находил достаточные для этого основания (ст. 22).

Жалобу следовало подавать в письменном виде через начальника, наложившего дисциплинарное взыскание, не позднее 5 дней после объявления работнику о наложении дисциплинарного взыскания. Поступившая жалоба не позднее 3 дней передавалась вышестоящему начальнику. К жалобе, в случае необходимости, начальник, наложивший взыскание, прилагал свой отзыв (ст. 23).

Жалоба, поданная после указанного пятидневного срока, рассматривается лишь в случае если срок был пропущен по уважительным причинам. Вопрос об уважительности причины пропуска срока на обжалование разрешался вышестоящим начальником (ст. 24).

В свою очередь, вышестоящий начальник должен был рассмотреть жалобу и вынести по ней решение в письменной форме не позднее 5 дней со дня поступления жалобы. Его решение по жалобе было окончательным и никакому дальнейшему обжалованию не подлежало (ст. 25).

Безусловно, что каждый вышестоящий начальник обязан был осуществлять надзор за использованием нижестоящими начальниками предоставленной им дисциплинарной власти. Также он имел право отменить в порядке надзора наложенное нижестоящим начальником дисциплинарное взыскание либо изменить его как в сторону повышения, так и в сторону понижения (ст. 26) [5].

Как видно из анализа положения, государство, установив широкую гамму дисциплинарных взысканий на транспорте, уделяло огромное внимание наведению строгой дисциплины в этой жизненно важной отрасли народного хозяйства.

В общей тенденции усиления мер дисциплинарной ответственности ЦИК СССР и СНК СССР 15 ноября 1932 г. приняли постановление «Об увольнении за прогул без уважительных причин». В нем, в частности, указывалось, что ввиду того, что действующее трудовое законодательство (п. «е» ст. 47 Кодекса законов о труде РСФСР и соответствующие пункты кодексов других союзных республик) допускало увольнение за прогул работника без уважительных причин лишь в том случае, если такой прогул имел место в течение 3 дней в общей сложности в продолжение месяца, что, как считалось, в условиях отсутствия безработицы поощряло прогулы, нарушало нормальный ход производства и наносило ущерб интересам трудящихся, и предписывалось:

Во-первых, пункт «е» ст. 47 Кодекса законов о труде РСФСР и соответствующие пункты кодексов других союзных республик отменить.

Во-вторых, установить, что в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин работник подлежит увольнению с предприятия или из учреждения с лишением его права пользования выданными ему как работнику данного предприятия или учреждения продовольственными и промтоварными карточками, а также с лишением права пользования квартирой, предоставленной ему в домах данного предприятия или учреждения.

В-третьих, правительствам союзных республик предлагалось ввести соответствующие изменения в кодексы законов о труде.

С целью же окончательно урегулирования дисциплинарной ответственности на водном транспорте был принят «Устав о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР» [6, л. 69–72].

27 мая 1934 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об утверждении устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР». Им, собственно, утверждался устав о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР, а также распространялось действие устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР на всех лиц экипажа судов торгового флота СССР, эксплуатируемых организациями обобщественного сектора, не состоящими в ведении НКВТ.

При этом объем прав отдельных должностных лиц указанных организаций по наложению дисциплинарных взысканий и применению мер поощрения определялся применительно к правилам, изложенным в уставе, народным комиссаром или руководителем центрального учреждения, которому подведомственны указанные организации.

Одновременно с этим отменялись а) постановление ЦИК и СНК СССР от 17 января 1932 г. о распространении положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте на работников НКВТ (1932 г. №2-13); б) постановление ЦИК и СНК

СССР от 3 ноября 1930 г. о дисциплинарных взысканиях и мерах поощрения, применяемых к экипажу судов торгового флота СССР, принадлежащих учреждениям и предприятиям обобщественного сектора, не состоящим в ведении НКПС (1930 г. №56-587) [7, с. 407–408].

«Устав о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР» состоял из следующих разделов: I. «Общие положения», II. «Прием на работу и увольнение работников водного транспорта», III. «Нарушение трудовой дисциплины и дисциплинарные взыскания», IV. «Отличия на трудовом фронте и меры поощрения», V. «Жалобы», VI. «Учет дисциплинарных взысканий и мер поощрения за отличия», VII. «Надзор за правильным применением настоящего устава».

В разделе I устава подчеркивалось, что трудовая дисциплина обязывает каждого работника водного транспорта: а) хорошо знать свое дело и постоянно в нем совершенствоваться; б) точно исполнять возложенные по службе обязанности и проявлять необходимую инициативу; в) неуклонно соблюдать требования законов, распоряжений и правил, действующих на водном транспорте; г) быстро и точно выполнять приказания и распоряжения своих начальников; д) оберегать государственную собственность: суда, сооружения водного транспорта, их оборудование и материалы, а также доверенные водному транспорту ценности; е) выполнять нормы выработки, установленные в производстве, а также нормы и измерители работы транспортных средств; ж) всемерно выполняя обязательства водного транспорта по отношению к гражданам, пользующимся транспортом, требовать от них безусловного выполнения всех действующих по водному транспорту правил, сохранение порядка и невмешательства в техническую работу транспорта [7, с. 408]; з) строго хранить вверенную по службе государственную и, в частности, военную тайну (ст. 3).

Подчеркивалось, что трудовая дисциплина налагает на начальников обязанность подавать пример выполнения служебного долга, четко отдавать приказания и распоряжения подчиненным, неуклонно требовать их точного исполнения, проверять исполнение и применять к подчиненным в соответствующих случаях как меры дисциплинарного воздействия, так и меры поощрения (ст. 4).

Всякое распоряжение подчиненный должен был получать от ближайшего начальника. В случае же получения непосредственного распоряжения от вышестоящего начальника работник обязан был выполнить это распоряжение, одновременно известив об этом своего ближайшего начальника (ст. 5).

В случае получения подчиненным распоряжения, явно противозаконного или преследующего преступные цели, а также распоряжения, исполнение которого могло повлечь аварию, гибель людей, транспортного или иного государственного имущества, подчиненный обязан был не выполнять этого распоряжения и немедленно доложить о нем вышестоящему начальнику. За исполнение такого распоряжения подчиненный нес ответственность наряду с начальником, его отдавшим (ст. 6).

Действие устава распространялось на всех рабочих, служащих и инженерно-технический персонал учреждений и предприятий водного транспорта, кроме сезонных рабочих, работающих на строительстве и лесозаготовках, административный и обслуживающий персонал и на учащихся высших учебных

заведений, техникумов и курсов, подведомственных НКВТ (ст. 7). Все эти лица обязывались знать устав (ст. 8).

В части II устава указывалось, что на работу на водном транспорте на должности, указанные в особом перечне, могли допускаться граждане СССР, имеющие специальные технические познания и по своему физическому состоянию удовлетворяющие требованиям, установленным для данной должности. Принимаемые на эти должности лица обязательно должны были пройти предварительные технические испытания и медицинское освидетельствование (п. 9).

Согласно требованиям времени, не допускался прием на водный транспорт лиц, лишенных избирательных прав, раскулаченных и имеющих судимость за контрреволюционные и корыстные преступления (ст. 10).

Кроме того, работник водного транспорта мог быть допущен к исполнению своих обязанностей лишь после проверки знаний. Принимаемый на водный транспорт работник должен был пройти испытание в течение срока, устанавливаемого законодательством о труде (ст. 11).

Каждый начальник, в том числе и капитан судна, пользующийся правом приема и увольнения, нес личную ответственность за служебные качества принимаемого работника и за уровень его знаний (ст. 12) [7, с. 409].

При приеме на работу администрация обязывалась требовать от поступающего: предоставления трудового списка или справки с последнего места работы о причинах увольнения; предъявление паспорта; ознакомления с настоящим уставом (ст. 13).

При увольнении по собственному желанию работники водного транспорта обязаны были предупреждать об этом своих ближайших начальников: рабочие – не менее чем за 15 дней, служащие – за месяц, инженерно-технический персонал и другие специалисты – за 2 месяца (ст. 14).

Работники оперативных отраслей водного транспорта (эксплуатация, путь, связь), а также органов инспекции обязаны были при исполнении служебных обязанностей быть одетыми строго по установленной форме (ст. 15).

В разделе III устава подчеркивалось, что всякое нарушение трудовой дисциплины влечет за собой дисциплинарное взыскание или предание суду (ст. 16). Одновременно с этим определялось, что нарушение трудовой дисциплины, не содержащее признака злостности, враждебности к советской власти и других признаков, влекущих за собой судебную ответственность, являлось служебным проступком. За служебный проступок полагалось наложение дисциплинарного взыскания (ст. 17).

Дисциплинарные взыскания налагались начальниками в отношении подчиненных им лиц (ст. 18). Неисполнение начальниками в необходимых случаях своей дисциплинарной власти считалось прямым нарушением ими дисциплины, т. е. служебным с их стороны проступком (ст. 19). Всякое нарушение служебной дисциплины работниками водного транспорта, имеющими непосредственное отношение к движению судов, могущее иметь последствиями происшествие или расстройство движения, влекло за собой уже не дисциплинарную, а судебную ответственность. К тягчайшим из этих нарушений относились: невыполнение отданных распоряжений, уход с поста, нахождение на службе в нетрезвом виде,

порча средств транспорта, халатный осмотр и уход за судами, водными путями, сигнализациями, невыполнение правил плавания и т. п. (ст. 20).

Устанавливалось, что к работникам водного транспорта применяются следующие дисциплинарные взыскания: а) замечание, б) выговор, в) строгий выговор, г) строгий выговор с предупреждением об увольнении, д) арест на срок до 20 суток с исполнением служебных обязанностей [7, с. 410], е) арест на срок до 20 суток без исполнения служебных обязанностей, ж) смещение на низшую должность до 1 года; з) увольнение; и) увольнение с воспрещением на срок до 1 года службы на водном транспорте вообще или на определенных должностях (ст. 21).

Самовольный уход с работы или прогул без уважительных причин влекли за собой увольнение работника с лишением права пользования выданной ему в связи с работой в данном предприятии или учреждении водного транспорта продовольственной и промтоварной карточками, а также лишение права пользования жилой площадью, предоставленной работнику в домах, принадлежащих водному транспорту (ст. 22). Безусловно, что за один и тот же проступок могло быть наложено только одно дисциплинарное взыскание (ст. 23).

Наложение дисциплинарного взыскания должно было следовать непосредственно за обнаружением проступка, но не позднее месяца со дня совершения проступка. Однако до наложения взыскания начальник обязан был истребовать объяснения от работника, совершившего проступок (ст. 24).

При определении меры дисциплинарного взыскания начальник должен был учитывать: а) степень тяжести совершенного проступка; б) вред, причиненный проступком; в) обстоятельства, при которых совершен проступок; г) предшествующую службу работника (ст. 26).

При этом дисциплинарные взыскания в виде замечания, выговора и строгие выговора мог налагать каждый начальник на своего подчиненного (ст. 26). Дисциплинарные взыскания в виде строгого выговора с предупреждением об увольнении, смещения на низшую должность и увольнения могли налагать начальники, пользующиеся правом приема и увольнения данного работника, и капитаны морских судов (ст. 27).

Дисциплинарные взыскания в виде ареста могли налагаться: а) на срок до 3 суток – начальниками морских портов 2 и 3 разряда, начальниками речных пристаней 2 разряда и начальниками мастерских (верфей) 2 и 3 разряда, строительных участков, начальниками морских портов 1 разряда; б) на срок до 5 суток – начальниками речных пристаней (портов) внеградных и 1 разряда, начальниками мастерских (верфей) 1 разряда, начальниками морских портов 1 разряда; в) на срок до 10 суток – начальниками центральных управлений и отделов НКВТ, начальниками управлений речных и морских пароходств, начальниками самостоятельных строительных управлений и начальниками регистра СССР (ст. 28).

Дисциплинарные взыскания в виде увольнения с запрещением на срок до 1 года службы на транспорте вообще или на определенных должностях могли налагать начальники центральных управлений НКВТ, начальники управлений морских пароходств и начальник регистра СССР. Эти меры дисциплинарного взыскания перечисленными лицами не могли применяться в отношении лиц, назначенных на должности приказом НКВТ (ст. 29) [7, с. 411].

При этом комиссар водного транспорта осуществлял дисциплинарные права, согласно настоящему уставу, в полном объеме, в частности, своей властью мог налагать дисциплинарные взыскания в виде ареста до 20 суток (ст. 30).

Все указанные выше дисциплинарные взыскания в случае отъезда соответствующих должностных лиц могли налагаться и их постоянными заместителями... (ст. 31). При этом применение дисциплинарного взыскания не исключало возможности возбуждения уголовного преследования за то же нарушение. В случае возбуждения уголовного преследования приведение в исполнение дисциплинарного взыскания приостанавливалось до разрешения уголовного дела (ст. 35).

Устав также предусматривал и то, что если работник в течение года не совершил нового служебного проступка, то он считался не подвергшимся взысканию и запись о взыскании в трудовом списке аннулировалась (ст. 36).

Что касается отличий на трудовом фронте и мер поощрения, то среди поощрений устав упоминал назвать такие как: благодарность [7, с. 412], денежная награда, награждение именным ценным подарком, почетной грамотой, назначение на высшую должность, награждение значком почетного водника, занесение на доску почета, представление к ордену (ст. 37–38).

Жалобы устав предлагал подавать в административном порядке вышестоящим начальникам (ст. 44) [7, с. 413]. Надзор за правильным применением данного устава возлагался на транспортную прокуратуру (по взысканиям) (ст. 51) и вменялся в обязанность каждого вышестоящего начальника (ст. 52) [7, с. 414; 6, л. 69–72].

В завершение рассмотрения устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР следует указать и то, что Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 июня 1934 г. он был распространен на всех работников водных транспортных судов и прокуратуры (СЗ СССР 1934 г. № 33, ст. 251 п. 7); постановлением СНК СССР от 1 апреля 1938 г. – на рабочих и служащих береговых предприятий и учреждений, обслуживающих флот рыбной промышленности Наркомпищепрома СССР (СП СССР 1938 г. № 15, ст. 96).

Таким образом, основными нормативными актами, регулировавшими дисциплинарную ответственность в морском торговом флоте в СССР в 1929–1939 гг., стали: принятый в 1929 г. Кодекс торгового мореплавания СССР; постановление ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик»; постановление ЦИК и СНК СССР от 17 января 1932 г. «О распространении положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте на работников народного комиссариата водного транспорта», принятое во исполнение положения о дисциплинарных взысканиях на транспорте (ЦИК СССР № 47 СНК СССР № 603а от 3 ноября 1930 г.); постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин»; постановление ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1934 г. «Об утверждении устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта СССР» и сам этот устав.

Список литературы

1. Г. А. Костылев. Сборник нормативных актов по морскому транспорту. – М.: Транспорт, 1968. – 448 с.

2.СЗ СССР, 1929, №75, ст. 723.

3.Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-1599, оп. 1, д. 110. Протоколы совещаний работников управления Крымским районом Совторгфлота Черного моря, Феодосийского, Севастопольского, Евпаторийского, Сочинского торговых портов и переписка с управлением Крымским районом Совторгфлота Черного моря, Управлением советским торговым флотом Черноморского бассейна по хозяйству порта. Ведомости на плавсредства порта. 8.05.1930-27.12.1930 г. 499 л.

4.Там же, ф. Р-1599, оп. 1, д. 91. Приказы по Управлению советского торгового флота Черного моря, Ялтинского порта, Алуштинскому и Судакскому морским агенствам по личному составу. 1.01.1931-4.11.1931 г. 60 л.

5.С.З. СССР, 1930, №56, ст. 585

6. ГАРК, ф. Р-1599, оп. 1, д. 158. Приказы НКВТ, Управления Черноморского пароходства. Списки, подписки, рапорта сотрудников о проработке устава о дисциплине служащих водного транспорта СССР. 8.01.1934–15.10.1934 г. 254 л.

7. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик за 1934 г. – М.: «Советское законодательство», 1948 г. – 983 с.

Gurina L. Evolution of disciplinary responsibility on the mercantile fleet of the USSR in 1929–1939 // Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т.2(68) № 1.– P. 31–45.

Uch basic normative acts are in-process examined, регулировавшие disciplinary responsibility in the trade navy of the USSR in 1929 - 1939: the Code of Trade Seagoing of the USSR accepted in 1929; decisions of Central Executive Committee and Advice of Folk Commissars of the USSR from October, 13 1929 "About bases of disciplinary legislation of Union of SSR and allied republics"; decision from January, 17 1932 "About distribution of position about disciplinary penalties on a transport on the workers of folk commissariat of water-carriage", accepted to execute of position about disciplinary penalties on a transport (ZIK of the USSR № 47 SNK SSSR № 603a from November, 3 1930); decision from November, 15 1932 "About a discharge for truancy without good reasons"; decision from May, 27 1934 "About claim of charter about discipline of workers and office workers of water-carriage of the USSR" and this charter.

Keywords: disciplinary responsibility, penalty, decision, charter.

Spisok istochnikov:

1.G. A. Kostyilev. Sbornik normativnyih aktov po morskomu transportu. – М.: Transport, 1968. – 448 s.

2.SZ SSSR, 1929, №75, st. 723.

3.Gosudarstvennyiy arhiv Respubliki Kryim (GARK), f. R-1599, op. 1, d. 110. Protokolyi soveschaniy rabotnikov upravleniya Kryimskim rayonom Sovtorgflota Chernogo morya, Feodosiyskogo, Sevastopolskogo, Evpatoriyskogo, Sochinskogo torgovyih portov i perepiska s upravleniem Kryimskim rayonom Sovtorgflota Chernogo Morya, Upravleniem sovetskim torgovym flotom Chernomorskogo basseyna po hozyaystvu porta. Vedomosti na plavsredstva porta. 8.05.1930-27.12.1930 g. 499 l.

4.Tam zhe, f. R-1599, op. 1, d. 91. Prikazyi po Upravleniyu sovetskogo torgovogo flota Chernogo morya, Yaltinskogo porta, Alushtinskomu i Sudakskomu morskim agenstvam po lichnomu sostavu. 1.01.1931-4.11.1931 g. 60 l.

5.S.Z. SSSR, 1930, №56, st. 585

6. GARK, f. R-1599, op. 1, d. 158. Prikazyi NKVT, Upravleniya Chernomorskogo parohodstva. Spiski, podpiski, raporta sotrudnikov o prorabotke ustava o distsipline sluzhaschih vodnogo traspporta SSSR. 8.01.1934–15.10.1934 g. 254 l.

7. Sobranie uzakonenyi i rasporyazheniy Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva Soyuza Sovetskih Sotsialisticheskiiy respublik za 1934 g. М.: «Sovestkoe zakonodatelstvo», 1948 g. – 983 s.

УДК 340.15:347.79

ОРГАНИЗАЦИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ТОРГОВЫХ СУДОВ В РОССИИ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе указано, что одним из важнейших факторов обеспечения безопасности судоходства в XVIII–XIX вв. становится освидетельствование и классификация морских торговых судов. К дореволюционным нормативным актам в этом направлении были указы «Дополнительное постановление о торговом судостроении и мореходстве» от 12 февраля 1830 г.; «Об отмене постановления относительно обязательного свидетельствования торговых мореходных судов» от 7 апреля 1858 г.; от 23 августа 1902 г. – «Об освидетельствовании судов, плавающих на внутренних водных путях». С созданием в 1903 г. Главного управления торгового мореплавания и портов эту работу возложили на него. С конца 1917 г. система органов, занимавшихся этими вопросами, стала резко меняться. 3 апреля 1919 г. было опубликовано постановление «О передаче надзора по технике безопасности судов в ведение народного комиссариата труда». 22 сентября 1919 г. принят декрет СНК от «О приписке морских судов к порту». Наиболее же важным шагом в этом направлении стало издание 20 июня 1923 г. декрета ВЦИК и СНК РСФСР от «Об учреждении российского регистра». 2 октября 1923 г. Совет труда и обороны СССР утвердил «Положение о Российском регистре».

Ключевые слова: освидетельствование, торговые суда, регулирование, регистр.

Одним из важнейших факторов обеспечения безопасности судоходства в XVIII–XIX вв. становится освидетельствование и классификация морских торговых судов. Не была исключением в этом процессе и Российская империя.

Так, среди дореформенных законодательных актов первоочередной важности следует назвать принятое 12 февраля 1830 г. «Дополнительное постановление о торговом судостроении и мореходстве» (3485) [1, с. 149–159]. Его гл. 1 посвящена судостроению. В ней находим отд. 1 «О чертежах и сметах для судов, и о избрании корабельных мастеров», отд. 2 «О материалах», отд. 3 «О взимании футовой пошлины», отд. 4 «О судовой крепости и однопроцентной пошлине». В других главах отдельные подразделы посвящены вопросам освидетельствования судов и корабельным документам. Освидетельствование судов данным документом предоставлялось на волю судовладельцев и фрахтовщиков, через корабельных маклеров или избранных ими знатоков. Разрешалось это делать и через корабельного художника или мастера с выдачей от него удостоверения (п. 22-23) [1, с. 159].

7 апреля 1858 г. вышел указ «Об отмене постановления относительно обязательного свидетельствования торговых мореходных судов» (32965). Как известно, до принятия данного указа без освидетельствования в безопасности суда в море не выпускали. Теперь же было оставлено лишь положение, по которому хозяин судна, им управляющий, нанимающие судно под груз, могли требовать освидетельствование по своему желанию [2, с. 423].

Лишь с середины 1860-х гг. можно отметить начало применения комплексного подхода в этом направлении, практически полного отказа от прежних норм, и основы его заложил указ от 23 июня 1865 г. «Правила о порядке выдачи патентов на Русский флаг» (42238). Им для внесения судна в портовый список, кроме прочих документов, требовалось и удостоверение об освидетельствовании судна с обозначением его рода [3, с. 678].

При этом весьма долго в России почти не существовало правил освидетельствования торговых судов. Изменило ситуацию лишь принятие указа от 23 августа 1902 г. «Об освидетельствовании судов, плавающих на внутренних водных путях», им этот процесс возлагался на специальные комиссии из должностных лиц ведомства путей сообщения с представителями судовладельцев и страховых обществ (21969). Создавались они временно, до издания общих правил [4, с. 830]. Основная же работа по выработке правил освидетельствования судов возложена на комиссию при главноуправляющем ТМиП.

10 июня 1903 г. было принято положение о Главном управлении торгового мореплавания и портов (ГУТМиП) (23119). В нем указывалось, что правила устройства, установки, содержания, употребления и освидетельствования паровых котлов на морских судах торгового флота издавались главноуправляющим ГУТМиП [5, с. 719–729].

3-го июля 1903 г. главноуправляющим ТМиП утверждены правила освидетельствования судов. Выработывая правила для пассажирских судов, остановились на правилах, имеющих общее мировое значение, и такими признали правила английского совета торговли Boardoftrade, а испытание корпусов, котлов и механизмов решили производить по правилам Ллойда (с целью доверия со стороны иностранцев). По установлении правил технического осмотра судов решили применять их на практике «с осмотрительной постепенностью», а именно: для тех судов, что только собирались строить, – со дня обновления правил требовать применения их в полном объеме; для судов, находящихся в момент издания правил в постройке, – допускать облегчения; для судов, уже плавающих, – вводить требования по мере совершающихся на них перемен и ремонтов.

Введение правил решили произвести так: проект отпечатать и разослать начальникам портов и представителям мореплавания и судостроения с предложением предоставить в 2 месяца свои замечания. После этого, приняв во внимание представленные замечания, правила ввести в действие при сопровождении их инструкцией по постепенности их применения. До признания взаимности свидетельствованных судов и установления российской классификации административным распоряжением портовым управлениям и лицам, производящим освидетельствование, следовало принимать свидетельства: английского Ллойда; германского Ллойда; норвежского Ллойда; бюро Веритас. Освидетельствование, произведенное в одном порту, было обязательно для других. Все суда следовало освидетельствовать в одном из портов с выдачей свидетельств.

Освидетельствование следовало производить с возможно меньшими затруднениями и без задержек судна в его отход, и только в случае явной опасности плавания для судна оно могло быть задержано для основательного осмотра. Дабы не задерживать судно, освидетельствование его могло проводиться частями в одном

или разных портах, и тогда выдавалось удостоверение о неполном осмотре, подлежащее постепенному дополнению.

Освидетельствование судов следовало производить портовыми техниками или лицами под наблюдением начальника порта в присутствии судовладельца или лица им уполномоченного, каким мог быть капитан судна или механик. Выдаваемые начальником порта временные удостоверения об осмотре по заполнении всех сведений имели силу для совершения плавания впредь до замены их свидетельствами, выдаваемыми инспекцией ГУТИИП.

Инспекция могла рассматривать доставляемые начальниками портов копии удостоверений лишь в смысле контроля за единством требований в портах и для разбора протестов судовладельцев на освидетельствования, когда такие претензии поступали [6, л. 371–372 об.].

В октябре 1903 г. разработан проект правил осмотра барж, лихтеров и др. плавучих средств, не имеющих двигателей или парусов [7, л. 24–24 об.]. Что до классификационного осмотра, то по желанию владельцев баржи и другие плавучие средства могли осматриваться назначенными для этого лицами ГУТМиП с целью удостоверить сохранность и безопасность перевозки различных грузов на них, для отзыва о состоянии различных устройств и приспособлений и «вообще, с целью выяснить техническую сторону того или другого вопроса о наилучшей их эксплуатации» (п. 13) [7, л. 35].

Приказом ГУТМиП от 5 сентября 1903 г. постепенная классификация торговых судов возложена на старшего инспектора торгового мореплавания и судов, а в торговых портах – на местные комиссии [8, л. 212–213], а законом от 31 октября 1909 г. «Об изменении и дополнении действующего постановления о морской торговле» (32674) были приняты и правила освидетельствования судов [9, с. 902–904].

С началом революционных событий 1917 г. система органов, занимавшихся этими вопросами, стала резко меняться, а первые годы советской власти характеризуются разработкой и принятием, скорее, чрезвычайного законодательства в этом вопросе, нежели осознанным созданием логической единой системы. Так, как известно, 3 апреля 1919 г. было опубликовано постановление народного комиссара труда «О передаче надзора по технике безопасности судов в ведение народного комиссариата труда». Им предлагалось, что находящиеся в составе главного управления водного транспорта (Главвода) а) отдел по испытанию паровых котлов на судах и б) учреждение портовых техников переходят с момента опубликования этого постановления со всем имуществом, делами, приборами и инструментами в отдел социального обеспечения и охраны труда комиссариата труда, образуя в его составе «Инспекцию судостроительства».

Личный состав отдела по испытанию паровых котлов на судах и учреждения портовых техников как в центре, так и на местах, переходил в ведение комиссариата труда в мере действительной надобности названного личного состава для успешной работы в «Инспекции судостроительства». Взаимоотношения между «Инспекцией судостроительства» комиссариата труда и центральными и местными органами Главвода предлагалось установить особой инструкцией, изданной комиссариатом труда по соглашению с Главводом. Главвод также обязывался сдать архивы, дела, имущество, приборы и инструменты отдела по испытанию паровых котлов на судах

и учреждения портовых техников в двухнедельный срок со дня опубликования постановления в комиссариат труда [10, с. 284–285].

Что же касается измерения вместимости торговых судов, то данному вопросу было посвящено принятое специальным декретом положение от 16 мая 1921 г. Согласно данному документу, измерение вместимости судов торгового флота РСФСР следовало производить по системе Мурсома (Morsom).

Многие из этих нормативных актов были изданы во исполнение, развитие и изменение более ранних, к примеру, декрета СНК от 22 сентября 1919 г. «О приписке морских судов к порту» [10, с. 660].

Тенденция к дальнейшей коррекции вопросов, связанных с припиской и регистрацией судов, сохранилась и в декрете СНК РСФСР от 20 мая 1921 г. «О приписке морских судов к порту и о внесении их в судовой реестр».

Стремясь использовать этот опыт, по тем временам весьма прогрессивный, для осуществления надзора за состоянием и классификацией судов, плавающих под русским торговым флагом, 24 марта 1923 г. СТО РСФСР принял постановление «Об отчетности по перевозкам и работе флота на внутренних водных путях сообщения и о регистрации частновладельческих судов». Им на НКПС возлагалось производство регистрации всех частновладельческих судов (п. 2).

Наиболее же важным шагом в этом направлении стало издание 20 июня 1923 г. декрета ВЦИК и СНК РСФСР от «Об учреждении российского регистра» [11].

2 октября 1923 г. Совет труда и обороны СССР утвердил «Положение о Российском регистре» [12]. Возвращаясь к регламентации деятельности Российского регистра, следует упомянуть и о том, что в 1924 г. он был переименован в Регистр СССР. В этом же году он начал основную свою деятельность, в частности, по регистрации судов данного государства.

С целью преодоления различных и возможных разночтений, а также кодификации торгового морского законодательства в 1929 г. был принят Кодекс торгового мореплавания. Его глава II называлась «О судне», а п. «Б» был посвящен регулированию вопросов приписки судов к порту и внесению их в судовой реестр [13, л. 109].

В последующие годы деятельность Регистра СССР была налажена настолько, что в 1935 г. произошло его признание международными классификационными обществами.

В завершение работы следует также указать, что в этом направлении Россия лишь использовала общемировой опыт. Как известно, развитие морского судоходства вызвало необходимость оценки связанного с ним риска и снижения его до минимума. Одним из средств достижения этой цели была признана разработка технических нормативов, которым должно соответствовать судно, его механизмы, оборудование, и контроль за их выполнением в процессе проектирования, постройки и эксплуатации судна. Поэтому в XVIII–XIX вв. во многих морских державах мира стали появляться классификационные общества (организации), которые стали разрабатывать свои собственные правила классификации морских судов и ввели систему непрерывного контроля за их соблюдением на классифицированных судах. Наибольший авторитет и известность среди них получили Регистр судоходства Ллойда – LR (Англия), Бюро Веритас – BV (Франция), Норвежский Веритас – DNV (Норвегия), Германский Ллойд – GL

(Германия), Американское бюро судоходства – ABS (США), Итальянский морской регистр – RINA (Италия) [14].

В современном мире вопросы классификации судов и безопасности судоходства регулируются также и нормами международного права [15].

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIII. Отделение первое. 1858. – СПб., 1860. – 802 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XL. Отделение первое. 1865. – СПб., 1867. – 991 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902 г. Отделение первое. – СПб, 1904. – 1030 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII. 1903 г. Отделение первое. – СПб, 1905. – 1167 с.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 158, оп. 1, д. 2. Протоколы заседаний комитета по портовым делам. Копии. 1901 г. 302 л.
7. Там же, ф. 158, оп. 1, д. 4 а. Цирюляры и приказы Главного управления торгового мореплавания и портов о содержании железнодорожных путей и зданий на территории порта, с составлением описания портов, о перемещении по службе служащих порта. 30.12.1903–31.12.1904 г. 372 л.
8. Там же, ф. 158, оп. 1, д. 4 б. Предписания и распоряжения Главного управления торгового мореплавания и портов о правилах оценки повреждения судов, сроках стоянки судов для погрузки и выгрузки, по личному составу. 17.01.1903–31.12.1903 г. 286 л.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. 1909 г. Отделение первое. – СПб, 1912. – 1006 с.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – М., 1943. – 886 с.
11. Собр. Узак., 1923, N 57, ст. 562.
12. Вестник ЦИК, СНК и СТО, 1923, N 7, ст. 218 и Собр. Зак. СССР, 1924, N 25, ст. 218.
13. ГАРК, ф. Р-1599, оп. 1, д. 110. Протоколы совещаний работников управления Крымским районом Совторгфлота Черного моря, Феодосийского, Севастопольского, Евпаторийского, Сочинского торговых портов и переписка с управлением Крымским районом Совторгфлота Черного моря, Управлением советским торговым флотом Черноморского бассейна по хозяйству порта. Ведомости на плавсредства порта. 8.05.1930–27.12.1930 г. 499 л.
14. Классификация морских судов и плавучих сооружений // USEA INFO. – URL: http://usea.info/?Klassifikaciya_sudov (дата обращения: 22.03.2016).
15. Андреева А. Е. Историко-правовые аспекты классификации объектов портового контроля безопасности международного мореплавания // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.

Zmerzly B. Organization survey of merchant ships in Russia in XIX – first half of XX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 1 (67). № 1. – P. 46–51.

The paper pointed out that one of the most important factors in ensuring the safety of navigation in the XVIII – XIX centuries. become examination and classification of marine trading vessels. To pre-revolutionary regulations in this area were the decrees February 12, 1830 "The additional decision about the commercial shipbuilding and Navigation"; "On the cancellation of the decision on compulsory testimony commercial sea-going vessels" of April 7, 1858 .; on August 23, 1902 "On inspection of vessels navigating on inland waterways". With the creation in 1903 of the Main Department of Merchant Shipping and Ports of the work entrusted to it. Since the end of 1917 the system of bodies dealing with these issues, has become dramatically changed. April 3, 1919 was issued a decree "On transfer of supervision on the safety of vessels under the jurisdiction of the People's Commissariat of Labour." September 22, 1919 adopted a decree of the SNK "On an addition of ships to the port." Most as an important step in this direction was the publication of June 20, 1923 decree of the Central Executive Committee and SNK of the RSFSR "On the establishment of the Russian Reg-

ister". October 2, 1923 Labor and Defense of the USSR Council approved the "Regulations on the Russian Register".

Keywords: inspection, merchant vessels, regulation, Register.

Spisok literatury:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. V. Otdelenie pervoe. 1830. – SPb., 1831. – 594 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXVIII. Otdelenie pervoe. 1858. – SPb., 1860. – 802 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XL. Otdelenie pervoe. 1865. – SPb., 1867. – 991 s.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XXII. 1902 g. Otdelenie 1. – SPb., 1904. – 1030 s.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XXIII. 1903 g. Otdelenie 1. – SPb., 1905. – 1167 s.
6. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 158, op. 1, d. 2. Protokoly zasedanij komiteta po portovym delam. Kopii. 1901 g. 302 l.
7. Tam zhe, f. 158, op. 1, d. 4 a. Cirkuljary i prikazy Glavnogo upravlenija torgovogo moreplavanija i portov o sodержanii zheleznodorozhnyh putej i zdaniy na territorii porta, sostavleniem opisaniya portov, o peremeshhenii po sluzhbe sluzhashhih porta. 30.12.1903–31.12.1904 g. 372 l.
8. Tam zhe, f. 158, op. 1, d. 4 b. Predpisaniya i rasporyzheniya Glavnogo upravlenija torgovogo moreplavanija i portov o pravilah ocenki povrezhdenii sudov, srokah stojanki sudov dlja pogruzki i vygruzki, po lichnomu sostavu. 17.01.1903–31.12.1903 g. 286 l.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XXIIH. 1909 g. Otdelenie 1. – SPb., 1912. – 1006 s.
10. Sobranie uzakonenij i rasporyzhenij pravitel'stva za 1919 g. – M., 1943. – 886 s.
11. Sobr. Uzak., 1923, N 57, st. 562.
12. Vestnik CIK, SNK i STO, 1923, N 7, st. 218 i Sobr. Zak. SSSR, 1924, N 25, st. 218.
13. GARK, f. R-1599, op. 1, d. 110. Protokoly soveshhanij rabotnikov upravlenija Krymskim rajonom Sovtorgflota Chernogo morja, Feodosijskogo, Sevastopol'skogo, Evpatorijskogo, Sochinskogo torgovyh portov i perepiska s upravleniem Krymskim rajonom Sovtorgflota Chernogo Morja, Upravleniem sovetskim torgovym flotom Chernomorskogo bassejna po hozjajstvu porta. Vedomosti na plavсредства porta. 8.05.1930–27.12.1930 g. 499 l.
14. Klassifikacija morskikh sudov i plavuchih sooruzhenij // USEA INFO. – URL: http://usea.info/?Klassifikaciya_sudov (data obrashhenija: 22.03.2016).
15. Andreeva A. E. Istoriko-pravovye aspekty klassifikacii obektov portovogo kontrolja bezopasnosti mezhdunarodnogo moreplavanija // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2010. – № 4.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 52–59.

УДК 340.15:347.79

РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОРТАМИ В СССР В 1931–1933 ГГ.

Коваль А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению эволюции управления портами в Черноморско-Азовском регионе в начале 1930-х гг. Основу проведенной в этот период реформы составили такие нормативные акты как: «Положение о правах и обязанностях начальников морских торговых портов СССР» от 10 апреля 1931 г.; постановление СТО «О морском транспорте» от 14 апреля 1931 г., № 147; 27 января 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли «Положение о Народном комиссариате водного транспорта». Постановлением СНК СССР от 21 ноября 1932 г. в системе Наркомвода образовано 3 самостоятельных объединения, в том числе и главное управление портового хозяйства. В соответствии с приведенным постановлением, в Черноморском бассейне с 1 января 1933 г. порты объявлялись самостоятельными хозрасчетными единицами с непосредственным подчинением ЦУПОРТУ в Москве. Этими решениями ведение морских торговых портов было передано из Народного комиссариата путей сообщения в новый комиссариат – водного транспорта – с созданием в нем специального органа для управления портами.

Ключевые слова: морские торговые порты, организация управления, Черноморско-Азовский регион.

Правовое регулирование деятельности транспортной инфраструктуры является одной из важнейших задач любого государства, для России, с ее огромной территорией, эта проблема особо актуальна. Огромную роль в транспортной инфраструктуре играет речной и морской транспорт, самостоятельное место в котором занимают морские порты. Управление деятельностью торговых портов прошло непростые эволюционные этапы, связанные в первую очередь с задачами, стоящими в то или иное время перед ними. Как известно, изучением проблем правового регулирования деятельности торговых портов в России занимались такие исследователи как Сидорченко В. Ф., Виноградов П. П., Кейлин А. Д., Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д., Змерзлый Б. В., Горюнов Б. Ф., Шихнев Ф. М., Никеров П. С. и многие другие [1–11]. Тем не менее проблема эволюции правового регулирования деятельности торговых портов в советский период еще только требует своего изучения.

Создание новой структуры управления морским торговым транспортом вообще и торговыми портами Черноморско-Азовского региона в частности в 1930 г. требовало приведения в соответствие с ней нормативной базы, регулировавшей деятельность торговых портов. Очевидно, исходя из этого, 10 апреля 1931 г. за № 143 СТО СССР было принято «Положение о правах и обязанностях начальников морских торговых портов СССР», которое, кстати говоря, действовало до 1972 г. При этом положение об управлении морскими торговыми портами от 9 февраля 1927 г. отменялось.

Новым документом определялось, что начальник морского торгового порта СССР осуществляет административный надзор за соблюдением установленного порядка на территории порта, а также административный надзор за судами,

посещающими порт. Начальник порта назначался НКВТ (п. 1), при этом не него возлагалось:

а) наблюдение за исполнением действующих законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам, принятие мер к предупреждению и пресечению их нарушения и поддержание порядка на территории порта и в портовых водах;

б) регулирование взимания портовых сборов и платы за услуги, оказываемые в портах;

в) выдача судовых документов;

г) расследование аварий и происшествий на морском транспорте;

д) приписка и регистрация судов;

е) выдача разрешений на производство строительных работ на территории и в водах порта (п. 2).

Начальник порта получал право:

а) возбуждать преследование за нарушение законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам;

б) издавать обязательные постановления на основаниях, установленных законом;

в) налагать взыскания за нарушение действующих в порте обязательных постановлений;

г) в случае необходимости принимать меры к предотвращению опасности, грозящей жизни или здоровью людей, портовым сооружениям, судам, грузам и иному имуществу или свободному движению по водам порта, а также к исправлению происшедших повреждений и требовать от стоящих в порте судов, а также находящихся на его территории учреждений, предприятий и лиц немедленного предоставления имеющихся у них для подачи помощи средств, подвижного состава и т. п.;

д) требовать от владельцев приступа в определенный срок к подъему имущества, затонувшего в пределах портовых вод, на фарватерах или вблизи границ порта, если оно представляет препятствие для плавания, а в случае отказа в исполнении этого требования принимать, помимо владельцев, меры к удалению этого имущества;

е) требовать от владельца в определенный срок удаления имущества, находящегося на участках общего пользования, если оно препятствует свободному пользованию этими участками, и в случае неисполнения этого требования удалять это имущество за счет владельца;

ж) сноситься непосредственно с местными исполнительными комитетами и с местными органами всех ведомств (п. 3).

Кроме того, начальнику порта предоставлялось право задерживать суда:

а) впредь до устранения неисправностей, нарушающих правила о судовых документах, состоянии судов, их нагрузке, снабжении и комплектовании;

б) впредь до уплаты:

1) портовых сборов и платы за услуги, оказываемые судам в порту;

2) штрафов за нарушение обязательных постановлений;

3) возмещения за причиненные судами повреждения портовых устройств, сооружений и иного находящегося в порту имущества, а равно обстановки фарватеров;

в) в других случаях, специально указанных в законе (п. 4).

При этом расходы, связанные с задержанием судна (по осмотру, освидетельствованию судна и пр.), возлагались на судовладельца (п. 5). В случае представления соответствующего обеспечения в уплате суммы, причитающейся с судна, последнее подлежит немедленному освобождению от задержания (п. 6).

В случае задержки судна вследствие неуплаты возмещения за причиненное им повреждение (п. 3, лит. «б», ст. 4) распоряжение начальника порта о задержании судна было действительно в течение 3 дней. Если в течение этого срока не состоялось постановления суда о наложении на судно ареста, судно подлежало немедленному освобождению (ст. 7).

При задержке судна без законных к тому оснований государство возмещало судовладельцу установленные в судебном порядке убытки, происшедшие от незаконного задержания судна. Иск предъявлялся к начальнику порта, по распоряжению которого судно было задержано (п. 8).

Если начальник порта задержал судно по требованию какого-либо учреждения, предприятия или лица, а суд признал такое задержание незаконным и удовлетворял иск, предъявленный к начальнику порта, начальник порта имел право иска к учреждению, предприятию или лицу, по требованию которого судно было задержано.

Распоряжения начальника порта, отдаваемые в пределах предоставленных ему законом прав, были обязательны для всех учреждений, предприятий и лиц, осуществляющих свою деятельность в пределах порта. При этом порядок передвижения поездов и подвижного состава в пределах территории порта устанавливался подлежащими органами железнодорожного транспорта по соглашению с начальником порта (п. 9).

Начальник порта осуществлял лежащие на нем обязанности в приписных портах и пунктах через подчиненных ему, находящихся в этих портах и пунктах лиц портового надзора (п. 10). Начальнику порта полагалась также печать с изображением государственного герба (п. 11) [11].

Как видно из смысла данного положения, оно в основе своей было согласовано с КТМ 1929 г., а отдельные статьи практически идентичны. Начальник порта получил существенные права и полномочия по управлению вверенного ему предприятия, которые, однако, не были сразу конкретизированы. Конкретизация и детализация этих прав и обязанностей, очевидно, происходила в дальнейшем с помощью различных инструкций и циркуляров и прочих дополнений к действовавшему законодательству, что размывало и усложняло пользование всеми этими нормами, могли встречаться и разночтения.

Последующих нормативно-правовых актов высшей силы, вносящих те или иные изменения в регулирование деятельности портов в изучаемый период, было немного. Среди них следует упомянуть постановление СТО от 26 октября 1934 г. «О дополнении Положения о правах и обязанностях начальников морских торговых портов СССР», которым дополнялось рассмотренное выше положение (пункт «ж»): «2. На начальника порта возлагается: ж). управление лоцманской службой на подходах к порту и в пределах портовых вод» [12, с. 832].

Следующим шагом в деле реформирования управления торгового флота и портов стало принятие 14 апреля 1931 г. за № 147 постановления СТО «О морском транспорте». В нем нашли свое отражение и нормы, касающиеся деятельности морских торговых портов. Так, в частности, указывалось, что управление порта является хозяйственной единицей в составе соответствующего бассейна, имеет свой промфинплан и работает на основе хозяйственного расчета (п. 17).

На начальника порта возлагались эксплуатационные функции по порту и приписанным к нему судам Совторгфлота, руководство строительством, ремонтом и содержанием в исправности портовой территории, сооружений и судов. Административные функции начальника порта остались неизменными и определялись постановлением СТО от 10 апреля 1931 г.

Заместителем начальника порта по эксплуатационной части устанавливался морской агент, а помощниками начальника порта – главный инженер порта и капитан порта (п. 18).

Чтобы создать на территории порта единство управления НКВТ, поручалось в месячный срок разработать и представить на утверждение СТО проект организации и управления складским хозяйством, механизацией и погрузочно-разгрузочными работами (п. 19).

В свою очередь, управление бассейном объявлялось хозяйственной единицей, имеющей свой промфинплан и работающей на основе хозяйственного расчета. Оно непосредственно и оперативно руководило деятельностью линейного транзитного флота и осуществляло руководство эксплуатационной деятельностью портов (п. 20).

Утверждалось 6 управлений бассейнами: Черноморское, Каспийское, Балтийское, Тихоокеанское, Северное и Азовское (п. 21).

Признавая неудовлетворительность береговых жилищных условий работников морского транспорта и грузчиков, предписывалось отпустить НКВТ на жилищное строительство 1000000 руб. дополнительно к 9000000 руб., отпущенным по плану финансирования жилищного строительства на 1931 г. (п. 24).

Наркомздравам соответствующих республик и Центральному управлению социального страхования в месячный срок предлагалось разработать мероприятия по улучшению санитарного состояния портов и медицинской помощи на морском транспорте (п. 25) [13, л. 2].

27 января 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли «Положение о Народном комиссариате водного транспорта». На новый наркомат было возложено руководство речным и морским транспортом СССР. В его ведение перешли все судоходные пути СССР, порты и государственный торговый флот СССР.

К предметам ведения Народного комиссариата водного транспорта (далее – НКВТ) были отнесены, кроме прочего, сооружение, содержание и эксплуатация внутренних судоходных и морских путей, а также торговых портов; производство технические и экономические изыскания в целях устройства новых и развития существующих судоходных путей и торговых портов; регулирование водных перевозок и связанных с ними погрузочно-разгрузочных работ и т. д. (п. 2 положения)

Также НКВТ получил право издавать правила, инструкции и распоряжения, регулирующие все стороны управления водным транспортом и его эксплуатации; правила, регулирующие отношения между органами водного транспорта с одной стороны, и предприятиями, учреждениями, организациями и отдельными лицами, пользующимися услугами, имуществом и землями водного транспорта – с другой (п. 3).

НКВТ мог издавать обязательные постановления и налагать за их нарушение взыскания в административном порядке применительно к постановлению ЦИК и СНК СССР от 30 мая 1928 г. о порядке издания НКПС обязательных постановлений и о наложении за нарушение их взысканий в административном порядке (С. 3. СССР, 1928, N 36, ст. 325) (ст. 4).

НКВТ также получил право с соблюдением установленного порядка организовывать объединения и предприятия, действующие на началах хозрасчета, и утверждать их уставы, согласуя вопрос о капиталах объединений и предприятий с Наркомфином СССР (п. 5).

Во главе НКВТ стоял народный комиссар, при котором состояла коллегия. В составе НКВТ образовывались управления, отделы, секторы и другие самостоятельные части. Внутренняя структура НКВТ в отношении числа, наименования и главнейших задач управлений и других самостоятельных частей

устанавливалась НКВТ по соглашению с народным комиссаром РКИ СССР. Положения об указанных управлениях, отделах и частях утверждались наркомом (п. 6).

При НКВТ могли состоять постоянные или временные междуведомственные совещания, комиссии, комитеты и другие органы междуведомственного состава, образуемые и действующие на основе специальных постановлений правительства СССР (п. 8). Организация же местных органов НКВТ определялась самим наркомом (п. 9).

При СНК в союзных республиках НКВТ имел своих уполномоченных (п. 10). На них, кроме прочего, возлагался контроль работы всех органов водного транспорта на территории союзной республики, подчиненных НКВТ; право разрешать с последующим доведением до сведения НКВТ относящиеся к водному транспорту вопросы местного значения, согласно специальной инструкции Народного комиссариата водного транспорта (п. 11–12) [14].

С созданием НКВТ реформа управления портами в регионе не была окончена. Так, уже постановлением СНК СССР от 21 ноября 1932 г. в системе Наркомвода образовано 3 самостоятельных объединения: главное управление портового хозяйства, хозрасчетное объединения Внешнеторгового флота и хозрасчетное объединение Каботажного флота.

В соответствии с приведенным постановлением, Черноморский бассейн, объединявший все виды морского хозяйства на Черном море, с 1 января 1933 г. реорганизовывался на следующих началах:

– порты (согласно прилагаемому списку) с 1 января 1933 г. объявлялись самостоятельными хозрасчетными единицами с непосредственным подчинением ЦУПОРТУ в Москве;

– весь буксирно-баржевой флот, равно как и все парусно-моторные суда, числившиеся за Черноморским бассейном, с 1 января 1933 г. передавались соответствующим портам [15, л. 9–10].

Схема обслуживания судов Совторгфлота, Морфлота и Совтанкера в Черном море была выработана такой.

Одесса – агентство Морфлота и Главная инспекция по судоремонту всего флота Черного моря. Агентирование судов Совторгфлота и Совтанкера производилось агентством Морфлота на договорных началах.

В Николаеве размещалось агентство Совторгфлота.

В Херсоне обслуживание судов Совторгфлота, Морфлота и Совтанкера производилось агентством СТФ.

В Евпатории и Феодосии обслуживание судов производилось портами, в Севастополе, Ялте, Сухуми и Новороссийске – местными агентствами Морфлота, в Туапсе, Поти, Батуми – агентствами Совторгфлота.

Во всех приписных рейдовых портах обслуживание судов производилось начальниками рейдов по договорам, которые заключались с начальником порта приписки данного приписного рейда. Для обслуживания иностранных судов в Азовском море учреждалось агентство в Керчи и Мариуполе [15, л. 11].

Пункты приписки к основным портам устанавливались такие: Херсон – Скадовск, Хорлы, Станислав; Николаеве – Очаков; Желаторжа – Акмечеть, Бакал, Сарыбулат, Ярылгач; Одесса – Новоселовка, Сычевка; Ялта – Алушта, Алушка, Симеиз, Гурзуф, Мисхор; Феодосия – Судак; Новороссийск – Анапа, Геленджик, Береговая, Архипоосайовка; Туапсе – Даубга, Ново-Михайловка, Сочи, Адлер; Сухуми – Пиденково, Гагры, Гудауты, Очемчиры, Псырцка; Поти – Анакрия [15, л. 12].

Что касается берегового буксирного флота, то в одесский порт прикреплялись: буксиры «Сарыч», «Дельфин», «Симеиз», «Гарпун», «Алупка», «Ульянов» и «Лисичанск» (последний переходил после выхода пассажирского катера «Курортный»), баржи № 57, 55, 60, 71, 77, 78, 83, 88, 87, 120, 317, 318, 319, и 21, кроме ранее переданных.

В Новороссийский порт передавались: баржи «И» и «К».

По парусно-моторному флоту к порту Херсона прикреплялись: П/М. С. «Кр. Призрак», «Кодош» № 10, «Идокопаа» № 9, «Кр. Козак», П/М. С. «Джарлипаг» (№ 18).

К порту Одессы прикреплялись: П/М. С. «Кинбурн» (№ 11), «Чауда» (№ 9), «Березань», «Расенет». К порту Евпатории – П/М.С. «Мисхор», (№13), «Ай-Тодор» (№ 16). К порту Севастополя – П/М. С. «Мальвина», «Кучук-Узень» (после закрытия операций передавались Феодосии). К порту Ялты – П/М. С. «Фиолент» и «Кодор». К порту Феодосии – П/М. С. «Л. Хинчук», «Ростов-Дон», «Калмакрия», «Меганом». К порту Сухуми – П/М. С. «Тарханкут», «Херсонес», «Пицунда», «Соук-Су», «Какурия». К порту Поти – П/М. С. «Анакрия» [15, л. 16].

Следует указать, что важную роль в реорганизации управлением портами, как и самих портов, сыграли именно начальники портов. Так, в 1932 г. начальник порта Ялты докладывал заместителю наркома по водному транспорту, что, в связи с разделением имущества Цумпорта и СТФ, по Ялтинскому порту имелось 2 варианта: первый – оставить порт самостоятельным, с подчинением непосредственно Цумпорту, передав все работы в порту, как то: агентирование судов (на договорных началах); складские операции, погрузочно-разгрузочные работы и проч., т. е. оставить порт как есть; со стороны Совторфлота иметь одного представителя контролера в лице старшего диспетчера.

Второй вариант предусматривал ликвидировать управление ялтинского порта, создав в Ялте морское агентство СТФ, приписав Ялту к Феодосийскому порту. Созданная для рассмотрения этого вопроса комиссия (нач. портов Феодосии и Севастополя и др.) остановилась на первом варианте из-за роста пассажирских перевозок порта Ялты (в 1931 г. – 960000 чел., в 1932 г. – более 1 млн чел. и т. д.). По пассажирскому потоку Ялта оказалась четвертым портом в регионе после Ростова, Херсона и Николаева, но по эти портам было учтено и движение по рекам, а не только по морю [15, л. 22].

Меньше вопросов возникало с крупными портами. Так, приказом № 36 по управлению морфлота Черного моря от 15 января 1933 г. одесское моргагенство Морского торгового флота по внутреннему плаванию (Морфлота) считалось закончившим организационно-подготовительную работу и открывшим с 16 января 1933 г. свои действия по всем операциям в отношении обслуживания судов Морфлота, Совторгфлота и Совтанкера [16, л. 32].

21 января 1933 г. было утверждено Положение об агентах Морфлота в портах, которым для обслуживания судов Морфлота управления бассейнов Морфлота организовывало свои агентства в портах. Эти агентства стали представителем Морфлота и обязаны были защищать его интересы перед портом и другими организациями [15, л. 39–40]. Вместе с этим был издан и приказ НКВТ № 20 (тоже 21 января 1933 г.) «Об организации агентств Морфлота». Им в связи с организацией Всесоюзного объединения «Совторгфлот» и «Морфлот» и выделением Центрального управления портами для обслуживания судов местным управлениям (бассейнам) Морфлота разрешалось организовать агентства в следующих портах региона: Черморское управление – Одесса, Херсон, Севастополь, Ялта, Феодосия, Новороссийск, Сухуми, Батуми, Азовское управление – Ростов, Таганрог, Бердянск, Керчь [15, л. 60].

Таким образом, реформы управления портами 1931–1933 гг. практически перечеркнули все сделанное в 1930 г. и ранее, совершенно изменив подчиненность портов, урегулировав статус управления и порта и его начальника. Вершиной системы управления портов теперь вместо НКПС стал НКВТ. Постановлением СНК СССР от 21 ноября 1932 г. в системе Наркомвода образовано 3 самостоятельных объединения, в том числе и главное управление портового хозяйства. В соответствии с приведенным постановлением, в Черноморском бассейне с 1 января 1933 г. порты объявлялись самостоятельными хозрасчетными единицами с непосредственным подчинением ЦУПОРТУ в Москве.

Список литературы

1. Под флагом Родины. Очерки Черноморского морского пароходства. – Одесса: Маяк, 1967. – 456 с.
2. Сидорченко В. Ф. Капитан морского судна. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 307 с.
3. Виноградов П. П., Кейлин А. Д. Морское право. – М.: Водный транспорт, 1939. – 248 с.
4. Кейлин А. Советское морское право. – М.: Водтрансиздат. – 1954.
5. Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д. Херсон – первый порт на Черном море: Исторические хроники 1778–2008 годов. – Херсон: Надднипряночка, 2008. – 230 с.
6. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
7. Горюнов Б. Ф., Шихнев Ф. М., Никеров П. С. Морские порты. – М.: Транспорт, 1970, 448 с.
8. Горюнов Б. Ф. Специализированные пирсы: Учебное пособие. – М.: МИСИ, 1983, 92 с.
9. Горюнов Б. Ф. Специализированные причалы морских портов. – 1968. – 312 с.
10. Горюнов Б. Ф. Специализированные причалы морских портов. – М.: «Транспорт», 1968. – 312 с.
11. Шихиев Ф. М., Горюнов Б. Ф. Устройство морских портов. – М., «Транспорт», 1976. – 272 с.
12. Костылев Г. А. Сборник нормативных актов по морскому транспорту. – М.: Транспорт, 1968. – 448 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических республик за 1934 г. – М.: «Совесткое законодательство», 1948. – 983 с.
14. Областной архив Николаевской области, ф. Р-945, оп. 2, д. 31. Протоколы заседаний бригады по обследованию экспортных организаций Советского торгового флота о подготовленности их к экспертной кампании. 3.06. – 10.06.1931 г. 32 л.
15. С. 3. СССР, 1932, № 8, ст. 43а.
16. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-1599, оп. 1, д. 134. Приказы и циркуляры Управления Совторгфлота Черного моря. 5.01.1932-3.12.1932 г. 64 л.
17. Там же, ф. Р-1599, оп. 1, д. 145. Приказы НКВТ. Протокол совещания при Управлении Совторгфлота Черного моря о разделении Совторгфлота и Морфлота. 1.01.1933-8.02.1933 г. 79 л.

Koval A. Management reforms by ports in the USSR in 1931–1933 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 1 (67). № 1. – P. 52–59.

The article is sanctified to the study of management evolution by ports in the region Black and Azov of seas at the beginning of 1930th Basis conducted in this period of reform made such normative acts as: "Statute about rights and duties of chiefs of marine trade ports of the USSR" from April, 10 1931; on April, 14 1931 for № 147 decisions of Advice of Labour and Defensive "About a marine transport"; on January, 27 1932 Advice of Folk Commissars of the USSR accepted "Statute about the Folk commissariat of water-carriage". By the decision from November, 21 1932 in the system Narcowater 3 independent associations, including main administration of port economy, form. In accordance with the brought decision over, in the black Sea pool from January, 1 1933 ports were declared independent self-supporting units with the direct submission of ZYPORT in Moscow. The conduct of marine trade ports was passed these decisions from the Folk commissariat of ways of report in a new commissariat - water-carriage with creation in him the special organ for a management by ports.

Keywords: marine trade ports, organization of management, region Black and Azov of seas.

Spisok literatury:

1. Pod flagom rodiny. Ocherki chernomorskogo morskogo paroxodstva. – izdatelstvo "Mayak", Odessa, 1967. – 456 s.
2. Sidorchenko V.F. Kapitan morskogo sudna. – Spb.: yurid. centr press, 2001. – 307 s.
3. Vlnogradov P.P., Kejlin A.D., pod red.: Solodilov A.P.: Morskoe pravo. izdatelstvo vodnyj trasport. – M., 1939. – 248 s.
4. Aleksandr kejlin. Sovetskoe morskoe pravo. –iz-vo: Vodtransizdat. – 1954 g.
5. Egorov A.YU., Smolencev V.D. Xerson – pervyj port na chernom more: istoricheskie xroniki 1778-2008 godov. – Xerson: Naddniprovanochka, 2008. – 230 s.
6. Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudoxodstva v chernomorsko-azovskom regione v konce xviii – nachale xx v. – Simferopol: chp «predpriyatie feniks», 2014. – 512 s.
7. Goryunov B. F., Shixnev F. M., Nikerov P. S. Morskie porty. – M.: transport, 1970, 448 s.
8. Goryunov B. F. Specializirovannye pirsy: uchebnoe posobie. – M.: misi, 1983, 92 s.
9. Goryunov B.F. Specializirovannye prichaly morskix portov.– 1968. – 312 s.
- 10.Specializirovannye prichaly morskix portov. Goryunov B. F. – M., izd-vo «transport», 1968 g. 312 s.
11. Shixiev F. M., Goryunov B. F. Ustrojstvo morskix portov. - M., «transport», 1976. – 272 s.
11. G. A. Kostylev. Sbornik normativnyh aktov po morskomu transportu. – M.: Transport, 1968. – 448 c.
12. Sbranie uzakonenij i rasporyazhenij raboche-krestyanskogo pravitelstva soyuza sovetskix socialisticheskij respublik za 1934 g. m.: «sovestkoe zakonodatelstvo», 1948 g. – 983 s.
13. Oblastnoj arxiv Nikolaevskoj oblasti, f. r-945, op. 2, d. 31. Protokoly zasedanij brigady po obsledovaniju eksportnyx organizacij sovetskogo torgovogo flota o podgotovlennosti ix k ekspertnoj kampanii. 3.06.-10.06.1931 g. 32 l.
14. S.Z. SSSR, 1932, № 8, st. 43a
15. Gosudarstvennyj arxiv Respubliki Krym (GARK), f. r-1599, op. 1, d. 134. Prikazy i cirkulyary upravleniya Sovtorgflota chernogo morya. 5.01.1932-3.12.1932 g. 64 l.
16. Tam zhe, f. r-1599, op. 1, d. 145. prikazy nkv. protokol soveshhaniya pri upravlenii sovtorgflota chernogo morya o razdelenii sovtorgflota i morflota. 1.01.1933-8.02.1933 g. 79 l.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 60–70.

УДК 344.14:344.44 "17/18" (47+57)

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ АРЕСТАНТСКИХ РОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Курабцева А. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что в первой половине XIX в. в России были созданы военно-рабочие подразделения, которые применялись вместе с трудом обычных солдат и осужденных на различных строительных работах. Правовой основой их деятельности стало «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты» от 6 сентября 1826 г. с дополнением к нему («Положение о военных арестантских ротах»). С их принятием наличие арестантских рот – как сухопутных, так и военно-морских – в российской армии стало нормой. В 1854–1864 гг. происходила постепенная ликвидация арестантских рот. Начало реформы военно-судебной и пенитенциарной систем в России приходится на 1867 г. Указом от 16 мая 1867 г. арестантские роты инженерного ведомства заменены военно-исправительными ротами. В этот же день принято положение о военных тюрьмах, крепостном военно-арестантском отделении и положение о военно-исправительных ротах.

Ключевые слова: арестантские роты, военно-исправительные роты, реформа, пенитенциарная система.

В Российской империи форма наказания военнослужащих в виде привлечения к тяжелым работам была введена еще в Уставе воинском [1, с. 346]. Однако дальнейшее развитие эта форма наказания не получила вплоть до начала XIX века. Именно в первой половине XIX века создаются и развиваются как правовые основы деятельности подобных подразделений, так и сами такие подразделения. Первоначально это были военно-рабочие подразделения, что применялись вместе с трудом обычных солдат и осужденных на строительных работах, носящих в основном военный характер. Важнейшей правовой основой для деятельности этих подразделений стало принятое «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты» [2, с. 1011] с изданным в виде дополнения к нему «Положением о военных арестантских ротах» [2, с. 1011–1016]. С их принятием наличие арестантских рот – как сухопутных, так и военно-морских – в российской армии стало нормой.

Однако в 1854–1864 гг. происходила постепенная ликвидация арестантских рот сухопутного, военно-морского и инженерного ведомств [3, с. 2]. Начало реформы военно-судебной и пенитенциарной систем в России приходится на 1867 г. Так, указом от 16 мая 1867 г. арестантские роты инженерного ведомства заменены военно-исправительными ротами. В этот же день принимается положение о военных тюрьмах (№44594) [4, с. 774], крепостном военно-арестантском отделении и положение о военно-исправительных ротах (№ 44593) [4, с. 756]. Положение о военно-исправительных ротах вводилось немедленно, но до полного их устройства принимались такие переходные меры:

Во-первых, военно-арестантские роты и полуроты переформировывались в военно-исправительные роты. Арестантов военно-арестантских рот распределяли так: всегдашних арестантов зачислили в разряд испытываемых вновь формируемых военно-исправительных рот и выдерживали их в этом разряде все остающееся каждому из них время пребывания в разряде всегдашних арестантов до истечения положенного десятилетнего срока, но с тем, что если бы кому либо из них до десятилетнего срока оставалось более 6 лет, то следовало выдержать такого арестанта в разряде испытываемых военно-исправительных рот 6 лет и затем

арестантов всегдашних отправлять из военно-исправительных рот в Сибирь на водворение.

Военно-срочные арестанты предавались в военно-исправительные роты с зачислением в разряд испытуемых соответственно времени нахождения каждого из них в арестантской роте и срока, назначенного для пребывания в разряде испытуемых во вновь формируемых военно-исправительных ротах; а также арестантов, которым, хотя миновал, по вышеизложенному расчету, срок пребывания в разряде испытуемых, но которые не были признаны достойными помещения в разряде исправляющихся. Остальных военно-срочных арестантов зачислили в разряд исправляющихся. Каторжным 1 и 2 разряда до особого распоряжения следовало содержать при военно-исправительных ротах, но отдельно от прочих арестантов этих рот.

По распределении, таким образом, арестантов и зачислении их в военно-исправительные роты командующим войсками в округах следовало доставить военному министру перечневые ведомости о них по вышеуказанным разрядам.

К отдаче в военно-исправительные роты до издания нового Воинского устава о наказаниях следовало назначать нижних чинов, которые на основании действовавшего Военно-уголовного устава подлежали бы отдаче в бывшие военно-арестантские роты и которым в судебных о них приговорах назначалось пробывать в ротах не более 6 лет. Нижних же чинов, осуждаемых в каторжную работу в крепостях и назначавшихся ранее для этих работ в военно-арестантские роты, следовало отправлять для работ в Петропавловскую и Усть-Каменогорскую крепости Западной Сибири.

До предполагаемой замены арестантов при крепостных инженерных работах вольнонаемными людьми высылать на эти работы арестантов военно-исправительных рот на основании таких правил: а) работы в инженерном ведомстве производить арестантами на основании существовавшего для этого ведомства положения, принимая в расчет по всем вообще работам, не сопряженным с переноской и перевозкой, уменьшение сроков сравнительно с вольнонаемными как семь к четырем; при перевозке и переноске – как 5/2. Облегчение этой урочной работы разрешалось допускать лишь по слабости сил арестанта [4, с. 757];

б) Число рабочих часов, в продолжение которых арестанты должны были оканчивать свои дневные рабочие уроки, излагалось в особом распределении;

в) в летние месяцы полагалось выводить арестантов на работы 2 раза в день, утром и после обеда; а в зимнее – 1 раз в день, с тем, чтобы арестанты, не возвращаясь к обеду и отдыху, работали безостановочно показанное в вышеупомянутом распределении число часов;

г) арестанты, кончившие свои уроки раньше определенного времени, возвращались немедленно в роту;

д) назначение арестантов на работы, снабжение их инструментом и наблюдение за выполнением самых работ оставалось на обязанности местного инженерного начальства, которому для этого следовало еженедельно доставлять ведомость о наличных арестантах с объяснением, сколько из них могут быть высланы на крепостные работы;

е) перед выводом арестантов на работы били сбор, после чего их строили по отделениям на тюремном дворе, где и принимали их конвойные. Здесь же один из помощников начальника роты в присутствии инженерного офицера (командного адъютанта), согласно сведениям, доставленным с вечера начальнику роты от местной инженерной команды, рассчитывал людей на работы и назначал унтер-офицеров и конвойных. Затем арестантов отводили на работы;

ж) для наблюдения за порядком во время производства арестантами работ назначался один из младших помощников начальника роты дежурным по работам и унтер-офицеров, заведующих отделениями арестантов;

з) окончание работ в определенные часы возвещалось барабанным боем на главной гауптвахте с повтором на прочих постах. По прекращении работ арестанты отводились обратно в места заключения;

и) конвой назначался от войск местного гарнизона, так, чтобы при значительном числе работающих арестантов на каждые 10 чел., а также на каждое число их, превышающее 10 до полного второго десятка, приходилось сверх кадровых унтер-офицеров военно-исправительных рот по 1 конвойному рядовому, а при каждых 10-ти конвойных – по 1 унтер-офицеру от гарнизона; при раздробительных же работах назначалось к арестантам: числом 1–3 человек – 1 конвойный, к 3–7 арестантам – 2, и 7–10 арестантам – 3 конвойных рядовых. Если случалось, что число конвойных с положенными к ним унтер-офицерами составляло 60 чел., то назначался и офицер местного гарнизона; как офицер, так и унтер-офицеры находились там, где присутствие их было наиболее необходимо, и наблюдали как за арестантами, так и за конвойными.

Во избежание увеличения конвоя следовало стараться избегать раздробительных работ. Нижним чинам за конвоирование арестантов при работах выдавалось по 3 коп. в день. Ружья у конвойных были с примкнутыми штыками и заряжались боевыми патронами. Для облегчения нижних чинов при исполнении конвойной службы людям одной смены следовало вступать в конвой после обеда и продолжать свою очередь на следующий день поутру. Конвойным воспрещалось говорить с арестантами и допускать их к сношению с посторонними. Конвойный не мог разрешить арестантам отлучаться с места работ без дежурного офицера или унтер-офицера [4, с. 758].

Если арестант обнаруживал во время работы умысел к побегу и оказывал сопротивление конвойному, то последний призывал на помощь караул; в крайних случаях он обязан был употреблять в дело оружие. О подобных происшествиях конвойный должен был немедленно объявлять унтер-офицеру, или дежурному по работам. На площадях и улицах, где работали арестанты, воспрещалось торговцам продавать что-либо арестантам.

Ввиду возложения на арестантов военно-исправительных рот крепостных работ, мастерские работы им следовало исполнять, только когда крепостных не было вовсе или когда они не требовали всех арестантов. Для предоставления же всем арестантам возможности одинаково участвовать в мастерских работах на крепостные и хозяйственные работы их назначали поочередно (ст. 5).

Военно-исправительные роты помещались в зданиях, занимаемых военно-арестантскими ротами. Здания эти следовало приспособить так, чтобы в них были: общие камеры для арестантов; помещения для нижних чинов роты; комната для свиданий; мастерские; столовая, где возможно ее было устроить; церковь; карцеры, устраиваемые так, чтобы заключенных, в случае необходимости усилить строгость наказания, можно было держать в совершенной темноте; кухня и пекарня; цейхгауз; баня; отхожие места. В общих и отдельных камерах полагались разбирающиеся нары или складные кровати (ст. 6).

В военно-исправительных ротах испытуемые арестанты содержались в общих помещениях, отдельно от арестантов разряда исправляющихся, их запрещалось смешивать с ними на работах и в столовых (ст. 7). Всех без исключения арестантов обучали строю 3 раза в неделю по 2 часа, из числа часов, назначенных для работ, в хорошую погоду – на тюремном дворе, а в ненастную – где было удобно. Время для учения назначалось по усмотрению начальника роты. Арестанты могли заниматься

строевыми движениями в воскресные и праздничные дни после обеда; но в дни, назначенные для говенья, они освобождались от этих занятий (ст. 8).

Больные арестанты до устройства лазаретов отправлялись в госпиталь или лазарет и помещались в арестантском отделении (ст. 9). Для образования в военно-исправительных ротах специальных сумм обращались состоящие в военно-арестантских ротах экономические суммы (ст. 10).

Переформирование военно-арестантских рот в военно-исправительные следовало произвести немедленно по прилагаемому штату управлений военно-исправительными ротами. Штат, приложенный к самому положению об этих ротах, вводился в действие особым распоряжением. По возможности следовало заменить крепостные работы арестантов занятиями в мастерских и окончательно устроить помещения военно-исправительных рот (ст. 37–40 Положения о этих ротах) (п. 11) [4, с. 759].

На помощников начальников рот, разделенных по временному штату на старших и младших, кроме общих обязанностей, возлагалось: на старших – непосредственное заведывание арестантами (от 100 до 300 чел., ст. 17 полож.); а на младших – дежурство по крепостным работам арестантов и заведывание письмоводством в тех ротах, в которых, по временному штату, особых секретарей не было (ст. 12). По наложению дисциплинарных взысканий на чинов, служащих в ротах, старшим помощникам предоставили права ротных командиров, а младшим – права субалтерн-офицеров в войсках. Относительно же взыскания с арестантов страшим помощникам следовало руководствоваться ст. 19 положения о военно-исправительных ротах.

Так как, по временному штату, врачей в роте не полагалось, то для врачебной помощи арестантам назначали врачей от военного госпиталя, если такой был в месте расположения роты, или от войск местного гарнизона (ст. 13). Начальника местных войск в округах предоставлялось, по мере развития мастерских работ и по указанию опыта, входить с представлениями о введении должности руководителей мастерских работ (ст. 14). Фельдфебеля назначались в непосредственное ведение одних старших помощников начальника роты (ст. 15).

Обращаясь к анализу Положения о военно-исправительных ротах, следует указать, что согласно ему эти подразделения предназначались для содержания нижних воинских чинов, приговоренных к этому наказанию по суду (ст. 1). При этом осужденные не исключались из военного ведомства, но время нахождения их в этих ротах не зачитывалось им в действительную службу (ст. 2). Именовались военно-исправительные роты по тем крепостям или местам, в которых они располагались (ст. 3).

Военно-исправительные роты принадлежали к составу местных учреждений в военных округах и подчинялись начальникам местных войск в округах на правах начальника дивизии. Ближайшее управление каждой ротой вверялось особому начальнику. Для обсуждения мер к достижению нравственного исправления арестантов и для управления хозяйственной частью учреждался при каждой такой роте комитет. Независимо от ротного комитета состоял при каждой исправительной роте особый ревизионный комитет из лиц, не принадлежащих к военно-исправительному ведомству. Военно-исправительные роты в крепостях были, в зависимости комендантов, на тех же основаниях, как и войска, составляющие гарнизон крепости. Роты же, находящиеся в губернских городах, где не было крепостей, подчинялись на том же основании губернским воинским начальникам (ст. 5–9).

Начальник роты назначался по представлению военного министра приказом царя [4, с. 760]. Начальник роты обязывался: а) вверенную ему роту и места

заключения содержать в исправности; б) соблюдать порядок и способ содержания арестантов; в) стремиться к нравственному исправлению арестантов; г) направлять действия служебных обязанностей к сохранению между арестантами воинской дисциплины; д) обращаться с заключенными человеколюбиво, внушая это и всем служащим при роте.

Кроме того, начальник роты был обязан, чтобы каждый из арестантов во время нахождения в роте выучился грамоте или какому-либо мастерству. О чрезвычайных происшествиях в роте начальник немедленно доносил: а) на имя царя, с надписью на конверте: «по Главному Штабу о происшествии»; б) начальнику местных войск в округе, для представления командующему войсками, с пояснением, когда и за каким № донесено царю; в) коменданту или губернскому воинскому начальнику, смотря по тому, в крепости или в губернском городе находится тюрьма. В случае побега заключенных начальник тюрьмы сносился еще и с подлежащим гражданским начальством. Начальник роты имел права полкового командира как в отношении наложения взыскания на подчиненных ему чинов, согласно положению о дисциплинарных взысканиях, так и по преданию их суду. Арестантов начальник роты имел право подвергать взысканиям, указанным в п. 1ст. 121 и в ст. 122 Положения, и предавать суду (п. 10-15).

Помощники начальника роты избирались им самим и утверждались по представлению начальника местных войск в округе командующих войсками. Помощники содействовали ротному во всем, что касалось общего порядка управления арестантами. Также каждый помощник имел в своем непосредственном заведывании от 100 до 300 арестантов. Каждый помощник начальника роты вел о поведении всех своих арестантов дневник, на основании собственных наблюдений и ежедневных докладов фельдфебеля. Помощники ротного имели право: а) налагать на подчиненных им чинов за упущения по службе дисциплинарные взыскания по власти, предоставленной ротным командирам в войсках, б) подвергать виновных арестантов взысканиям по ст. 121 и 122 положения. В случае болезни или отсутствия ротного обязанности его исполнял старший в чине помощник (ст. 16–20).

Отдельно в положении оговаривались статус и обязанности священника роты (п. 21), секретаря [4, с. 761], врача и фельдшеров (ст. 25–26), заведующем работами (ст. 27–29).

Кадровые нижние чины избирались ротным из войск округа и назначались по распоряжению начальника местных войск в округе. Они должны были быть грамотные (ст. 30). Унтер-офицеры роты исполняли служебные обязанности по распределению начальника роты; полагались и унтер-офицеры для заведывания отделениями (по 25 арестантов), надзиратели – по 1 при лазарете, цейхгаузе, кухне и в помощь заведующему работами в мастерских; привратник и дьячок при церкви (ст. 31). Фельдфебели, состоя в непосредственном ведении помощников начальника роты, наблюдали за исполнением отданных по отделениям приказаний и сохранением в них порядка. Они ежедневно докладывали помощникам начальника роты о состоянии отделений, а также об арестантах как замеченных ими в неисправности, так и заслуживающих особого внимания примерным своим поведением (ст. 32). Унтер-офицеры, заведующие отделениями, содействовали фельдфебелям в общем наблюдении за арестантами и дежурили. Отдельно определялись общие преимущества чинов рот и порядок увольнения их (ст. 34–35) [4, с. 762].

В зданиях, занимаемых военно-исправительной ротой, полагались: отдельные по числу арестантов камеры; карцеры для провинившихся; церкви; мастерские; столовые; лазарет; приемная для поступающих арестантов; комната для свиданий;

квартиры для всех служащих при роте; цейхгауз; кухня и пекарня; баня и отхожие места, устраиваемые по особым правилам. В камерах были кровати, столики и табуреты, а в столовых и мастерских – столы и скамьи. Утварь эта устраивалась так, чтобы арестанты не могли днем лежать на кроватях, а прочие предметы употреблять как орудия разрушения (ст. 37). Камеры означались номерами. На подвижном ярлыке, прикрепленном к двери каждой камеры, надписывалось: а) имя и прозвание арестанта, б) на какой срок приговорен к заключению и когда срок этот оканчивается, в) к какой принадлежит мастерской. Двери камер и карцеров имели наружные замки с ключами и окошечки с железной решеткой, отпирающейся снаружи (ст. 38). Для подачи помощи из коридоров мастерских и столовых проводились звонки в караульную комнату и квартиру начальника роты.

Карцеры устраивали так, чтобы арестантов при необходимости усилить строгость наказания можно было держать в полной темноте. На каждые 100 камер полагалось 5 карцеров (ст. 39). Лазарет устраивали сообразно с штатным числом арестантов, полагая на 100 чел. 8 кроватей. В местах заключения следовало соблюдать чистоту и опрятность; воздух в камерах, столовых и мастерских освежался воздухом чаще. Всем вообще служащим в ротах воспрещалось курение не только в камерах арестантов, столовых и мастерских, но и в коридорах (ст. 41).

Коридоры и лестницы мест заключения освещались всю ночь (ст. 42). Посторонним не дозволялось входить в ограду здания роты без разрешения ее начальника (ст. 43). Ворота имели калитку с задвижкой, были всегда заперты на замок и отворялись лишь в случаях, указанных начальником роты (ст. 44). Отлучки чинов управления разрешались его начальником. Сам же начальник не мог ночевать вне ограды зданий роты (ст. 45) [4, с. 763].

При местах заключения арестантов полагался караул. В особо важных случаях нарушения арестантами порядка в роте караул по требованию начальника роты оказывал помощь. Часовым запрещались разговоры и какие бы то ни было сношения с арестантами. Если караул замечал, что кто-либо из арестантов покушался к побегу или намеревался совершить преступное деяние, то, не ожидая приказа начальника роты, арестовывал виновного. При сопротивлении или насилии арестантов караул употреблял оружие. Инструкция для караула находилась в караульной комнате (ст. 46–51).

Содержание и форма обмундирования чинов, служащих в военно-исправительной роте, предметы довольствия для арестантов определялись штатом и табелью. Суммы на содержание управлений военно-исправительных рот и арестантов вносились в финансовую смету военного министерства. Отопление, освещение и ремонт арестантских помещений производились на основании действовавших постановлений (ст. 51–52).

При направлении осужденных в роты с ними отправлялись копии приговоров, послужные списки, их собственные деньги. Арестанты снабжались старой, но годной формой без погон. Имеющиеся у нижних чинов знаки отличия и медали, а также деньги передавались конвоирующими для доставки в роту, где они хранились до освобождения. Не внесенные, скрытые деньги и вещи отбирались. Осужденные проходили медицинское освидетельствование, зачислялись в роту немедленно по прибытии, записывались под № отведенной ему камеры в алфавитную книгу со всеми подробностями о них (ст. 53–58) [4, с. 764].

Арестанты военно-исправительных рот делились на разряды испытуемых и исправляющихся. Срок нахождения в разряде испытуемых назначался: осужденным в роты на время от 4 до 6 лет – 1 год; на время от 2 до 4 лет – 8 месяцев, и на время от 1 года до 2 лет 4 месяца. Арестанты поступали в разряд испытуемых при зачислении их в роты и, по миновании сроков испытания или же и ранее,

переводились в исправляющихся, если постоянно отличались покорностью, хорошим поведением и трудолюбием. В ином случае содержались в разряде испытуемых, пока не заслужат перевода в разряд исправляющихся по решению командира. С перечислением в разряд исправляющихся их сроки содержания в роте сокращались на 1/3, если они в продолжении этого времени на подверглись наказаниям. Для отличия от арестантов разряда испытуемых им нашивались на воротниках курток красные клапаны (ст. 60–62).

Для удобства наблюдения за арестантами каждый из разрядов делился на особые отделения до 25 чел. Отделения составлялись из арестантов, знающих одинаковые мастерства. Арестанты разряда испытуемых содержались в течение половины определенного ст. 60 срока испытания в одиночном заключении днем и ночью, в продолжение остального времени испытания – в отдельных камерах только ночью. Арестанты разряда испытуемых, находящиеся в постоянном одиночном заключении, содержались и занимались работами и упражнениями совершенно одинаково с заключенными в военных тюрьмах (ст. 52–65 Полож. о воен. тюрьм.). Арестанты же, состоящие в разряде испытуемых, но не содержащиеся в постоянном одиночном заключении, и исправляющиеся арестанты в течение дня находились во дворе для исполнения различных работ и занятий, молитв, обеда, ужина и прогулок [4, с. 765]. Испытуемым, находящимся в постоянном одиночном заключении, если они обращали на себя внимание примерным поведением, мог быть сокращен ротным комитетом остальной срок их испытания, но не более как на 1/3.

Утром, за час до начала работ, арестанты, не содержащиеся в постоянном одиночном заключении, убрали свои камеры, умывались, одевались, им брели бороды по очереди. Каждое отделение построившись шло в сопровождении своих унтер-офицеров в столовую, где арестантам давался на завтрак черный хлеб с солью из дневной порции. После того они шли в мастерские на работы. Около полудня арестанты обучались строевым движениям; затем они обедали и после отдыха возвращались в мастерские. Вечером – ужин, спустя полчаса – переключка и спать. Подробное распределение дня в исправительной роте составлялось ее начальником и утверждалось командующим войсками в округе, по соглашению с Главным военно-тюремным комитетом.

Арестанты выполняли все действия по сигналу барабана. Утром и вечером, а также перед обедом и ужином и после них арестантам читали установленные молитвы. Для надзора за соблюдением арестантами порядка во время молитв, приема пищи и прогулок, сверх отделенных унтер-офицеров и фельдфебелей, присутствовал один из помощников начальника роты; во время же работ в мастерских наблюдали за порядком дежурные унтер-офицеры и заведующие работами. Арестантам воспрещалось: употреблять горячие напитки, курить и нюхать табак, иметь при себе деньги и какие бы то ни было вещи и орудия. Для точного соблюдения этого правила арестантские камеры и сами арестанты при всяком выводе их из камер и возвращении в них осматривались унтер-офицерами. Посылать и получать письма арестанты могли не иначе как с разрешения и через посредство своего начальства. В часы отдыха исправляющиеся и те из испытуемых, которые не содержались в постоянном одиночном заключении, проводили время в хорошую погоду на дворе, а в ненастную – в столовой или мастерских, по усмотрению начальника роты. Игры были запрещены. Начальник мог разрешить недолго им разговаривать.

Арестанты посылались в баню 2 раза в месяц и переменяли: рубахи – раз в неделю, а в летнее платье – 2 раза в месяц. В воскресные и другие свободные от работ дни арестантам разряда исправляющихся могло быть дозволено свидание в

присутствии одного из помощников начальника роты и с разрешения начальника в специальной комнате и в определенный им час, после обеда. Свидания назначались редко, посетителям не разрешалось ничего приносить и передавать арестантам (ст. 63–76) [4, с. 766].

Что касается одежды, хозяйственных принадлежностей и пищи арестантов (гл. IV Положения), то на каждого арестанта полагались: зимняя куртка и шаровары из серого сукна, летняя куртка и шаровары из белого равентука; 2 пары суконных и 2 пары холщовых портянок, 2 пары полусапог и к ним 2 пары подметок; 3 рубахи; галстук с манишкой; шапка; 2 полотенца и одеяло из серого сукна. Иную одежду носить запрещалось (ст. 77).

Арестанты разряда испытуемых, содержащиеся в постоянном одиночном заключении, получали пищу на одинаковом основании с заключенными в военных тюрьмах (ст. 58. пол. о воен. тюрьм.). Всем прочим арестантам отпускалось ежедневно: 1) хлеба ржаного 3 фунта и соли 6 золотников на каждого; 2) горячая пища, т. е. щи или похлебка, приготавливаемые из овощей: в скоромные дни с салом, а в постные – с постным маслом; 3 раза в неделю и, кроме того, по высокосторжественным дням – с крошенным мясом или рыбой, из расчета на 1 по четверти фунта того или другого, 3) квас. Горячая пища отпускалась исправляющимся арестантам и тем испытуемым, которые не содержались в постоянном одиночном заключении, к обеду и ужину. Кроме того, арестантам разряда исправляющихся давалась каша 2 раза в неделю. Пища для арестантов ежедневно свидетельствовалась одним из помощников начальника роты (ст. 79–81).

Занятия арестантов состояли: в работах, упражнении в строевых движениях, в изучении грамоты. Работы разделялись на хозяйственные и мастерские внутри ограды здания, занимаемого ротой. Вне ограды арестанты на работах не использовались. При назначении арестантам работ учитывались их физическая сила, здоровье и способность к тому или другому роду работ. Работали ежедневно, за исключением воскресений и праздничных дней. Арестанты – иудеи и мусульмане освобождались от работ для молитвы: первые по субботам, а последние по пятницам, но не освобождались от работ в воскресенье. Независимо от дней тезоименитства и коронования они освобождались от работ для молитвы и в дни, о которых ежегодно объявлялось циркулярами главного штаба, проводя эти дни и совершая молитвы в своих камерах. Для занятия арестантов работами полагалось от 8 до 10 ч. в день (ст. 83–88).

Хозяйственные работы заключались в готовке пищи и кваса, распилке, рубке и подноске дров, топке печей, качании воды и занятиях по содержанию чистоты и опрятности в коридорах, сенях, на дворе и вообще в зданиях роты. Ими занимались исправляющихся по очереди (ст. 89–90) [4, с. 767].

К работам в мастерских относили производства: портняжное, сапожное, шорное, бондарное, токарное, столярное, кузнечное и слесарное, а также витье веревок, делание циновок, щеток и т. п. Допускались и другие работы, безвредные для здоровья арестантов и безопасные. Испытуемые, содержащиеся в постоянном одиночном заключении, занимались работой в своих камерах, а все прочие – в мастерских. Над дверью каждой мастерской означалось ее название (по роду мастерства), и выставлялся список работающих в ней арестантов. Перед выходом из мастерских арестанты складывали свою работу и инструмент. Дежурные унтер-офицеры поверяли инструменты. Во время работ арестанты могли обращаться к унтер-офицерам или обучающим мастерам только с вопросами, относящимися к работе, но лишь в полголоса. Для содействия заведующему работами и вольнонаемным мастерам при подготовке и распределении работ и рабочего материала ротным могли назначаться лучшие по поведению арестанты из разряда

исправляющихся, но самим арестантам не поручался надзор за прочими арестантами во время работ. Мастерские работы производились по казенным или частным заказам, на продажу. Ротный командир определял, какие заказы могли быть исполнены арестантами, но сами заказы принимал начальник роты. Заказы записывались в ротном комитете в особую книгу, со внесением задатка, равного 1/4 договорной суммы. В этой же книге и означалось кол-во уплаченных денег. Инструменты и материалы для изделий на продажу приобретались на счет специальной ротной суммы.

Изделия для продажи выставлялись в особых помещениях, по распоряжению начальства роты, или поручались разносчикам и торговцам. Прежде распродажи изделий ротный комитет давал им приблизительную оценку. Из чистой прибыли, вырученной от продажи арестантских изделий, отчислялось 10 % в пользу арестантов, а 90 % обращались: а) на покрытие расходов по содержанию роты, б) в специальную ротную сумму, в) в пользу чинов, служащих в роте. Размер, в котором эти 90 % разделялись по назначению, определялся главным военно-тюремным комитетом. Арестанты награждались за произведенные ими работы соответственно усердию своему в работах. Хлебопекам и кашеварам, постоянно занятым, отчислялась ежемесячно из специальной ротной суммы часть денег, равная среднему заработку арестанта. Количество заработанных арестантами денег исчислялось в конце месяца, и затем объявлялось им, сколько пришлось по расчету на каждого. Причитающиеся арестантам деньги не выдавались им на руки; но из следующей каждому суммы позволялось исправляющимся в виде награды за хорошее поведение расходовать до 50 % на отправку писем и покупку в торжественные дни и большие церковные праздники булок, чая и сбитня (с разрешения начальника роты) (ст. 91–108).

Исправляющиеся и те из испытуемых, которые содержались в постоянном одиночном заключении, в воскресные и праздничные дни и прочее свободное от работ и строевого учения время обучались грамоте и слушали чтение книг, приобретаемых ротным комитетом. Испытуемые, содержащиеся в постоянном одиночном заключении, обучались в своих камерах по возможности. Грамоте обучали ротные унтер-офицеры под руководством и в присутствии священника или помощника начальника роты. В помощь унтер-офицерам могли назначаться с разрешения начальника роты отличнейшие по поведению грамотные арестанты. Книжки читались арестантам в столовых или мастерских в присутствии помощника начальника роты (ст. 109–112) [4, с. 769].

Проступки, за которые определялись наказания (гл. VII) начальством военно-исправительных рот, разделялись на 2 рода. Первый: 1) маловажные нарушения установленного порядка, несоблюдение опрятности, тишины и т. п.; 2) нерадение в исполнении урочной работы; 3) ложные показания о болезни; 4) взятие без позволения какой-либо чужой вещи без намерения утаить и присвоить ее; 5) непослушание фельдфебелю или унтер-офицерам без всякой, однако, грубости или иных увеличивающих вину обстоятельств.

Второй: 1) означенные выше проступки, когда арестанты оказались виновными в них более 2-х раз; 2) драки и побои, не имевшие последствием раны, увечья или повреждения в здоровье; 3) умышленная порча одежды, обуви и других вещей; 4) умышленное повреждение места заключения, утвари, посуды, инструмента или рабочих материалов; 5) взятие чужих вещей с намерением присвоить их себе; 6) имение при себе воспрещенных вещей и орудий; 7) покушение на подкуп нижних чинов для послабления в надзоре; 8) своеволие, буйное поведение и другие подобные проступки, нарушающие порядок и благочиние; 9) непослушание фельдфебелю или унтер-офицерам, когда оно сопровождалось грубостью; 10)

покушение к побегу; 11) необъявление начальству о желании других арестантов бежать.

За проступки первого рода определялись такие наказания: 1) заключение в одиночном карцере на время от 3-х до 7 дней с содержанием на хлебе и воде; 2) заключение в темном карцере на такое же время с содержанием на хлебе и воде. Наказание за проступки второго рода полагались в такой постепенности: 1) заключение в темном карцере от 7 до 14 дней с содержанием на хлебе и воде; 2) продолжение времени испытания от 1 до 3 месяцев или перечисление из разряда исправляющихся в разряд испытуемых на такое же время. Сверх того, за умышленную порчу мастерского инструмента или материалов виновные подвергались вычету количеству ущерба из заработка. Если проступки 1-го и 2-го разряда сопровождалась обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могли быть наказаны розгами: за проступки 1 рода – до 30 ударов по распоряжению помощника начальника роты, а за проступки 2-го рода до 100 ударов по определению начальника роты. Телесное наказание назначалось или вместе с вышеприведенными взысканиями, или в виде самостоятельного наказания. Наказания арестантов военно-исправительных рот за преступления определялись особыми узаконениями (ст. 119–124).

Больные арестанты получали в лазарете пищу и медикаменты на общем основании с войсками; провиант и кормовые деньги на арестанта заболевшего показывались в роте к зачету. Время болезни, проведенное в госпитале или лазарете, не включалось в срок пребывания в роте, если только травма была получена на работе от несчастного случая (ст. 126–127).

Освобождение арестантов из военно-исправительных рот происходило: а) по миновании определенных ими сроков заключения и б) по неспособности к работам. Такие обращались на службу исключительно в полевые войска. Не состоящие на срочной службе по выбытии из роты исключались из военного ведомства и передавались в распоряжение гражданского начальства. Заработанные в роте деньги выдавались нижним чинам в полках и командах не иначе как по переводе их в разряд беспорочно служащих. Неспособными ни к каким работам признавались арестанты: совершенно слепые; не имеющие рук или ног; дряхлые от совершенного расслабления, паралича и других болезней; имеющих большие килы, препятствующие ходить и работать, и оказавшиеся после долговременного лечения имеющими совершенно неизлечимые болезни, лишаящие навсегда способности ко всякой работе. Они передавались для содержания в гражданские тюрьмы (ст. 128–135) [4, с. 772].

Ротный комитет был при каждой роте из помощников начальника и под его председательством. В совещаниях комитетов участвовали также священник по делам нравственного исправления арестантов и церковного хозяйства и врач по делам медико-полицейским и вообще требующим принятия гигиенических мер. Комитет обслуживал все мероприятия, касающиеся благосостояния роты и точного применения предписанных правил содержания арестантов. Он распоряжался: ремонтом зданий; б) заготовкой продовольствия и припасов для изделий; покупкой необходимых предметов, руководствуясь правилами о заготовлениях по военному министерству. Комитету предоставлялось: утверждать подряды и разрешать хозяйственные заготовки до 1000 руб.; распоряжаться, с предварительного разрешения начальника местных войск в округе, хозяйственной заготовкой одежды для арестантов и нижних чинов роты не свыше определенных окружным интендантством цен; сокращать арестантам сроки испытания и переводить арестантов из разряда испытуемых в исправляющиеся. В отношении требования, прихода и расхода сумм, материалов и всяких вообще предметов довольствия роты,

поверки и свидетельства их, предоставления срочных донесений и отчетности комитет руководствовался правилами, установленными для войск, в которых были хозкомитеты. (ст. 144–149).

Ревизионный комитет при каждой роте состоял из командира губернского батальона и 2 офицеров от местных частей артиллерийского и инженерного ведомств. Обязанности комитета были: а) в удовлетворении, что установленные для роты правила исполняются точно, б) в производстве ревизии ротного хозяйства, причем комитет обращал особое внимание на степень развития мастеровых работ, на оборот денежных сумм, правильно ли назначались цены изделиям, изготавливаемым арестантами. Комитет распорядительной власти не имел, а входил в письменные сношения с начальником роты и не делал ему, а также подчиненным ему лицам замечаний (ст. 151–155) [4, с. 773–774].

Таким образом, начало реформы военно-судебной и пенитенциарной систем в России приходится на 1867 г. Указом от 16 мая 1867 г. арестантские роты инженерного ведомства заменены военно-исправительными ротами. В этот же день принято положение о военных тюрьмах, крепостном военно-арестантском отделеении и положение о военно-исправительных ротах. Положение о военно-исправительных ротах хотя и было принято немедленно, однако вводилось постепенно. Его основными отличиями по сравнению с предыдущим являются смягчение условий содержания заключенных, гуманизация отношения к ним, попытки обучения заключенных грамоте, постепенный отказ от внешних работ с переносом работ арестантов в мастерские.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. 5. 1713–1719. – СПб., 1830. – 780 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. – СПб., 1830. – 1204 с.
3. Курабцева А. П. Реформирование военно-арестантских рот в 1854–1865 гг. // Власть закона. – 2016. – № 1. – С.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. 1867. – СПб., 1871. – 1206 с.

Kurabtseva A.P. Development of institute soldiery prisoner mouth of the Russian empire in the second half of XIX v. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – P. 60–70.

It is indicated in the article, that in the first half of XIX v. military-workings subdivisions which was used together with labour of ordinary soldiers and convict on different construction-works were created in Russia. By legal framework of their activity «Statute for education of fortress prisoners in prisoner companies» from September, 6, 1826 with adding to him «Statute about soldiery prisoner companies». With their acceptance presence prisoner mouth both land and naval in the Russian army became a norm. In 1854–1864 there was gradual liquidation of prisoner mouth. Beginning of reform of the military-judicial and penitenciamoy systems in Russia is on 1867 By a decree from May, 16, 1867 the prisoner companies of engineering department are transferable military-correctional companies. Position is in this day accepted about soldiery prisons, fortress military-prisoner separation and position about military-correctional companies.

Keywords: prisoner companies, military-correctional companies, reform, penitenciamaya system.

Spisok literatury

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. 5. 1713-1719. – SPb., 1830. – 780 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie vtoroe. T. I. S 12 dekabrya 1825 po 1827. – SPb., 1830. – 1204 s.
3. Kurabceva A. P. Reformirovanie voenno-arestantskih rot v 1854–1865 gg. // Vlast zakona. – 2016. – №1. – S.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie vtoroe. T. XLII. Otdelenie pervoe. 1867. – SPb., 1871. – 1206 s.

УДК 347.79

**СОЗДАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКОГО
РЕГИОНА В 20-е ГОДЫ XX в.**

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе рассматривается процесс создания в 20-е годы прошлого века единой метеорологической службы в РСФСР и гидрометеорологической службы Черноморско-Азовского региона, правовое регулирование ее деятельности как важного звена в обеспечении безопасности торгового судоходства региона. Рассматриваются нормативно-правовые акты, регламентирующие создание и функционирование гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей, задачи, возлагаемые на метеорологические (геофизические) станции, на руководящий состав портов, правовые основы деятельности гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей по взаимодействию с портами по обеспечению материальных потребностей последних для выполнения возложенных на нее задач. Освещается важный аспект деятельности гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей по информированию о гидрометеорологических сведениях, извещениях и исследованиях в печатных изданиях службы.

Ключевые слова: Черноморско-Азовский регион, торговое судоходство, правовое регулирование, гидрометеорологическая служба, метеорологическая станция.

Безопасность торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе является ключевым фактором благополучия и экономического развития региона. В связи с этим исследование всего комплекса вопросов, связанных с функционированием и взаимодействием служб, обеспечивающих безопасность торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе, приобретает особую актуальность. Важнейшая роль в таком функционировании и взаимодействии отводится правовому регулированию их деятельности. Так как основы существующей системы безопасности судоходства в Черноморско-Азовском регионе были заложены еще в далекие 20-е годы прошлого века, то ее совершенствование и решение большей части стоящих проблем невозможно без анализа и учета исторического опыта.

Целью работы является изучение создания в 20-е годы прошлого века гидрометеорологической службы Черноморско-Азовского региона и правового регулирования ее деятельности как важного звена в обеспечении безопасности торгового судоходства региона.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: А. Ю. Егоров, В. Д. Смоленцов, А. Д. Кейлин, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, Б. В. Змерзлый, А. Л. Колодкин и др. В работах данных авторов исследование данного вопроса в обозначенных нами временных и региональных рамках не проводилось.

Создание различных служб, обеспечивающих безопасность деятельности торгового судоходства в советский период в Черноморско-Азовском регионе происходила не на пустом месте. Во-первых, еще до 1917 г. в составе морского ведомства действовало Главное гидрографическое управление (далее – ГГУ), занимавшееся картами, установкой различных знаков, управлением деятельностью маяков и т. д. Во-вторых, в начале XX в. в изучаемом регионе была создана достаточно разветвленная гидрометеорологическая служба с центром в Феодосии. Однако развитие всех этих служб и правовое регулирование их деятельности происходило уже в новых условиях.

Так, 10 января 1918 г. вышел приказ народного комиссариата по морским делам «Об образовании в составе ГГУ: 1) отдела гидрографического, 2) отдела технического и 3) отдела общих дел» (приказ № 304) [1]. Заведывание отделами гидрографическим и техническим возложили на начальников этих отделов под руководством начальника ГГУ, непосредственному ведению которого поручался отдел общих дел.

Должность помощника начальника ГГУ переименовывалась в должность начальника Гидрографического отдела; в штат ГГУ вводилась должность начальника Технического отдела с присвоением им содержания по 28 разряду таблицы окладов для штатных и состоящих на государственной службе чинов морского ведомства, утвержденной Законодательным советом морского ведомства 7 декабря 1917 г. В то же время упразднились положенные по штату 23 октября 1916 г. в составе ГГУ должности астронома обсерватории и заведующего граверной [1].

Следует также указать и на то, что и в новых условиях ГГУ осталось одной из служб, непосредственно подчиненных военно-морским силам. К истории его развития в советский период также можно упомянуть, что в 1918–1922 гг. на морях были созданы Управления по безопасности кораблевождения (Убеко), которые объединили существовавшие мелкие гидрографические части в единые местные управления, непосредственно подчиненные ГГУ. Само же ГГУ в 1924 г. стало Главным гидрографическим управлением СССР, а в сентябре 1926 г. оно было переименовано в Гидрографический отдел Управления военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной Армии (Гидрографический отдел УВМС РККА) и т. д. В этих условиях за ГГУ остался контроль за маяками и отчасти за деятельностью лоцманов. В остальном же данное учреждение было практически полностью перенацелено на обеспечение нужд военно-морского флота.

Иная ситуация сложилась с гидрометеорологической службой. С окончанием основных сражений гражданской войны и необходимостью восстановления нормального функционирования торгового флота 21 июня 1921 г. был издан декрет СНК «Об организации метеорологической службы в РСФСР» [3, с. 51]. В нем указывалось, что в целях объединения метеорологического дела в РСФСР и для планомерного обслуживания всех ведомств и населения необходимыми для них данными метеорологических наблюдений СНК постановил: руководство всем метеорологическим делом в РСФСР возложить на Главную физическую обсерваторию (ГФО), которая становилась центральным географическим учреждением республики.

Декрет предусматривал, что связь метеорологической службы РСФСР с такой же службой других стран всего мира осуществлялась через ГФО. При этом в

ведение ГФО переходили обсерватории на положении ее филиалов: а) магнитно-метеорологические в Павловске, Екатеринбурге, Ташкенте, Иркутске, б) аэрологическая в Павловске и в) аэродинамический институт в Кучино.

В целях же своевременного обслуживания различных местностей РСФСР данными и погоде и для ближайшего руководства метеорологическим делом на местах ГФО следовало создать областные и губернские метеорологические бюро. В тех местностях, где были филиальные метеорологические обсерватории ГФО, названные бюро следовало устраивать, по возможности, при этих обсерваториях.

В ведении ГФО состояла также основная метеорологическая (геофизическая) сеть РСФСР, включая метеорологические (геофизические) станции разных наименований. Относительно станций, состоящих в ведении разных учреждений и ведомств и производящих, кроме общих метеорологических наблюдений, еще и по специальным программам, следовало соблюдать следующие требования: а) общие метеорологические (геофизические) наблюдения ГФО и по приборам, сличенным с нормальными инструментами ГФО; б) ГФО через своих инспекторов и инструкторов проводить осмотр таких станций, контролировать производимые ими общие метеорологические (геофизические) наблюдения и проверять на местах приборы; в) учреждения, в ведении которых состояли такие станции, обязаны заботиться о том, чтобы подлинники общих метеорологических геофизических наблюдений, а также необходимые для службы погоды срочные телеграммы и сообщения о данных наблюдений своевременно и аккуратно доставлялись такими станциями в ГФО или, по указанию последних, ее местным учреждениям; г) при предполагаемом открытии или закрытии таких станций ведомства, в которых они состояли, обязывались заблаговременно извещать ГФО.

При этом ведомствам и учреждениям воспрещалось иметь отдельную от ГФО службу погоды (предсказания, предостережения, информация погоды); существующие отдельные ведомственные организации этого рода передавались в ведение ГФО и входили в состав единого для РСФСР Бюро погоды при ГФО.

Подлинники общих метеорологических (геофизических) наблюдений, производимых каким бы то ни было станциями в пределах РСФСР, должны были храниться в архивах ГФО и филиальных ее обсерваторий.

Для направления деятельности ГФО в соответствии с потребностями разных отраслей народного хозяйства и для согласования и объединения деятельности различных ведомств и учреждений, производящих геофизические исследования, при ГФО создавался, под председательством директора последней, комитет из представителей ведомств, производящих метеорологические (геофизические) наблюдения и исследования.

В случае необходимости для какого-либо учреждения или ведомства иметь в данной местности метеорологическую сеть более густую, чем основная государственная сеть ГФО, учреждению или ведомству следовало вносить проект такой сети на рассмотрение и утверждение междуведомственного комитета при ГФО. Научное руководство такими местными сетями ГФО осуществляло через свои губернские метеорологические бюро.

ГФО имело право созывать по мере надобности всероссийские или областные (геофизические) и, в частности, метеорологические съезды и совещания в целях согласования деятельности всех существующих в республике метеорологических

(геофизических) учреждений и для рассмотрения касающихся метеорологии вопросов, возбуждаемых разными ведомствами и учреждениями.

При этом ГФО состояло в ведомстве НКП. Положения, касающиеся внутренней организации ГФО в научном, административном и хозяйственном отношении, вырабатывались Обсерваторий и утверждались НКП [3, с. 539–541].

Со стабилизацией ситуации в Крыму начала восстанавливать свою деятельность гидрометеорологическая служба. Так, в постановлении СНК от 8 июля 1921 г. «Об обеспечении Советских учреждений метеорологическими сведениями» Уполнаркомпочтелю поручалось срочно выяснить точное время, когда Николаевская и Феодосийская радиостанции ежедневно отправляют сводки метеорологической радиостанции, чтобы она могла аккуратно принимать эти сводки. Высшему институту народного образования в Харькове поручалось срочно составить проект организации Всеукраинского Метеорологического Центра и представить этот проект Совнаркому [4, с. 434].

Важным шагом в объединении усилий в деле создания единой гидрометеорологической службы стало постановление СНК от 13 октября 1921 г. решения о передаче Военно-метеорологического отдела (Главмет) из ведения комиссариата по военным делам в ведение народного комиссариата просвещения (С. У. 69–548) [5, с. 69–548]. Данный отдел с сетью подведомственных ему метеорологических, аэрологических и аэронавигационных станций из ведения комиссариата по военным делам переходил в ведение НКП, по Академическому центру.

Военно-метеорологический отдел включался отделом военной метеорологии в состав ГФО, в ведение которой при этом поступали и все вышеуказанные станции, включаемые в состав ее сети. ГФО передавались военным ведомством все имеющиеся у него приборы и принадлежности оборудования станции высшего Главмета разного типа.

При этом отделу военной метеорологии ГФО поручались нижеследующие задачи: а) научная разработка результатов метеорологических, аэрологических и иных наблюдений, произведенных военно-метеорологическими организациями в период 1-й Мировой и Гражданской войн; б) содействие военному ведомству в разработке вопросов, связанных с применением метеорологии к военному делу; в) руководство метеорологическими, аэрологическими и аэронавигационным имуществом; г) учет специалистов-метеорологов и разработка соответствующих мобилизационных предложений; д) учет имущества метеорологических, аэрологических и аэронавигационных станций и забота о правильном распределении этого имущества между отдельными станциями.

Личный состав служащих отдела военной метеорологии, а равно и других учреждений, и частей обсерватории, обслуживающих военные ведомства, получил право на пищевое и вещевое довольствие наравне с военнослужащими штаба РККА в числе, устанавливаемом по соглашению с военным ведомством и НКП. В военное время ГФО следовало выделять из своего состава для военного ведомства на основании инструкции последнего особый орган в соответствии с потребностями и условиями военного времени (4, с. 887–888) [3, с. 887–888].

Обращаясь к процессу организации гидрометеорологической службы на местах и их непосредственной деятельности, можно указать, что данное направление

работы активизировалось лишь в 1922 г. Так, в частности, известно, что 24 июля 1922 г., ввиду предполагаемого в ближайшем времени утверждения разработанного Портовым отделом ЦУМОР Положения об управлении торговыми портами, начальнику порта Керчи предлагалось срочно, во-первых, разработать минимальные штаты на местах для специальных служб, предусмотренных применением прилагаемой ведомости о штатах; во-вторых, составить смету испрашиваемых кредитов на 1922 г. с 1 июня по 1 октября по следующим подразделениям: а) на личный состав (по прилагаемой ведомости), б) канцелярские, командировочные, разъездные и хозяйственные расходы, в) освещение, г) водоснабжение, д) содержание, наем и отопление зданий, е) благоустройство, ж) пожарная охрана [6, л. 18].

Следует также указать, что в тех портах, где были расположены гиместанции (Прим: в некоторых источниках употребляется вместо названия «гиместанция» равнозначное название «гимнестанция», для более точного цитирования автор использует оба эти названия в зависимости от используемого источника), они в этот период входили в состав Управления портов на правах части. В портах, где находилась гиместанция одного из 3 разрядов, на которые они делились, последние входят в состав портовых управлений на правах делопроизводства в строительной части [6, л. 19–20 об.]. Так, в 1923 г. на гиместанции порта Керчи служило 2 наблюдателей и 1 сторож [7, л. 28].

В этот период уже действовали гиместанции в портах региона. Так, согласно отчету о деятельности Евпаторийского морского порта за 1922–1923 бюджетный год, гиместанции в это время занималась наблюдениями над всеми метеорологическими явлениями, согласно инструкции, данной Главной физической обсерваторией в руководство станциям II разряда 1-го класса.

За истекший год также были произведены следующие установки: в июле на крыше здания Управления порта сделана деревянная подставка, на которой установлен гелиограф Величко и присланный из Гимнецентра гелиограф Кемпбеля. В августе был произведен текущий ремонт английских будок. Ежедневно получаемые телеграммы из Гимнецентра заносились в особые бюллетени о состоянии погоды и моря Азовского и Черного побережья и вывешивались в порту для всеобщего сведения [8, с. 30].

Следует указать, что гидрометеорологическая служба Черного и Азовского морей уже в этот период, несмотря на ощутимый дефицит бюджета, проводила весьма значительную работу. Так, ею одновременно выпускалось несколько изданий, к примеру, «Известия Центрального гидрометеорологического бюро» [9, л. 8], «Ежедневный бюллетень бюро погоды», который издавался с 1924 г. на русском и английском языках, печатался в типографии «Гимнеслужбы Черноморей» и др.

Кроме того, ежедневно в 1924 г. издавались «Сведения о состоянии погоды и моря у Азовского-Черноморского побережья». Кроме различных гидрометеорологических сведений и извещений в бюллетенях, обычно в приложениях к декадным также публиковались исследования сотрудников гидрометеорологической службы.

Важную роль в деятельности гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей играло ее взаимодействие с портами. Так, согласно предписанию ЦУМОРа от 14 апреля 1925 г. для обеспечения потребностей портовых гиместанций в плавучих средствах для производства рейдовых гидрологических наблюдений, управления портов должны были включать в общее число плавучих средств порта также и средства, требующиеся для гиместанции, внося в свою смету на предстоящий сметный год сумму, необходимую как на содержание и действие, так и на ремонт этих плавучих средств. При этом в течении года для каждой

гиместанции было намечено до 50 выездов продолжительностью от 3 до 6 ч. [10, л. 45]. Безусловно, что чаще всего в этот период, не располагая достаточным количеством плавучих средств и команд для них, некоторые начальники портов, как, к примеру, Керчи, соглашались оказывать помощь гиместанциям лишь при условии оплаты таких услуг [10, л. 45].

При этом следует упомянуть о продолжавшемся расширении сети гидрометрических станций. Так, 21 июня 1925 г. было принято постановление «О штатах Днепровской и Бугской гидрометрических станций» [11]. Штат каждой из таких станций включал заведующего станцией, техника-гидромера, вычислителя, водомерщика (всего 4, а по 2 станциям – 8 чел.).

Таким образом, для восстановления нормального функционирования торгового флота в 1921 году декретом СНК была создана метеорологическая служба в РСФСР. Важным шагом в объединении усилий в деле создания единой гидрометеорологической службы стало постановление СНК от 13 октября 1921 г. о передаче Военно-метеорологического отдела (Главмет) из ведения комиссариата по военным делам в ведение народного комиссариата просвещения, а со стабилизацией ситуации в Крыму начала восстанавливать свою деятельность и гидрометеорологическая служба в Крыму. В 1922 году уже действовали гиместанции в портах региона. Гидрометеорологическая служба Черного и Азовского морей уже в этот период, несмотря на ощутимый дефицит бюджета, проводила значительную работу, продолжалось расширение сети гидрометрических станций, ею одновременно выпускалось несколько изданий. В целом, необходимо отметить, что, несмотря на известные трудности в стране в рассматриваемый период, созданию гидрометеорологической службы Черноморско-Азовского региона центральными органами власти уделялось достаточное внимание, что подкреплялось достаточно высоким уровнем правовой регуляции проводимых преобразований.

Список литературы

1. «Об образовании в составе Главного Гидрографического Управления: 1) отдела гидрографического, 2) отдела технического и 3) отдела общих дел» (приказ № 304) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР – М. 1942. – С. 310.
Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6630>
2. 21 июня 1921 г. был издан декрет СНК «Об организации метеорологической службы в РСФСР». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=10959>
3. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г. [Электронный ресурс]. – М.: Управ. Дел. Совнарк. СССР, 1944. – 1207 с. – URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=357850> (дата обращения: 10.03.2016).
4. Постановление СНК от 8 июля 1921 г. «Об обеспечении Советских учреждений метеорологическими сведениями». – С. 434.
5. Важным шагом в объединении усилий в деле создания единой гидрометеорологической службы стало постановление СНК от 13 октября 1921 г. решения о передаче Военно-Метеорологического Отдела (Главмет) из ведения комиссариата по военным делам в ведение народного комиссариата просвещения (С.У. 69-548).
6. Государственный архив республики Крым (далее – ГАРК), ф. р-1584, оп. 2, д. 16. Циркуляры и переписка с морским и НКПС. 20.06.1922–2.12.1922 г. 119 л.
7. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 68. Управление морского транспорта. Инструкции. 1923. 80 л.
8. Отчет о деятельности Евпаторийского Морского Порто за 1922–1923 бюджетный год. – Евпатория, Крымполиграфтрест, 1924. – 47 с.
9. ГАРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 141. Протоколы и выписки заседаний центрального комитета по портовым делам. 20.09.1925–10.1926. 233 л.
10. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 165. Бюллетени погоды и состояние погоды и моря по Гимостанции. 2.01.1925–13.12.1925. 113 л.
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. 22 июня 1925 г. № 40–41.

Sharmoyants A. On the creation of the legal basis and the activities of the hydro meteorological Service of the Azov - Black Sea region in the 20s years of XX century // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series: Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2. № 1. – P. 71–77.

The paper deals with the process of creating in the 20s of the last century a single meteorological service to the RSFSR, and the hydro meteorological service of the Azov - Black sea region, the legal regulation of its activities, as an important link in ensuring the safety of merchant shipping in the region. We consider the regulations, governing the establishment and functioning of the hydro meteorological service, the Black and Azov seas, the tasks entrusted to the meteorologist station, ports management team. Legal basis for activities of hydro - Meteorological service of the Black and Azov seas in the interaction with the ports to ensure the material needs of the latter to carry out its tasks. Illuminates an important aspect of the hydro meteorological service of the Black and Azov seas awareness of meteorological data, notices and research services in the print media.

Keywords: Black sea – Azov sea region, commercial shipping, legal regulation, hydro-meteorological service, meteorological station.

Spisok literaturyi

1. «Ob obrazovanii v sostave Glavnogo Gidrograficheskogo Upravleniya: 1) otdela gidrografiche-skogo, 2) otdela tehniceskogo i 3) otdela obschih del» (prikaz № 304) // Sobranie zakoneni i rasporyazheniy pravitelstva za 1917-1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR – M. 1942. – s.310.
Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6630>
2. 21 iyunya 1921 g. byl izdan dekret SNK «Ob organizatsii meteorologicheskoy sluzhbyi v RSFSR». Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=10959>
3. Sobranie zakoneni i rasporyazheniy Pravitelstva za 1921 g. [Elektronnyy resurs]. – M.: Uprav. Del. Sovnark. SSSR, 1944. – 1207 s. – URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=357850> (data obrascheniya: 10.03.2016).
4. Postanovlenie SNK ot 8 iyulya 1921 g. «Ob obespechenii Sovetskikh uchrezhdeniy meteorologicheskimi svedeniyami». – S. 434.
5. Vazhnym shagom v ob'edinenii usilij v dele sozdaniya edinoj gidrometeorologicheskoy sluzhbyi stalo postanovlenie SNK ot 13 oktyabrya 1921 g. resheniya o peredache Voенno-Meteorologicheskogo Otdela (Glavmet) iz vedeniya komissariata po voennym delam v vedenie narodnogo komissariata prosveshcheniya (S.U. 69-548).
6. Gosudarstvennyy arhiv respubliki Kryim (dalee – GARK), f. r-1584, op. 2, d. 16. Tsirkulyari i perepiska s morskim i NKPS. 20.06.1922–2.12.1922 g. 119 l.
7. Tam zhe, f. r-1584, op. 2, d. 68. Upravlenie morskogo transporta. Instruktsii. 1923. 80 l.
8. Otchet o deyatelnosti Evpatoriyskogo Morskogo Porta za 1922–1923 byudzhetniy god. – Evpa-toriya, Kryimpoligrafrest, 1924. – 47 s.
9. GARK, f. r-1584, op. 2, d. 141. Protokoly i vyipiski zasedaniy tsentralnogo komiteta po por-tovym delam. 20.09.1925–10.1926. 233 l.
10. Tam zhe, f. r-1584, op. 2, d. 165. Byulleteni pogodyi i sostoyanie pogodyi i morya po Gimostantsii. 2.01.1925–13.12.1925. 113 l.
11. Sobranie zakoneni i rasporyazheniy Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva Ukrainyi. 22 iyunya 1925 g. № 40-41.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК УДК 343.25

**ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ**

Бугаев В. А., Сеитягьяев Р. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются исторические предпосылки закрепления и отмены смертной казни в национальном уголовном законодательстве и отдельные политико-социальные аспекты этой проблемы. Начиная с эпохи Просвещения в среде ученого сообщества, представителей различных сословий, политических и общественных объединений и организаций ведутся споры о целесообразности наличия в уголовном законодательстве и гуманности такой меры наказания как смертная казнь. Все это разнообразие мнений получило достаточное количество теоретических и практических обоснований, и выбор окончательного решения представляется нелегким. С середины прошлого столетия многие государства идут по пути либерализации и гуманизации своей правовой системы, включая отмену смертной казни в уголовном законодательстве. В последнюю четверть века по данному пути пошла и Российская Федерация. В первую очередь это связано с переходом на рыночную экономику и демократический курс развития, провозглашение современной России социальным государством. В связи с этим возникает вопрос о правомерности и допустимости применения смертной казни, а также о ее необходимости и целесообразности в национальном законодательстве.

Ключевые слова: смертная казнь, исключительная мера, наказание, целесообразность, уголовный кодекс, гуманизм.

Проблема смертной казни, ее закрепления в уголовном законодательстве и применение в правоприменительной практике многоаспектна и неоднозначна. Основной закон страны – Конституция РФ – в ст. 2 устанавливает, что человек является высшей ценностью. Следовательно, защита его жизни должна находиться под особой охраной со стороны государства. В связи с этим возникает вопрос: это относится ко всем гражданам, в том числе и преступникам, либо только к правопослушной категории. Ответ на этот вопрос также дан в Конституции РФ (ст. 20): смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей [1].

Смертная казнь – это древнейший вид наказания, который когда-либо был известен человечеству. Следует отметить, что первый национальный письменный источник права – Русская Правда – не предусматривал смертной казни, и самым строгим видом наказания по этому закону был поток и разграбление. Такой подход законодателя был обусловлен историческими традициями древней Руси, когда на уровне родоплеменных отношений высшим видом воздействия на соплеменника было изгнание из племени. Поэтому на ранних этапах русской государственности власть не брала на себя прямое бремя лишения жизни провинившихся подданных, хотя допускала кровную месть.

Первые правовые упоминания о смертной казни содержатся в законодательных актах четырнадцатого – пятнадцатого столетий, т. е. периода татаро-монгольского владычества, эпохи кровавых войн и утраты независимости русских княжеств. Двинская уставная грамота (1398 г.) впервые предусматривала смертную казнь в русском праве за кражу, совершенную в третий раз из посада. Псковская судная грамота (1467 г.) позволяла назначить это наказание уже за пять деяний. К концу 15-го столетия в Судебнике Ивана III (1497 г.) перечень преступлений, за которые устанавливалось это наказание, еще более был расширен, причем в него было включено и убийство.

В дальнейшем тенденция была направлена на расширение круга преступных деяний, караемых смертью, дифференцировались и способы осуществления казни. Смертную казнь подразделяли на простую (отсечение головы, повешение и утопление) и квалифицированную (сожжение, заливание горла расплавленным металлом, четвертование, колесование, закапывание в землю по плечи, посадение на кол, подвешивание на крюк за ребро и т. п.). Приведение в исполнение смертной казни обычно осуществлялось публично при большом стечении народа. Подобное ужесточение способов реализации казни и увеличение преступлений, караемых этим наказанием, продолжалось вплоть до эпохи правления Петра Великого и его племянницы Анны Иоанновны (бироновщины).

С середины XVIII столетия в законодательстве постепенно начинает преобладать другая тенденция. Дочь Петра Первого – Елизавета, взойдя на престол, наложила на смертную казнь мораторий. Начиная с эпохи Екатерины Великой исчезают квалифицированные виды смертной казни, приведение ее в исполнение на публике ограничивается, все реже назначают это наказание суды, сокращается и число преступлений, за которые она применяется.

Неоднозначным был подход советской власти к данной мере наказания. 26 октября 1917 г. II съезд Советов отменил смертную казнь. Однако с началом гражданской войны усилились контрреволюционные выступления и белый террор, в ответ на это в 1918 г. смертная казнь была введена. Законодательно, как высшая мера социальной защиты, смертная казнь в виде расстрела была закреплена в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. Она считалась временной, исключительной и чрезвычайной мерой. 17 января 1920 г. ее на очень непродолжительный период времени отменяли, но снова ввели.

После Великой Отечественной войны, в условиях демографической ямы, 26 мая 1947 г. смертная казнь была отменена на период мирного времени, но 12 января 1951 г. опять была введена. С этого времени данный вид наказания существует в национальном уголовном законодательстве. Уголовные кодексы 1922, 1926, 1961 гг.

рассматривали смертную казнь как исключительную меру уголовного наказания и не включали ее в общую систему наказаний [3, с. 601].

Смертная казнь предусмотрена и в действующем уголовном законе. Согласно ст. 59 УК РФ, смертная казнь как исключительная мера наказания может применяться только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, и в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет [2]. Однако в связи с принятыми на себя обязательствами со стороны России при вступлении в Совет Европы на нее был наложен мораторий.

2 февраля 1999 г. Конституционным судом РФ было вынесено Постановление № 3-П, в котором была признана не соответствующей Конституции возможность вынесения смертных приговоров без наличия судов присяжных во всех регионах страны. Однако этот запрет носил срочный и лишь технический характер. По мнению Верховного суда РФ, данное постановление КС «указывает на временный характер института смертной казни, предполагая полную его отмену, неясно, может ли назначаться наказание в виде смертной казни после более чем десятилетнего перерыва с учетом того, что РФ подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции и до настоящего времени не выразила ясно своего намерения отказаться от участия в этом договоре».

19 ноября 2009 г. Конституционный суд РФ вновь вернулся к этому вопросу и в определении № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П» признал невозможность назначения смертной казни. Суд мотивировал данный вывод тем, что положения п.5 резолютивной части Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П «в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, то есть на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, означают, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей» [4, п. 1]. Конституционный Суд РФ также указал, что в России происходит необратимый процесс отмены смертной казни, поэтому она в настоящее время не может назначаться [5, с. 195].

Следует отметить, в современном российском обществе имеются как сторонники, так и противники отмены смертной казни. Приверженцы первой позиции уверены, что отсутствует целесообразность существования смертной казни. Эта мера наказания является антигуманной. И те цели, которые преследует государство, применяя смертную казнь, не достигаются.

В наибольшей степени весомым является аргумент, судебной ошибки. Общеизвестен факт вынесения ряда смертных приговоров по уголовным делам об убийствах и изнасилованиях в СССР в 70–80 гг. прошлого века, когда спустя несколько лет после приведения приговоров в исполнение были установлены истинные виновники этих серийных убийств – Михасевич и Чикатило.

Еще один важный аргумент в пользу этой позиции – смертная казнь не может обуздать и не предупреждает преступность в принципе. Базовым принципом предупреждения преступности является не строгость наказания, а его неотвратимость. Кроме того, лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрена смертная казнь, может совершить еще ряд тяжких преступлений с целью сокрытия предыдущего или будучи уверенным, что ему больше нечего терять.

Кроме того, применение смертной казни подрывает основополагающие моральные и нравственные основы общества и прямо противоречит законодательно закрепленному (ст. 7 УК) принципу гуманизма. Фактически государство оправдывает лишение человека жизни приоритетом интересов общества над интересами личности. В данной плоскости интересы личности уходят на второй план [7, с. 719].

Нельзя обойти стороной и аргументацию сторонников смертной казни. Прежде всего – это защита интересов общества. Они считают, что, ликвидировав угрозу в лице преступника, физически общество может себя чувствовать более защищенным, так как данное лицо неспособно вновь совершать преступления. Они утверждают, что смертная казнь эффективнее, чем пожизненное заключение.

При этом основной уклон делается на невозможность применения к таким осужденным амнистии. Следовательно, шанс того, что лицо, в отношении которого была применена смертная казнь, совершит новое преступление, сводится к нулю, а факт пожизненного заключения, по их мнению, не исключает побег осужденного. Еще одним аргументом является невозможность рецидива.

К тому же выделяется такой фактор как экономичность наказания: содержание под стражей осужденного к пожизненному лишению свободы финансируется из государственного бюджета.

Немаловажным аргументом в применении смертной казни сторонники этой позиции видят более эффективную борьбу с терроризмом. Достаточно распространенной тактикой террористов является захват заложников с требованием освобождения членов их групп из мест лишения свободы. Неоднократно эти террористические акты заканчивались штурмом, результатом которых была и гибель отдельных заложников. Поэтому сторонники смертной казни считают, что, лишив жизни террориста, можно исключить подобные факты [6, с. 89].

Таким образом, по мнению сторонников смертной казни, она является сдерживающим фактором для многих потенциальных преступников. Смертная казнь фактически предупреждает преступления и защищает общество.

Однако в современном российском обществе доминирующей является позиция противников смертной казни, которая поддерживается президентом и большинством депутатов обеих палат Федерального собрания.

Список литературы

1. Конституция РФ. Герб. Гимн. Флаг. – М.: Эксмо, 2014. – 64 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, КноРус, 2014. – 224 с.
3. Уголовное право Российской Федерации // Общая часть // Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 601.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р.
5. Уголовное право России // Части Общая и Особенная // А. И. Рарог. М.: ООО «проспект», 2015. – С. 195.
6. Смертная казнь: за и против // Сост.: Т.С. Парфенова, О.Ф. Шишов. Под ред.: С.Г. Келина. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 89.
7. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы // В. Е. Квашиш. М.: Юрайт, 2008. – С. 719.

Bugayev V., Seituaqyaev R. Genesis of legal fixing of the death penalty in the Russian legislation: main milestones // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2016. – Т.2(68) № 1.– P. 78–82.

Over the past quarter century among enough wide circle of scholars, among civil society, among the representatives of various public organizations have to be question the necessity of existence of such punishment as the death penalty. After all, the Constitution of the Russian Federation of 1993, article 2 establishes: "the People are the Supreme value". To this question different to meet the representatives of various strata and professions. All this diversity of opinion has received sufficient theoretical and practical studies, and the choice of true justification seems difficult.

This trend is also associated with the fact that now many States go on mitigation legislation, and canceling the death penalty. This raises the question of the legitimacy and the acceptability of the death penalty and also about its necessity and feasibility. On this way went and the Russian Federation.

In the Russian Federation is the policy of humanization of criminal legislation in the first place this is due to the transition of the Russian Federation to a market economy and democratic course of development.

Keywords: death penalty, capital punishment, punishment, the expediency, the criminal code, humanization.

Spisok literaturyi

1. Konstitutsiya RF. Gerb. Gimn.Flag. – М. :Eksmo, 2014. – 64 s.
2. UgolovnyiykodeksRossiyskoyFederatsii. – Moskva :Prospekt, KnoRus, 2014. – 224 s.
3. UgolovnoopravoRossiyskoyFederatsii // Obschayachast // Pod. red. Komissarova B.C., Kryilovoy N.E., Tyazhkovoy I.M., M.: 2012., S. 601
4. OpredelenieKonstitutsionnogoSudaRossiyskoyFederatsiiot 19 noyabrya 2009 goda N 1344-O-R
5. UgolovnoopravoRossii // ChastiObschayaiOsobennaya // A. I. Rarog., ООО «проспект», М.-2015., S. 195
6. Smertnayakazn: zaiprotiv // Sost.:Parfenova T.S., Shishov O.F.; Pod red.: Kelina S.G. - М.: Yurid. lit., 1989., S. 89.
7. Smertnayakazn: mirovyietendentsii, problemyiiperspektivy // Kvashis V.E., М.: Yurayt, 2008., S. 719.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМАТИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЗЯТКИ И ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ

Волошин И. А., Шестаков Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Взятничество – это одно из самых старых и тяжелых преступлений, которое появилось одновременно с разделением общества на руководителей и подчиненных. Как только человек понял, что он может пользоваться своим положением, привилегиями и статусом в собственных целях и может зарабатывать на этом немалые средства, он стал брать взятки. Даже в Библии можно встретить упоминание о взятке (притчи 17:23): *«Нечестивый берет подарок из пазухи, чтобы извратить пути правосудия»*. Уже в то время были продажные судьи, врачи и чиновники, для которых Фемида – это не символ законности, порядка и объективности, а лишь прикрытие для собственного обогащения.

Понятие взятки, ее сущность и особенности – это дискуссионный вопрос, по поводу которого есть множество мнений и споров ученых-правоведов, социологов, психологов. В особенности, что именно можно отнести к взятке, в каком размере и виде, почему люди дают и берут взятки, как квалифицировать их деяния, в зависимости от конкретных обстоятельств. Эта тема актуальна в наши дни как никогда. По официальной статистике Верховного суда РФ, за 2013 г. в России было осуждено за получение взятки 1732 человека и в два раза больше взяткодателей – 3456 человек. У нас в стране данный вопрос и способы его решения обсуждается. В своем ежегодном обращении к Федеральному собранию 3 декабря 2015 г. президент РФ В. В. Путин затронул тему борьбы с коррупцией. Коррупция, взятничество – это одна из главных проблем нашей экономики. Ежегодно на коллегии Следственного комитета председатель следственного комитета Бастрыкин А. И. поднимает вопрос о борьбе с коррупцией. В своем обращении к коллегии он заявил, что в стране наблюдается положительная тенденция по уменьшению преступлений. За 2015 год было проверено 38 тыс. дел, по ним следователями СКР возбуждено 25 тыс. уголовных дел. Для дальнейшего положительного роста раскрытия данной группы преступлений необходимо более четко обобщить все знания, навыки и мнения по поводу процесса дачи, получения взятки, ее видов и особенностей.

Ключевые слова: взятка, взяткодатель, взяткополучатель, должностное лицо.

В разные периоды истории люди по-разному относились к взятке. В первобытном обществе плата вождю за оказание определенных услуг казалась нормой. Затем, с развитием общества и экономических отношений, появилось понятие «коррупция», борьба с которой была и есть сложным явлением.

На Руси первые упоминания о взятке начали появляться в правовых актах XIV в. Но взятка рассматривалась как «кормление», т. к. служащие постоянного жалования не получали и жили за счет помощи от заинтересованных лиц. Затем с усилением централизации власти появилось наказание за помощь подданным в укрытии от закона. Первым наказывать за взятничество стал Иван III, Иван Грозный ввел смертную казнь за чрезмерное взятничество, при Петре Великом был создан специальный институт «фискалов» – тайной полиции, следившей за чиновниками. После 1917 г. стали происходить глобальные изменения в жизни государства. К 1921 г. численность населения РСФСР уменьшилась на 10 млн человек, а численность чиновников на каждом уровне власти возросла. Для борьбы

с ними началась разработка УК РСФСР, который принят в 1922 г. Дача взятки расценивалась как контрреволюционное преступление, наказание за нее – расстрел. Дальнейшее развитие ответственности за взятку рассматривалось в ст. 173 УК РСФСР 1960 г. За получение взятки было установлено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества. Те же действия, совершенные по предварительному сговору группой лиц, или неоднократно, или сопряженные с вымогательством взятки, либо получение взятки в крупном размере наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

В действующем УК РФ 1996 г. также рассматривается вопрос взятки с изменениями, актуальными и важными в наше время.

Для правильной квалификации действий, предусмотренных в ст. ст. 290-291¹, важно знать, что является взяткой по законодательству РФ, кто может давать и брать взятки.

Согласно п. 1 ст. 290 УК РФ, взяткой считается материальная ценность в виде денег (в национальной и иностранной валюте), ценных бумаг (государственные облигации, акции, векселя, чеки, билеты) и иного имущества либо оказание услуг имущественного характера в виде действия или бездействия. Важно понять, что также может относиться к взятке, так, к иному имуществу можно отнести вещи, имеющие стоимостной характер, это могут быть всевозможные товары народного потребления, движимые и недвижимые вещи, драгоценности, которые участвуют в гражданском обороте согласно ГК РФ [5, с. 84–96].

Услугами имущественного характера нужно считать безвозмездное предоставление услуг, за которые положена оплата, например: ремонт машины, строительство дачи, предоставление льгот.

Важной особенностью в уголовном законодательстве РФ является то, что цена взятки или ее качество не имеет значения, т. е. нижний придел не установлен. Главное – это сам факт того, что должностное лицо получает определенное имущество или услугу и необоснованно обогащается.

Ответственность за получение взятки наступает независимо от того, когда лицо ее вручает. В связи с этим в теории уголовного права выделяют взятку-подкуп и взятку-вознаграждение.

Важна также форма передачи взятки: единым платежом или оказанием услуг или в несколько этапов. В таком случае необходимо установить, что все части взятки охватываются единым умыслом [4, с. 647–690].

В ст. 291 УК РФ объективная сторона представлена в передаче взятки должностному лицу, или иностранному должностному лицу, или должностному лицу публичной международной организации за выполнение определенных действий в интересах взяткодателя или иного лица. Также, согласно п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2000 г. № 6, взятка может быть передана родственникам или близким лицам данных должностного лица, если оно выразило такое согласие или не возражало против этого.

Взяткополучателем, по ст. 291 УК РФ, может быть должностное лицо, или иностранное должностное лицо, либо должностное лицо публичной международной организации. Вопрос о том, кого же стоит считать должностным лицом, носит довольно сложный характер. Согласно постановлению Пленума ВС РФ от

10.02.2000 г. № 6, должностным лицом следует считать лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ. Кроме этого, выполнение перечисленных функций по специальному полномочию означает, что лицо исполняет определенные функции, возложенные на него нормативным актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом. К представителям власти следует относить лиц, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчиненности: члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных органов государственной власти субъектов РФ, члены Правительства РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ, судьи федеральных судов и мировые судьи, наделенные соответствующими полномочиями работники прокуратуры, налоговых, таможенных органов, органов МВД и ФСБ РФ, состоящие на государственной службе аудиторы, государственные инспекторы и контролеры, военнослужащие при выполнении возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и иных функций, при выполнении которых военнослужащие наделяются распорядительными полномочиями, следователи СКР, руководители следственных органов СКР [3, с. 781–795].

Также суд должен установить, выполняло ли лицо в данный момент эти функции. В этом и заключается проблема квалификации данного деяния, т. к. установить взяткополучателя довольно трудно, и из практики судов видно, что многие лица не являются должностными или не уполномочены выполнять административные и хозяйственные функции. Для этого необходимо выработать единые стандарты и требования к должностному лицу, зафиксировать их в нормативно-правовом акте, это существенно сократит и упростит процедуру определения взяткополучателя и привлечения его к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993. /принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21 июля 2014 г.) / М.: Эксмо, 2014. – 65 с.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.96 №63-ФЗ / принят Государственной Думой 24 мая 1996, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996. / (в ред. От 30 декабря 2015) / 2016. <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1>
3. Комментарий к уголовному кодексу РФ. 10-е издание // Под ред. Рарорг А. И., М.: Проспект, 2014. – 960 с.
4. Уголовное право России. Практический курс. 3е издание. // Под общ.ред. А. И. Бастрыкина, под науч. ред. А. В. Наумова, М.: ВолтерсКлувер, 2007. – 808 с

5. Вестник Академии Следственного Комитета РФ №2 / 2015. – URL: <http://academy-skrf.ru/science/vestnik/2015/vestnik-2-4.pdf> (дата обращения: 12.05.2016).
6. Текст ежегодного послания президента РФ Федеральному собранию. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/2026874.html> <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1> (дата обращения: 21.05.2016).

Voloshin I. A., Shestakov E.V., Features of the perspective of definition of the bribe and the bribe-taker in criminal law of the Russian Federation // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2016. – Т.2(68) № 1.– P. 83–86.

Bribery – is one of the most ancient and terrible crimes, which appeared simultaneously with the division of society into the leaders and subordinates. The man began to take bribes as soon as he realized that he can use his position, privileges and status for his own purposes, and can make because of this lot of money. Actually in the Bible we can be found some mentions of a bribe: Parables 17:23 «Godless takes the gift out of the bosom to pervert the ways of justice." At that time the judges, doctors and officials were already corrupt, for which Themis is not a symbol of law, order and objectivity, as a cover for their own enrichment. The concept of "Bribe", its nature and characteristics is a debatable issue, about which there are many opinions and disputes among legal scholars, sociologists, psychologists. In particular, what can be attributed to a bribe, how much and why people give and take bribes, and how to qualify their acts, depending on the specific circumstances. This topic is relevant in our day as never before. According to the official statistics of the Supreme court of the Russian Federation, in 2013 in Russia was convicted of receiving a bribe 1732 people and twice the corrupter: 3456 people. In our country the issue and the ways of its solution are discussed. In his annual address to the Federal Assembly on 3 December 2015, Russian President Vladimir Putin raised the issue of the fight against corruption. Corruption, bribery is one of the main problems of our economy. Annually, the Board of the Investigative Committee, the Chairman of the investigative Committee Bastrykin A. I. raises the question of the fight against corruption. In his address to the Board, he stated that there has been a positive trend in the reduction of crime. For 2015 it was checked 38 thousand Affairs, investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation instituted on 25 thousand criminal cases. For further positive growth of the disclosure of this group of offences should be more clearly summarize the knowledge, skills, and opinions about the process of giving, receiving bribes, its look and features.

Keywords: Bribe, briber, bribetaker, official.

Spisok literatury

1. Konstituzia RF ot 12 dekabrya 1993 / prinyata vsenrodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (v red. Ot 21 iyulya 2014g.) / M.: Aksmo, 2014 – 65s.
2. Ugolovnyy Kodeks RF ot 13.06.1996 № 64-FZ <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:1>
3. Kommentari ykugolovnomu kodeksu RF. 10 izdaniye // Pod red. Rarorg A.I., M.: Prospekt, 2014. – 960 s.
4. Ugolovnoye parvo Rossii. Prakticheskiy kurs. 3 izdaniye // Podobsh. red. A.I. Bastrykina, podnauch. red. A.V. Naumova, M.: VoltersKluver, 2007. – 808 c.
5. Vestnik Akademii Sledstvennogo Komiteta RF №2 / 2015 <http://academy-skrf.ru/science/vestnik/2015/vestnik-2-4.pdf>
6. Tekstzhegodnogoposlaniyaprezidenta RF Federalnomu sobraniyu / 2015 <http://regnum.ru/news/polit/2026874.html>

УДК 343.9

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ»

Игнатов А. Н., Кашкарров А. А., Венедиктов А. А.

В статье на основании доктринальных положений теории уголовного права и материалов судебно-следственной практики проведен анализ содержания уголовно-правового понятия «использование служебного положения», сформулированы предложения относительно внесенных изменений в действующий Уголовный кодекс РФ. С целью единообразного применения закона об уголовной ответственности предлагается закрепить в примечании к ст. 63 УК РФ понятие «служебное лицо». Отстаивается позиция, что нынешняя редакция п. «м» ст. 63 УК РФ является малоэффективной нормой, она негативно влияет на практику ее применения судом.

Ключевые слова: преступление; служебное лицо; использование служебного положения; обстоятельства, отягчающие ответственность.

Проблемы определения содержания понятия «использование служебного положения» являются актуальными не только для теории уголовного права, но и для правоприменительной практики. Данной проблеме уделяли внимание такие ученые как Б. В. Волженкин [1], Л. Д. Гаухман [2], Л. В. Иногамова-Хегай [3], А. И. Савченко [4] Ю. Е. Пудовочкин [5] В. В. Романова [6], Б. С. Утевский [7], А. П. Чирков [8], а также другие исследователи.

Ситуация, которая сложилась в доктрине уголовного права и судебной практике об определении круга лиц, которые могут совершать преступления с использованием служебного положения, объективно требует своего решения. Вполне логично, что использование служебного положения без служащего невозможно. Вопрос в том, что, прежде всего, необходимо определить существующие категории (виды) служащих и то, каким образом они могут использовать при совершении преступления свои полномочия [8, с. 95]. Продолжая мысль, высказанную А. П. Чирковым, отметим, что определение круга лиц, которые могут выступать служебными лицами, играет важное практическое значение для квалификации преступлений и назначения наказаний за их совершение.

Использование служебного положения при совершении преступления свидетельствует о повышенной степени его общественной опасности [9, с. 52–56]. Указанный факт обуславливается тем, что такого рода преступления: наносят значительный вред охраняемым уголовным законом правам и интересам граждан, так как большинство преступлений совершаются сотрудниками органов публичной власти и лицами, обладающими организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, в области межличностных отношений в процессе официального общения с гражданами; препятствуют нормальному функционированию органов власти и управления; подрывают принципы правового государства, препятствуют построению гражданского общества: препятствуют реализации принципа равенства всех перед законом, наносят существенный вред авторитету государственной власти, подрывают имидж органов публичной власти; не только увеличивают общее количество преступлений, совершенных в стране, но и детерминируют совершение преступлений другими

гражданами (в том числе и потерпевшими от преступных посягательств); использование служебного положения в значительной мере облегчает совершение преступления и соответственно упрощает достижение преступного результата, минимизирует различного рода риски для виновного лица.

Однозначного определения, кого признавать служебным лицом, в действующем национальном законодательстве нет. Вопрос с уяснением этого понятия разрешается в различных постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации. Проведя анализ действующих постановлений пленумов Верховного Суда Российской Федерации относительно определения содержания понятия «использование лицом служебного положения», отметим, что под служебным лицом следует понимать должностных лиц, круг которых очерчен примечанием к ст. 285 УК РФ, а также примечанием к ст. 201 УК РФ, государственных и муниципальных служащих, которые не являются должностными лицами, согласно примечанию к ст. 285 УК РФ, а также лиц, которые наделены различного рода преимуществами либо правами, предоставленными исключительно на основании их профессиональной либо трудовой деятельности [10, 11, 12, 13, 14, 15].

С целью единообразного применения закона об уголовной ответственности предлагаем закрепить в примечании к ст. 63 УК РФ понятие «служебное лицо» и изложить примечание в следующей редакции: *«под служебным лицом следует понимать лицо, которое наделено различного рода преимуществами либо правами, предоставленными по должности либо на основании его профессиональной либо трудовой деятельности».*

Использование служебного положения может выступать в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, а также характеризовать квалифицирующий признак конкретного состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ. В случае если использование служебного положения предусмотрено в качестве квалифицированного признака состава конкретного преступления Особенной части, то использование такого признака в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, рассматривать нецелесообразно, так как рассматриваемое обстоятельство реализует одну и ту же законодательную задачу, а именно – указывает на повышенную общественную опасность факта совершения преступления и соответственно усиливает репрессивное, уголовно-правовое воздействие на лицо, совершившее преступление с использованием служебного положения.

Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2013 г. (утв. президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г.) определяет, что, согласно п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ, совершение преступления с использованием доверия может быть признано обстоятельством, отягчающим наказание, если доверие было оказано виновному в силу его служебного положения или договора [16]. Следует отметить, что обстоятельство, предусмотренное п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ, сформулировано некорректно, витиевато и запутано, так как, согласно законодательному определению, виновное лицо использует доверие, которое предоставляется служебным положением.

Доверие – объективно-субъективный критерий преступления, который характеризует восприятие (осознание) жертвой объективной действительности в момент совершения преступления как нормального, не криминального процесса, при котором жертва не осознает факта совершения преступления, а виновное лицо в свою очередь рассчитывает на неосведомленность жертвы относительно происходящего. «Доверие» и «использование служебного положения» корреспондируют друг с другом в преступлениях, связанных с хищением предметов как не изъятых, так и изъятых из гражданского оборота. Во всех остальных случаях

взаимосвязь таких понятий как «доверие» и «использование служебного положения» является фактически ничтожной, что делает п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ в рассматриваемом контексте малоэффективной нормой и негативно влияет на практику ее применения судом.

С учетом вышеизложенного с целью усовершенствования уголовного законодательства в части адекватной оценки и применения обстоятельств,отягчающих уголовную ответственность, предлагаем изложить п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ в следующей редакции *«м) совершение преступления лицом с использованием служебного положения»*.

Что же касается содержания понятия «использование служебного положения», то вопросы ответственности за преступления, совершаемые с использованием служебного положения, постоянно были в центре внимания юристов, а содержание рассматриваемого понятия и в настоящее время остается предметом острой дискуссии. По мнению сторонников широкого понимания этого определения, субъект, занимая соответствующую должность и выполняя определенные обязанности в пределах своей служебной компетенции, в силу этого имеет определенный авторитет и связи с другими должностными лицами (может влиять на них) и, соответственно, определенный круг фактических возможностей. Поэтому использование служебного положения необходимо рассматривать как использование тех прав и фактических возможностей, которыми субъект обладает именно в связи с занимаемой должностью [1, с. 38–39]. Б. С. Утевский отмечал, что в данном случае следует иметь в виду действия, которые лицо имело возможность осуществить в силу выполнения служебных обязанностей, а также действия, непосредственно не связанные с выполнением служебных обязанностей, но осуществляемые благодаря возможностям, обусловленным служебным положением, должностным авторитетом или влиянием [7, с. 327]. Как указывал Л. Д. Гаухман, использование полномочий охватывает деятельность как в рамках полномочий должностного лица, так и за их пределами, но в связи с его статусом. В обоих случаях – это использование авторитета власти, которое может распространяться в зависимости от уровня служебного положения на различные сферы [2, с. 2]. По мнению С. А. Алтухова, использование служебных полномочий следует интерпретировать как реализацию любых возможностей, связанных с наличием предоставленных прав и возложенных обязанностей. Использование возможностей, вытекающих из служебного положения, можно рассматривать как разновидность служебных злоупотреблений, состоящую в превышении служебных полномочий и влиянии с помощью служебного авторитета, служебных связей и имеющихся полномочий на процесс принятия решения другими должностными лицами и гражданами. Использование же служебного положения охватывает два рода действий: во-первых, совершение лицом действий, связанных с предоставленными ему полномочиями (компетенцией), с функциями, которые выполняются, то есть совершение их в сфере служебной деятельности; во-вторых, совершение лицом действий вне служебных обязанностей, но благодаря служебному положению (например, злоупотребление служебным положением и т. д.) [17, с. 26–30]. Некоторые ученые подчеркивают, что подобные (с использованием служебного положения) действия возможны «только при соответствующем служебном положении лица, во время несения службы» [22, с. 20].

По нашему мнению, содержание понятия *«использование служебного положения»* должно охватывать одно или несколько перечисленных фактора/факторов (ниже будут приведены факторы и примеры следственной практики):

1) *использование служебным лицом любых фактических возможностей, которые вытекают из полномочий, присущих ему в связи с занимаемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью* (Следственным отделом по Центральному району города Симферополя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым завершено расследование уголовного дела в отношении председателя профсоюзного комитета ГП «Симферопольский государственный цирк им. Б. Н. Тезикова». Она обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ. По данным следствия, 16 июня 2014 г. обвиняемая, используя свое служебное положение, изготовила фиктивный протокол заседания профкома об оказании материальной помощи членам профсоюза и оформила заявку в бухгалтерию вышестоящей профсоюзной организации на получение денежных средств в сумме 17 тыс. руб. для оказания материальной помощи членам профсоюза. После чего, согласно ранее поданной заявке, получила денежные средства, которыми распорядилась по своему усмотрению [19]);

2) *использование служебным лицом атрибутов служебного лица (служебное удостоверение, форменная одежда и т. п.)* (Следственным отделом по городу Феодосии Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым возбуждено уголовное дело в отношении сотрудника Феодосийского отделения регионального управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Республике Крым. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

По данным следствия, вечером 2 сентября 2015 г. подозреваемый, используя свое служебное положение, похитил у сожительницы обвиняемого по уголовному делу денежные средства в размере 60 тыс. руб., введя женщину в заблуждение, что в случае передачи ему данных денежных средств он решит вопрос об изменении обвиняемому меры пресечения вместо заключения под стражу на подписку о невыезде, а в последующем – о назначении ему судом условного наказания [20]);

3) *использование служебным лицом соответствующих знаний, умений и навыков, а также информации, которыми служебное лицо владеет, в связи с выполнением им служебной деятельности (занимаемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью)* (Кировским межрайонным следственным отделом Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым возбуждено уголовное дело в отношении трех жительниц Кировского района. В зависимости от роли каждой они подозреваются в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

По данным следствия, в апреле 2015 г. местная жительница, имея умысел на хищение бюджетных средств, вступила в преступный сговор с начальником одного из отделов администрации Кировского района и начальником отделения почтовой связи села Приветного УФС России по Республике Крым – филиал ФГУП «Почта Крыма».

Зная о том, что на счетах Феодосийского главпочтамта почты Крыма имеется неостребованная сумма денежных средств, которая аккумулируется из невыданных денежных пособий гражданам, кому законодательством Российской Федерации предусмотрены пособия, начисляемые из федерального и республиканского бюджетов, одна из подозреваемых составила фиктивную ведомость на выплату социальной помощи несуществующим гражданам, якобы проживающим на территории Приветненского сельского совета, указав в ней размер пособий на сумму более 127 тыс. руб. При этом личные дела на данных граждан не формировались, не вносились данные в автоматизированные базы. После этого в

рамках преступного сговора фиктивная ведомость была направлена в почтовое отделение связи.

Совершив хищение денежных средств, подозреваемые распределили их между собой, тем самым нарушив права и законные интересы граждан, организаций и охраняемых законом интересов общества и государства, причинив имущественный ущерб государству на сумму более 127 тыс. руб. [21]).

Предлагая нормативное закрепление указанного положения, мы осознаем тот факт, что неосмотрительное усиление уголовно-правовой репрессии не может иметь конструктивных последствий. Однако рассмотренная в данном случае мера, на наш взгляд, является необходимой и целиком обоснованной. Нормативное закрепление должным образом, в соответствии с его сущностным содержанием, отягчающего вину обстоятельства, с нашей точки зрения, позволит не только обеспечить реализацию принципов индивидуализации уголовной ответственности и дифференциации наказания, но и, в силу его огромного превентивного потенциала, поможет в значительной мере минимизировать проявления преступлений, совершаемых с использованием служебного положения. А это, в свою очередь, является необходимым условием эффективности деятельности по противодействию преступности вообще.

Список литературы

1. Волженкин В. Б. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
2. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. – 2000. – № 6. – С. 2–6.
3. Иногамова-Хегай Л., Черобедов С. Квалификация преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 27–29.
4. Савченко А. И. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: учеб. пособие / И. А. Савченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. – 88 с.
5. Пудовочкин Ю. Е. Получение взятки как корыстное преступление. Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 97–99.
6. Романова В. В. Специальный субъект общеуголовных преступлений, совершаемых с использованием служебного положения / КриминалистЪ. – 2011. – № 8. – С. 30–33.
7. Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. – М.: Юр. издат-во Министерства юстиции СССР, 1948. – 439 с.
8. Чирков А. П. Служащий как субъект преступлений, совершаемых с использованием служебного положения // Вестник БФУ им. И. Канта. – 2010. – № 9. – С. 91–95.
9. Игнатов А. Н. Преступность работников правоохранительных органов и уголовная ответственность / А. Н. Игнатов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27–28 января 2011 г. / Отв. ред.: Рарог А.И. – М.: Проспект, 2011. – С. 52–56.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14. URL: <http://nnvc.pf/2006/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N14-ot-15.06.2006.html> (дата обращения: 02.03.2016)
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 7 июля 2015 г. № 32. URL: <http://nnvc.pf/2015/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N32-ot-07.07.2015.html> (дата обращения: 02.03.2016)
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51. URL:

- <http://пмс.рф/2007/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N51-ot-27.12.2007.html> (дата обращения: 02.03.2016)
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» от 26 апреля 2007 г. № 14. URL: <http://пмс.рф/2007/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N14-ot-26.04.2007.html> (дата обращения: 02.03.2016)
 14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 года №5 . URL: <http://пмс.рф/2002/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N05-ot-12.03.2002.html> (дата обращения: 02.03.2016)
 15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17 января 1997 г. № 1. URL: <http://пмс.рф/1997/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-17.01.1997.html> (дата обращения: 02.03.2016)
 16. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70669700:0> (дата обращения: 02.03.2016)
 17. Алтухов С. А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды, особенности профилактики). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 26-30.
 18. Диника В. И. Уголовная ответственность работников органов внутренних дел за превышение власти или служебных полномочий: Учебное пособие. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994. – С. 20.
 19. Перед судом предстанет председатель одного из профсоюзных комитетов города Симферополь по обвинению в мошенничестве. URL: <http://crim.sledcom.ru/news/item/928233> (дата обращения: 02.03.2016)
 20. Сотрудник УФСКН подозревается в мошенничестве. URL: <http://crim.sledcom.ru/news/item/963936> (дата обращения: 02.03.2016)
 21. Трое жительниц Кировского района подозреваются в мошенничестве. URL: <http://crim.sledcom.ru/news/item/947336> (дата обращения: 02.03.2016).

Ignatov A. N, Kashkarov A. A., Venediktov A. A. On the legal definition of criminal law evaluation of the concept of «use of official position» // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т.2(68) № 1.– P. 87–94.

In the article on the basis of the doctrinal tenets of the theory of criminal law and of the judicial and investigative practice of the analysis of the content of the criminal law concept of "abuse of official position" as a proposal to amend the current Criminal Code of the Russian Federation. For the purpose of uniform application of the law on criminal responsibility is offered to fix in a note to Art. 63 of the Criminal Code the term "official face". Defended the position that the current wording of item. "M" Art. 63 of the Criminal Code is ineffective norm, it is a negative impact on the practice of its application by courts.

Keywords: crime; a service person; the use of official position; circumstances aggravating responsibility.

Spisok literatury:

1. Volzhenkin V.B. Sluzhebnyie prestupleniya. M.: Yurist, 2000. – 368 s.
2. Gauhman L. Korruptsiya i korruptsionnoe prestuplenie // Zakonnost. – 2000. – № 6. – С. 2–6.
3. Inogamova-Hegay L., Cherebedov S. Kvalifikatsiya prestupleniy, sovershennyih s ispolzovaniem sluzhebnogo polozheniya // Ugolovnoe pravo. 2008. № 4. S. 27–29.
4. Savchenko A. I. Prestupleniya protiv interesov sluzhbyi v kommercheskih i inyih organizatsiyah: ucheb. posobie / I.A. Savchenko. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2013. – 88 s.
5. Pudovochkin Yu. E. Poluchenie vzyatki kak koryistnoe prestuplenie. Ugolovnoe pravo. – 2013. – № 5. – S. 97–99.
6. Romanova V. V. Spetsialnyiy sub'ekt obscheugolovnyih prestupleniy, sovershaemyih s ispolzovaniem sluzhebnogo polozheniya / KriminalistЪ. – 2011. – № 8. – S. 30–33.

7. Utevskiy B. S. Obschee uchenie o dolzhnostnykh prestupleniyah. – M.: Yur. izdat-vo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948. – 439 s.
8. Chirkov A. P. Sluzhaschiy kak sub'ekt prestupleniy, sovershaemyih s ispolzovaniem sluzhebnoho polozeniya // Vestnik BFU im. I. Kanta. – 2010. – №9. S. 91–95.
9. Ignatov A. N. Prestupnost rabotnikov pravoohranitelnykh organov i ugolovnaya otvetstvennost / A. N. Ignatov // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Vosmoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27-28 yanvarya 2011 g. / Otv. red.: Rarog A.I. – M.: Prospekt, 2011. – S. 52–56.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyah, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnyimi, silnodeystvuyuschimi i yadovityimi veschestvami» ot 15 iyunya 2006 g. № 14. URL: <http://ppvs.rf/2006/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N14-ot-15.06.2006.html> (data obrascheniya: 02.03.2016).
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o legalizatsii (otmyivanii) denezhnykh sredstv ili inogo imuschestva, priobretennykh prestupnyim putem, i o priobretenii ili sbyite imuschestva, zavedomo dobyitogo prestupnyim putem» ot 7 iyulya 2015 g. # 32. URL: <http://ppvs.rf/2015/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N32-ot-07.07.2015.html> (data obrascheniya: 02.03.2016).
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate» ot 27 dekabrya 2007 g. № 51. URL: <http://ppvs.rf/2007/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N51-ot-27.12.2007.html> (data obrascheniya: 02.03.2016).
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O praktike rassmotreniya sudami ugolovnykh del o narushenii avtorskih, smezhnykh, izobretatelskih i patentnykh prav, a takzhe o nezakonnomy ispolzovanii tovarnogo znaka» ot 26 aprelya 2007 g. № 14. URL: <http://ppvs.rf/2007/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N14-ot-26.04.2007.html> (data obrascheniya: 02.03.2016).
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o hischenii, vyimogatelstve i nezakonnomy oborote oruzhiya, boepripasov, vzryivchatykh veschestv i vzryivnykh ustroystv» ot 12 marta 2002 goda №5 . URL: <http://ppvs.rf/2002/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N05-ot-12.03.2002.html> (data obrascheniya: 02.03.2016).
15. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za banditizm» ot 17 yanvarya 1997 g. № 1. URL: <http://ppvs.rf/1997/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-17.01.1997.html> (data obrascheniya: 02.03.2016).
16. Obzor sudebnoy praktiki Verhovnogo Suda RF za chetyYortyy kvartal 2013 g. (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 4 iyunya 2014 g.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70669700:0> (data obrascheniya: 02.03.2016).
17. Altuhov S. A. Prestupleniya sotrudnikov militsii (ponyatie, vidyi, osobennosti profilaktiki). – SPb.: Izdatelstvo «Yuridicheskyy tsentr Press», 2001. – S. 26–30.
18. Dineka V.I. Ugolovnaya otvetstvennost rabotnikov organov vnutrennykh del za prevyishenie vlasti ili sluzhebnykh polnomochiy: Uchebnoe posobie. – M.: YuI MVD RF, 1994. – S. 20.
19. Pered sudom predstanet predsedatel odnogo iz profsoyuznykh komitetov goroda Simferopol po obvineniyu v moshennichestve. URL: <http://crim.sledcom.ru/news/item/928233> (data obrascheniya: 02.03.2016).
20. Sotrudnik UFSKN podozrevaetsya v moshennichestve. URL: <http://crim.sledcom.ru/news/item/963936> (data obrascheniya: 02.03.2016).
21. Troe zhitelnits Kirovskogo rayona podozrevayutsya v moshennichestve. URL: <http://crim.sledcom.ru/news/item/947336> (data obrascheniya: 02.03.2016).

УДК 342.951:351.82

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Евсикова Е. В., Максимова Е. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрывается сущность и содержание категории «административно-правовой статус несовершеннолетнего в Российской Федерации», авторы обосновывают применение термина «несовершеннолетний» для раскрытия правового статуса данной категории лиц. Кроме того, авторы проводят анализ правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и выделяют административные правонарушения, наиболее часто совершаемые несовершеннолетними, среди которых наибольшую общественную опасность представляют «зацепинг», употребление «спайсов» и «спайсовых курительных смесей». На основе проведенного анализа авторы предлагают конкретные пути усовершенствования административного законодательства в сфере административной ответственности несовершеннолетних для решения указанных проблем и предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний; административно-правовой статус несовершеннолетних; административная ответственность несовершеннолетних; административные правонарушения несовершеннолетних; «зацепинг»; «спайсы».

Необходимой предпосылкой построения правового государства является эффективное воспитание подрастающего поколения, его активное включение в созидательную жизнедеятельность общества. В условиях государственно-правового реформирования на первый план выдвигаются проблемы усовершенствования законодательства в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних, повышения его эффективности и результативности в борьбе с этим деструктивным антисоциальным и антиправовым явлением.

Одним из приоритетных направлений социальной политики современного правового государства является создание рациональной системы соблюдения и реализации прав детей. Человек с момента рождения становится обладателем определенной совокупности прав, которые необходимо защищать с детства. Правовое положение несовершеннолетних нашло отражение в ряде научных работ, где авторы обращают внимание на необходимость урегулирования их правового статуса, порядка осуществления ими права на защиту, а также вопроса их ответственности, в том числе и административной [1].

Исследование проблем усовершенствования административного законодательства в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних целесообразно начать с раскрытия понятия и сущности такой

правовой категории как «административно-правовой статус несовершеннолетних в Российской Федерации».

Следует отметить, что в Российской Федерации к лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста применяются такие понятия как: «ребенок», «дети», «подростки», «молодежь», «малолетние», «несовершеннолетние», которые очень часто употребляются как синонимы. В то же время указанные понятия хотя и близки по смыслу, но не тождественны.

Так, основополагающие международные нормативно-правовые акты используют понятие «ребенок». Например, Конвенция о правах ребенка предусматривает, что ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [2].

Действующее семейное законодательство Российской Федерации применяет сразу три понятия по отношению к указанной категории субъектов: «несовершеннолетние», «дети», «ребенок». В соответствии со ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации, ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) [3].

Кроме того, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» также предусматривает, что ребенок – лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия), выделяя при этом такое понятие, как «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации», под которым понимаются дети, оставшиеся без попечения родителей; дети-инвалиды; дети с ограниченными возможностями здоровья, то есть имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии; дети – жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, оказавшиеся в экстремальных условиях; дети – жертвы насилия; дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; дети, находящиеся в образовательных организациях для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода (специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа); дети, проживающие в малоимущих семьях; дети с отклонениями в поведении; дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи [4].

Следует согласиться с мнением Садиной О. И., что человеческое существо приобретает статус ребенка после живорождения, поскольку именно с момента рождения, и рождения живым, возникает правоспособность и утрачивается неразрывная связь с организмом матери [5, с. 12].

В то же время, понятие «подросток» действующим законодательством на сегодняшний день не закреплено, хотя правоприменительная практика причисляет к подросткам лиц в возрасте от 14 до 18 лет.

Кроме того, действующее законодательство Российской Федерации активно применяет критерий совершеннолетия для обозначения дееспособности лица. Так, способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их

(гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Гражданское законодательство Российской Федерации выделяет такие категории несовершеннолетних, как:

- несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, которые совершают сделки с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя [6, ст. 26];

- для обозначения несовершеннолетних в возрасте от шести до четырнадцати лет гражданское законодательство применяет термин «малолетние» [6, ст. 28].

Вместе с тем Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [7] определяет, что «несовершеннолетний» – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет.

Таким образом, для раскрытия административно-правового статуса лица, не достигшего совершеннолетия, целесообразно использовать термин «несовершеннолетний» как наиболее оптимальный, который охватывает такие понятия как «ребенок», «дети», «малолетний», «подросток» и т. д.

Определение понятия «правовой статус несовершеннолетнего» следует формулировать с учетом концептуальных подходов, сложившихся в теории права и отраслях юридической науки при определении правового статуса и правового положения личности вообще.

Так, правовой статус несовершеннолетнего – это исторически обусловленная система прав, свобод и обязанностей человека с рождения до достижения восемнадцатилетнего возраста, установленных с учетом его правосубъектности, принципов права, правовых ограничений и особенностей его юридической связи с родителями или иными законными представителями [5, с. 9].

Вместе с тем правовой статус несовершеннолетнего это концептуально и конкретно-исторически обусловленная система его прав, свобод и обязанностей, устанавливаемых с учетом возрастных ограничений и типа юридической связи с государством и родителями или лицами, их заменяющими, структурированных и формализованных по основным параметрам сферы детства, реализуемых в особом властно-волевом режиме, охраняемых и гарантируемых государством. Элементами правового статуса ребенка, исходя из общей концепции правового положения личности, являются: 1) гражданство детей; 2) принципы правового положения детей; 3) права, свободы и обязанности детей; 4) правоспособность и дееспособность детей; 5) гарантии прав ребенка, средства и способы их защиты [8, с. 15].

По мнению авторов, административно-правовой статус несовершеннолетнего можно определить как совокупность общих прав, свобод и обязанностей лица, не достигшего совершеннолетия, закрепленных Конституцией РФ, принадлежащих каждому такому лицу до момента достижения им совершеннолетия, а также совокупность прав, свобод и обязанностей лица, не достигшего совершеннолетия, как субъекта конкретных (реальных) административных правоотношений, а также административная правосубъектность, которую составляют административная правоспособность, дееспособность и деликтоспособность несовершеннолетнего,

т. е. способность нести ответственность за свои действия и, прежде всего, за совершенные правонарушения.

Напомним, что под административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического лица или юридического лица, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность [9, ст. 2.1].

Административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет. Ответственность за административное правонарушение, совершенное несовершеннолетними в возрасте до 16 лет, несут родители или иные законные представители (опекуны, попечители).

Если рассматривать понятие административной ответственности несовершеннолетних, то она определяется как форма реагирования самого государства на административные правонарушения, которая выражается в применении к этим субъектам административного принуждения в виде конкретных административных наказаний, предусмотренных санкциями нарушенных норм, и одновременно как их специфическая обязанность нести неблагоприятные последствия, связанные с применением указанных мер.

Анализ статистических данных свидетельствует о значительном количестве правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними [10]. В то же время уже с 2014 года было замечено снижение роста детской преступности на 15,3 %, что является значительным результатом для общества и государства в целом. Замечено также снижение роста правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в возрасте с 14 до 18 лет (-11,1 %). Преступления же, совершенные детьми в возрасте до 14 лет, участились на 22,9 %, из них в возрасте с 11 до 14 лет – на 28,2 % [11].

Среди элементов системы борьбы с правонарушениями их предупреждение занимает свое особое место. При этом оно считается исторически сложившимся явлением, то есть в тех или иных формах присуще любому государству на всех этапах его развития. Предупреждение административных правонарушений выступает одной из основных задач административно-деликтного законодательства Российской Федерации.

Исходя из того, что под предупреждением правонарушений в целом понимается основанная на нормативных правовых актах деятельность государственных органов, направленная на выявление причин и условий правонарушений, и создание условий, в которых подданные с учетом их социального положения путем правомерного поведения могут удовлетворять свои материальные и духовно-нравственные потребности [12, с. 516–517], авторы считают, что основу законодательства в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних составляет действующий КоАП РФ, который предусматривает составы правонарушений, санкции, порядок производства по делам об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними и т. д.

Проводя анализ правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, следует отметить, что к административным правонарушениям, наиболее часто совершаемым несовершеннолетними, относятся:

1) незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 6.8 КоАП РФ), влекут наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, т. е. в отношении несовершеннолетнего в соответствии с санкцией данной статьи может быть применен административный штраф в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей. Однако лицо, добровольно сдавшее приобретенные без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, освобождается от административной ответственности за данное административное правонарушение;

2) потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 20.20, ст. 20.22 КоАП РФ, либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества (ст. 6.9 КоАП РФ), влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, т. е. в отношении несовершеннолетнего в соответствии с санкцией данной статьи может быть применен административный штраф в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей. В то же время лицо, добровольно обратившееся в медицинскую организацию для лечения в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, освобождается от административной ответственности за данное правонарушение.

3) занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ) влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей;

4) умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба (ст. 7.17 КоАП РФ), влечет наложение административного штрафа в размере от трехсот до пятисот рублей;

5) мелкое хищение чужого имущества (стоимость похищенного имущества не превышает одну тысячу рублей) путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты (ст. 7.27 КоАП РФ) влечет наложение административного штрафа в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, т. е. в отношении несовершеннолетнего в соответствии с санкцией данной статьи может

быть применен административный штраф в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее одной тысячи рублей;

б) действия, угрожающие безопасности движения на железнодорожном транспорте и метрополитене (как правило, к ним относится повреждение железнодорожного пути, сооружений и устройств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, сбрасывание на железнодорожные пути или оставление на них предметов, которые могут вызвать нарушение движения поездов (ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ), влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей либо административный арест на срок до пятнадцати суток; повреждение защитных лесонасаждений, снегозащитных ограждений или других путевых объектов (ч. 3 ст. 11.1 КоАП РФ) влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трехсот до пятисот рублей; проход по железнодорожным путям в неустановленных местах (ч. 4 ст. 11.1 КоАП РФ) –предупреждение или наложение административного штрафа в размере ста рублей; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта на железнодорожных путях общего пользования, железнодорожных путях необщего пользования или на железнодорожных переездах (ч. 6 ст. 11.1 КоАП РФ) – наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей, т. е. в отношении несовершеннолетнего в соответствии с санкцией данной статьи может быть применен административный штраф в размере от трехсот рублей до пяти тысяч рублей;

7) нарушение правил поведения граждан на железнодорожном, воздушном или водном транспорте (как правило, к ним относится посадка или высадка граждан на ходу поезда либо проезд на подножках, крышах вагонов или в других не приспособленных для проезда пассажиров местах, а равно самовольная без надобности остановка поезда либо самовольный проезд в грузовом поезде (ч. 1 ст. 11.17 КоАП РФ) влечет наложение административного штрафа в размере ста рублей.

Следует отметить, что данная норма устанавливает административную ответственность за такое распространенное среди несовершеннолетних правонарушение, как «зацепинг» – способ передвижения, заключающийся в проезде на поездах и иных рельсовых транспортных средствах с их внешней стороны. Включает в себя проезд на крышах, открытых переходных и тормозных площадках, в открытых кузовах (у вагонов открытого типа) либо с боковых или торцевых сторон вагонов или в подвагонном пространстве на элементах наружной арматуры подвижного состава.

В то же время, если несовершеннолетний не достиг возраста привлечения к административной ответственности (16 лет), то к ответственности могут быть привлечены родители или его законные представители по ст. 5.35 КоАП РФ – неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, санкция которой предусматривает штраф в размере от 100 до 500 рублей.

С учетом того, что данное явление набирает все больше популярности в подростковой среде (если в 2012 году сотрудниками транспортной полиции задержано 345 несовершеннолетних «зацеперов», то в 2013 г. – уже 424 [13]. А за 2015 г. на Московской железной дороге произошло 17 несчастных случаев с зацеперами в возрасте от 10 до 18 лет, 9 из которых погибли от удара током [14]), по

мнению автора, следует ужесточить административную ответственность за данное правонарушение, так как существующие сегодня санкции в виде штрафа в размере 100 руб. не останавливают несовершеннолетних от совершения данного общественно опасного деяния, поскольку своими действиями они причиняют вред не только своим жизни и здоровью, а также создают существенную угрозу безопасности других пассажиров и нормальному функционированию и проезду транспорта, поскольку из-за падения тел на рельсы, тем более, на проблемных участках, в том числе мостах, создается опасность катастрофы для поездов;

8) безбилетный проезд пассажиров в городском наземном электрическом транспорте общего пользования либо в автомобильном транспорте общего пользования городского или пригородного сообщения по закону Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» [15] влечет наложение административного штрафа на граждан в размере ста рублей (проезд в наземном пассажирском транспорте общего пользования в Санкт-Петербурге без проездного билета влечет наложение административного штрафа в размере пятисот рублей) [16]; безбилетный проезд и (или) провоз неоплаченного багажа в автомобильном транспорте общего пользования в городском и пригородном сообщении, а также в городском наземном электрическом транспорте общего пользования в городе федерального значения Севастополе, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере двухсот рублей) [17].

9) управление транспортным средством водителем без соответствующих прав (как правило, это управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ), влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей;

10) управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (к данному виду правонарушений несовершеннолетних чаще всего относится, предусмотренное ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, которое заключается в управлении транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, что влечет административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток или наложение административного штрафа на лиц, в отношении которых в соответствии с КоАП РФ не может применяться административный арест, в размере тридцати тысяч рублей, т.е. в отношении несовершеннолетних по санкции данной статьи может применяться только административный штраф в размере тридцати тысяч руб.);

11) невыполнение водителем транспортного средства, не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния (ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ), влечет административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток или наложение административного штрафа на лиц, в отношении которых в соответствии с КоАП РФ не может применяться административный

арест, в размере тридцати тысяч рублей, т. е. в отношении несовершеннолетних по санкции данной статьи может применяться только административный штраф в размере тридцати тысяч руб.;

12) нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего (предусмотренное ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч пятисот до пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет; однако предусмотренное ч. 1 ст. 12.24 КоАП РФ нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до двадцати пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет);

13) заведомо ложный вызов специализированных служб (как правило, это заведомо ложный вызов пожарной охраны, полиции, скорой медицинской помощи или иных специализированных служб (ст. 19.13 КоАП РФ) – влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей;

14) мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ), влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, т. е. в отношении несовершеннолетних по санкции данной статьи может применяться только административный штраф в размере от пятисот до одной тысячи рублей;

15) пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (как правило, это пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, за которые ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ предусмотрено наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией предмета административного правонарушения, т. е. в отношении несовершеннолетних по санкции данной статьи может быть применен административный штраф в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения);

16) потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (как правило, к таким правонарушениям относятся:

- предусмотренное ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом, что влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей;

- предусмотренное ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, новые потенциально опасные психоактивные вещества или одурманивающие вещества на улице, стадионе, в сквере, парке, в транспортном средстве общего пользования, а также в другом общественном месте, что влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, т. е. в отношении несовершеннолетнего в соответствии с санкцией данной статьи может быть применен только административный штраф в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей.

Следует отметить, что Федеральным законом Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18] внесены изменения в Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», в соответствии с которыми установлено законодательное определение «новые потенциально опасные психоактивные вещества» – вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен; «оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» – производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, а также сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ (их продажа, дарение, обмен либо отчуждение этих веществ другим лицам любыми способами)».

Таким образом, в Российской Федерации запрещается потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, так называемых «спайсов», употребление которых пользуется большой популярностью среди несовершеннолетних в силу того, что достаточно долгое время данные «новые потенциально опасные психоактивные вещества» были легкодоступны в супермаркетах, лотках, интернет-сайтах начиная с 2007 г.

При исследовании данных миксов было обнаружено в них незначительное количество трав, которые обладают определенной степенью психогенной

активности, и гораздо большее количество синтетических наркотиков – каннабиоидов. Воздействие таких веществ на организм человека в десятки раз сильнее, чем при употреблении конопли. Такой состав обуславливает быстрое привыкание и может вызвать отравление и передозировку. Поэтому с начала 2010 года в России был принят законопроект о запрете «спайсов», а также был составлен дополнительный список, включающий в себя 23 новых вещества, которыми пропитывались спайсовые миксы. Особую опасность представляют «спайсы» еще и потому, что их основными потребителями являются лица от 14 до 20 лет, что приводит к ухудшению здоровья общества и грозит вымиранию и вырождению нации [19].

Однако сложность в привлечении к ответственности за распространение и употребление «спайсов» и спайсовых миксов заключалась в том, что химический состав данных веществ постоянно менялся: химики постоянно синтезировали новую формулу, в силу чего постоянно возникали вещества, за которые невозможно было привлечь к ответственности. В то же время количество лиц, пострадавших от «спайсов», и в первую очередь несовершеннолетних, постоянно растет, что потребовало активных действий со стороны законодателя для решения данной проблемы.

Таким образом, в связи с принятием Федерального закона Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 15.02.2015 несовершеннолетний может быть привлечен к административной ответственности за употребление «новых потенциально опасных психоактивных веществ» в виде административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей.

17) появление в общественных местах в состоянии опьянения (предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, т. е. в соответствии с санкцией данной статьи к несовершеннолетним может применяться административный штраф в размере от пятисот до одной тысячи пятисот рублей);

18) нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (предусмотренное ст. 20.22 КоАП РФ нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции, либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ – влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей).

Анализ правонарушений, наиболее часто совершаемых несовершеннолетними, показывает, что меры административной ответственности, применяемой к

несовершеннолетним, достаточно лояльны и, как правило, ограничиваются административным штрафом в размере от ста рублей до пяти тысяч рублей, который в случае отсутствия у несовершеннолетнего заработка будут уплачивать его родители или законные представители.

В то же время по таким общественно опасным правонарушениям, как посадка или высадка граждан на ходу поезда либо проезд на подножках, крышах вагонов или в других не приспособленных для проезда пассажиров местах, а равно самовольная без надобности остановка поезда либо самовольный проезд в грузовом поезде (ч. 1 ст. 11.17 КоАП РФ), употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах требует существенного ужесточения санкций в отношении несовершеннолетних вплоть до возможности наложения наказания в виде административного ареста на срок до пятнадцати суток.

Административные правонарушения несовершеннолетних причиняют вред обществу. Более ощутимым для общества является вред не материальный, а вред социальный, нравственный, идеологический. Дурной пример пагубно влияет на молодое поколение, на формирование будущих строителей коммунистического общества. Совершая административное правонарушение, есть риск того, что в дальнейшем несовершеннолетний может совершить преступления.

С учетом характеристики административных правонарушений несовершеннолетних, их возрастных, правовых, этических и индивидуально-психологических установок, по нашему мнению, следует предложить следующие меры по усовершенствованию законодательства в сфере административной ответственности несовершеннолетних, а именно:

Во-первых, ужесточение административной ответственности несовершеннолетних по отдельным категориям административных правонарушений, представляющих особую общественную опасность, и прежде всего для жизни и здоровья самого несовершеннолетнего.

Например, по таким общественно опасным правонарушениям, как посадка или высадка граждан на ходу поезда либо проезд на подножках, крышах вагонов или в других не приспособленных для проезда пассажиров местах, а равно самовольная без надобности остановка поезда либо самовольный проезд в грузовом поезде (ч. 1 ст. 11.17 КоАП РФ), предлагается ввести административный штраф в размере тридцати тысяч рублей, а в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка – привлечение несовершеннолетнего к обязательным работам, но не более 2-х часов в день, по уборке общественных мест, благоустройству территории, что неоднократно высказывалось различными представителями административно-правовой науки [20], или административного ареста до 15 суток в качестве крайней меры наказания.

Сумма административного штрафа в размере тридцати тысяч рублей взята по аналогии в другим не менее общественно опасным правонарушением, предусматривающим подобную санкцию (предусмотренное ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, что влечет административный арест на срок

от десяти до пятнадцати суток или наложение административного штрафа на лиц, в отношении которых в соответствии с КоАП РФ не может применяться административный арест, в размере тридцати тысяч рублей).

За потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом (ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ), предлагается установить административную ответственность в виде административного штрафа в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей, а в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка – привлечение несовершеннолетнего к обязательным работам, но не более 2-х часов в день, по уборке общественных мест, благоустройству территории.

За потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах либо невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, новые потенциально опасные психоактивные вещества или одурманивающие вещества на улице, стадионе, в сквере, парке, в транспортном средстве общего пользования, а также в другом общественном месте (ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ), предлагается установить административную ответственность в виде административного штрафа в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей, а в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка – привлечение несовершеннолетнего к обязательным работам, но не более 2-х часов в день, по уборке общественных мест, благоустройству территории или административного ареста до 15 суток в качестве крайней меры наказания.

За появление в общественных местах в состоянии опьянения несовершеннолетнего, достигшего 16-тилетнего возраста (предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность), предлагается предусмотреть наложение административного штрафа в размере от четырех до пяти тысяч рублей, а в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка – привлечение несовершеннолетнего к обязательным работам, но не более 2-х часов в день, по уборке общественных мест, благоустройству территории.

За нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ несовершеннолетними, не достигшими 16-тилетнего возраста (предусмотренное ст. 20.22 КоАП РФ нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет, либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции, либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или

одурманивающих веществ), предлагается предусмотреть наложение административного штрафа для родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от четырех до пяти тысяч рублей, а для несовершеннолетнего в случае отсутствия у несовершеннолетнего самостоятельного заработка – привлечение несовершеннолетнего к обязательным работам, но не более 2-х часов в день, по уборке общественных мест, благоустройству территории или административного ареста до 15 суток в качестве крайней меры наказания.

По мнению авторов, привлечение несовершеннолетнего к такому виду наказания как обязательные работы на срок не более 2-х часов в день будет способствовать его дальнейшей социализации как личности, приобщению к общественно полезному труду, отвлечению и предупреждению возможности противоправного времяпровождения, что в конечном итоге будет способствовать достижению такой цели наказания как перевоспитание правонарушителя, а также предупреждение совершения правонарушений данным лицом и другими членами общества.

Таким образом, ужесточение ряда санкций по отдельным административным правонарушениям, получившим сегодня массовый характер, по мнению автора, будет способствовать предупреждению правонарушений, прежде всего таких, как «зацепинг» и употребление так называемых «спайсов», что представляет серьезную угрозу для здоровья нации и развитию государства в целом.

Кроме того, важным является тот факт, что при назначении административного наказания, назначаемого несовершеннолетнему, должны учитываться возрастные, психические и прочие индивидуальные особенности личности несовершеннолетнего, поскольку необходимо формирование у несовершеннолетнего стойкого неприятия антиобщественного и противоправного поведения.

Во-вторых, для урегулирования пробелов действующего административно-деликтного законодательства Российской Федерации в целях усовершенствования порядка привлечения к административной ответственности несовершеннолетних предлагается более детально регламентировать порядок административного задержания такой категории субъектов правонарушений, как несовершеннолетние, поскольку по общему правилу, административное задержание может применяться на срок не более трех часов, а в исключительных случаях, если лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим Государственной границы Российской Федерации и порядок пребывания на территории Российской Федерации, об административном правонарушении, совершенном во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации, или о нарушении таможенных правил, в случае необходимости для установления личности или для выяснения обстоятельств административного правонарушения может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

В то же время срок административного задержания лица исчисляется с момента доставления, а лица, находящегося в состоянии опьянения, – со времени его вытрезвления. Однако на практике очень часто возникает вопрос об установлении момента вытрезвления несовершеннолетнего, совершившего административное правонарушение, и где содержать данное лицо до момента его вытрезвления, если оно длится более указанных в КоАП РФ 3-х часов, особенно после применения сильнодействующих средств, у которых замедлен процесс выведения из организма,

поскольку федеральное законодательство регламентирует порядок содержания только тех лиц, в отношении которых уже начала применена данная мера процессуального обеспечения, т. е. начал исчисляться срок.

Таким образом, предлагается предусмотреть в ст. 27.5 КоАП РФ, что несовершеннолетний, находящийся в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, подлежащий административному задержанию, передается в медицинское учреждения до вытрезвления, о чем в течение часа уведомляются его родители или законные представители. После вытрезвления несовершеннолетний, совершивший административное правонарушение, доставляется в дежурную часть для административного задержания и оформления процессуальных документов, предусмотренных законом.

Подводя итог, следует отметить, что действующее законодательство в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних нуждается в существенной доработке и усовершенствованию с учетом единого концептуального грамотного подхода, обоснованного как с научной, так и с практической точки зрения.

Список литературы

1. Занина Т. М., Нехорошева С. С. Совершенствование административно-правового статуса несовершеннолетних : проблемы и перспективы // Занина Татьяна Митрофановна, Нехорошева София Сергеевна. Вестник Воронежского института МВД России. № 4 / 2013. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-administrativno-pravovogo-statusa-nesovershennoletnih-problemy-i-perspektivy>.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=9959>.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_Law_8982/.
4. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями от 28 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/179146/1/#block_100.
5. Садина О. В. Правовой статус несовершеннолетнего в Российском законодательстве: теоретико-правовой анализ : автореф. ... дисс. канд. юрид. наук 12.00.01 / Садина Ольга Владимировна. – Мытищи, 2009. – 20 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/10164072/1/#block_10000.
7. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 23.11.2015). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://base.garant.ru/5425216/#help>.
8. Бутько О. В. Правовой статус ребенка (Теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бутько Ольга Викторовна. – Краснодар, 2004. – 28 с.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ с изменениями и дополнениями от 15 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
10. Федеральная служба государственной статистики. Оперативная информация: правонарушения в 2015 году. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/.
11. Генеральная Прокуратура Российской Федерации правовой статистики. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://crimestat.ru/offenses_map.
12. Бахрах Д.Н. Административное право : учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.В. Стариков. – 3-е изд. пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 786с.
13. В МВД предлагают ужесточить наказания против «зацеперов» // Российская газета. – Федеральный выпуск № 6401 (129). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.rg.ru/2014/06/10/trainserfing.html>

14. Для «зацеперов» хотят ввести уголовную ответственность. [дата размещения ресурса 23.09.2015]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://severnoe-tushino.mos.ru/rubric/detail/2175309.html>.
15. Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» от 25.06.2015 г. № 117-ЗРК/2015. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_256272.pdf.
16. Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 12 мая 2010 года) (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://base.garant.ru/35307614/>.
17. Закон города Севастополя от 17.04.2015 № 130-ЗС (ред. от 20.10.2015) «Об административных правонарушениях» (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 14.04.2015). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW509;n=11683;from=6728-0;rnd=189271.321612186213602;ts=01892719284944835622787>.
18. Федеральный закон Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.rg.ru/2015/02/06/veshstva-dok.html/>.
19. Законопроект о запрете спайсов. [дата размещения ресурса 21 марта 2015]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://zavisimosty.ru/nikotin/spajs/zakonoproekt-o-zaprete.html>.
20. Мазурин С. Ф. Административные правонарушения несовершеннолетних на транспорте: дисс... канд. юрид. наук 12.00.02 / Мазурин Станислав Федорович. – Санкт-Петербург, 1997. – 252 с.

Evsikova E.V., Maksimova E. I. Issues of the day of improvement of legislation of russian federation in the field of warning of administrative offences of minor // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – P. 94–109.

Annotation. In the article essence and maintenance of such category, as "administrative - legal status, open up minor in Russian Federation", authors ground application of term "minor" for opening of legal status of this category of persons. In addition, authors conduct the analysis of the offences envisaged by Code of Russian Federation about administrative crimes and distinguish administrative crimes to most often accomplished by minor, among that a most public danger is presented by "trainsurfing" and use of "Spices" and "Spices smoking mixture". On the basis of the conducted analysis authors offer the concrete ways of improvement of administrative legislation in the field of administrative responsibility of the minor for a decision indicated problems and warning of administrative crimes.

Keywords: wayward minor; administrative-legal status of minor; administrative responsibility of minor; administrative offence against the law of minor; "trainsurfing"; "Spices".

Spisok literaturi:

1. Zanina T.M., Nehorosheva S.S. Sovershenstvovanie administrativno-pravovogo statusa nesovershennoletnih : problemy i perspektivy // Zanina Tatyana Mitrofanovna, Nehorosheva Sofiya Sergeevna. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. № 4 / 2013. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-administrativno-pravovogo-statusa-nesovershennoletnih-problemy-i-perspektivy>.
2. Konventsiya o pravah rebenka (odobrena Generalnoy Assambleey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=9959>.
3. Semeyniy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 30.12.2015). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_Law_8982/.
4. Federalniy zakon ot 24 iyulya 1998 g. № 124-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii» s izmeneniyami i dopolnениyami ot 28 noyabrya 2015 g. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/179146/1/#block_100.
5. Sadina O.V. Pravovoy status nesovershennoletnego v Rossiyskom zakonodatelstve: teoretiko-pravovoy analiz : avtoref. ...diss. kand. yurid. nauk 12.00.01 / Sadina Olga Vladimirovna. – Myitisch, 2009. - 20 s.

6. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii chast pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ, chast vtoraya ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ, chast tretaya ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ i chast chetvertaya ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ S izmeneniyami i dopolneniyami. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/10164072/1/#block_10000.
7. Federalnyiy zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ «Ob osnovah sistemyi profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnih» (red. ot 23.11.2015) . [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.garant.ru/5425216/#help>.
8. Butko O.V. Pravovoy status rebenka (Teoretiko-pravovoy analiz) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01 / Butko Olga Viktorovna. – Krasnodar, 2004. – 28 s.
9. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyah ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ S izmeneniyami i dopolneniyami ot 15 fevralya 2016 g. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
10. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Operativnaya informatsiya: pravonarusheniya v 2015 godu. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/.
11. Generalnaya Prokuratura Rossiyskoy Federatsii pravovoy statistiki. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://crimestat.ru/offenses_map.
12. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo : uchebnik / D.N. Bahrah, B.V. Rossinskiy, Yu.V. Starilov. – 3-e izd. peresmotr. i dop. – M. : Norma, 2008. – 786s.
13. V MVD predlagayut uzhestochit nakazaniya protiv «zatseperov». «Rossiyskaya gazeta» - Federalnyiy vyipusk № 6401 (129). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.rg.ru/2014/06/10/trainserfing.html>
14. Dlya «zatseperov» hotyat vvesti ugolovnyuyu otvetstvennost. [data razmescheniya resursa 23.09.2015]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://severnoe-tushino.mos.ru/rubric/detail/2175309.html>.
15. Zakon Respubliki Kryim «Ob administrativnykh pravonarusheniyyah v Respublike Kryim» ot 25.06.2015 g. № 117-ZRK/2015. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_256272.pdf.
16. Zakon Sankt-Peterburga ot 31 maya 2010 g. № 273-70 "Ob administrativnykh pravonarusheniyyah v Sankt-Peterburge" (Prinyat Zakonodatelnyim Sobraniem Sankt-Peterburga 12 maya 2010 goda) (s izmeneniyami i dopolneniyami). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.garant.ru/35307614/>.
17. Zakon goroda Sevastopolya ot 17.04.2015 № 130-ZS (red. ot 20.10.2015) «Ob administrativnykh pravonarusheniyyah» (prinyat Zakonodatelnyim Sobraniem g. Sevastopolya 14.04.2015). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW509;n=11683;from=6728-0;rnd=189271.321612186213602;ts=01892719284944835622787>.
18. Federalnyim zakonom Rossiyskoy Federatsii ot 3 fevralya 2015 g. № 7-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdelnyie zakonodatelnyie aktyi Rossiyskoy Federatsii». [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.rg.ru/2015/02/06/veshestva-dok.html/>.
19. Zakonoproekt o zaprete spaysov. [data razmescheniya resursa 21 marta 2015]. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://zavisimosty.ru/nikotin/spajs/zakonoproekt-o-zaprete.html>.
20. Mazurin S.F. Administrativnyie pravonarusheniya nesovershennoletnih na transporte: diss... kand. yurid. nauk 12.00.02 / Mazurin Stanislav Fedorovich. – Sankt-Peterburg, 1997. – 252 s.

УДК 343.618:343.85

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мидловец М. В., Соляной А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуется субъект дорожно-транспортных преступлений, предусмотренных ст. 264, 264.1, 268 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно водитель, пассажир, пешеход. Автором исследуются теоретические научные наработки в области определения субъекта дорожно-транспортного преступления, определяются неточности законодательной дефиниции водителя, закрепленной в Правилах дорожного движения. В соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации и Правил дорожного движения определяется объективная сторона дорожно-транспортного преступления, которая может заключаться в действиях или бездействиях водителя, пассажира, пешехода, а также в действиях пассажира другого транспортного средства. Отдельно рассматриваются проблемы ответственности лиц, управляющих ученическим транспортным средством, а именно стажера и инструктора в зависимости от их формы вины. В статье исследуются проблемы квалификации таких деяний и сложность привлечения к уголовной ответственности определенных лиц. В работе высказывается необходимость совершенствования законодательства в вопросах определения субъекта дорожно-транспортного преступления, объективной стороны данного состава, которая должна выражаться не в нарушении правил безопасности дорожного движения и правил безопасного движения и эксплуатации транспорта, а в создании опасной ситуации вследствие нарушения Правил дорожного движения, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерти.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, субъект, водитель, стажер, инструктор, пассажир, пешеход, создание опасной дорожной ситуации.

На сегодня дорожно-транспортные преступления являются наиболее часто совершаемыми, что представляет особую актуальность их исследования, а степень их общественной опасности и установленная уголовная ответственность требуют четкого и детального законодательного закрепления данных составов. С каждым годом растет число дорожно-транспортных преступлений, увеличивается тяжесть общественно опасных последствий и повышается число пострадавших. Но помимо законодательного определения уголовной ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений, большое значение имеет вопрос практического применения данных норм и правильного установления субъекта дорожно-транспортного преступления, с тем, чтобы виновное лицо понесло наказание, а невиновный был восстановлен в своих правах.

Безопасное функционирование транспорта и безопасность дорожного движения зависят от неукоснительного соблюдения соответствующих правил всеми участниками движения. М.В. Баранчикова пишет: «В транспортном потоке их действия взаимосвязаны, и каждый рассчитывает на строго определенное поведение других лиц, в связи с чем координирует свои действия» []. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в Главе 27 («Преступления против

безопасности движения и эксплуатации транспорта») в ст. 264, 264.1, 268 предусматривает уголовную ответственность за совершение действий, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспорта, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерть. Таким образом, законодатель предусматривает возможность привлечения в качестве субъекта дорожно-транспортного преступления водителя транспортного средства, пассажира, пешехода и иных участников дорожного движения. Данное расширение субъектов уголовной ответственности является совершенно оправданным, позволяет поддерживать правопорядок на дорогах как со стороны лиц, непосредственно управляющих транспортным средством, так и иных участников дорожного движения. Исходя из диспозиций ст. 264, 264.1, 268 УК РФ, субъектом дорожно-транспортного преступления может быть физическое вменяемое лицо (ст. 19), достигшее 16-ти летнего возраста (ст. 20), нарушившее правила дорожного движения или правила безопасного движения и эксплуатации транспорта, что привело к причинению тяжкого или особо тяжкого вреда здоровью человека либо смерти.

Согласно п. 1.2 Правил дорожного движения, водителем транспортного средства является лицо, управляющее каким-либо транспортным средством, погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо, а также лицо, обучающее вождению. Считаем совершенно верным, что, определяя водителя, не указывается на наличие у такого лица водительского удостоверения, так как, к сожалению, нередки случаи управления транспортным средством лицом без такого разрешения. Данное положение уточняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», согласно которому водителем признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов Правил, лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением.

Согласно ситуации, когда дорожно-транспортное преступление совершено с участием учебного транспортного средства, которое одновременно находится под управлением двух водителей, законодательство не определяет способы и пути разрешения вопросов субъекта уголовно-правовой ответственности в данном случае. С. А. Зворыгина предлагает решать вопрос об уголовной ответственности инструктора и стажера по ст. 264 УК РФ в зависимости от наличия в поведении того и другого лица признаков объективной и субъективной стороны состава дорожно-транспортного преступления [9, с. 66]. Стажер может быть освобожден от уголовной ответственности, если по неосторожности и незнанию совершил нарушение, а инструктор не выполнил свои обязанности по подстраховке и координации действий его ученика, что ведет к его виновности. Если стажер умышленно нарушает Правила, а инструктор «закрывает на это глаза», то к

ответственности привлекаются оба. Если инструктор дает неверные указания стажеру, то ответственность следует возлагать на него.

Другим проблемным вопросом данной дефиниции является то, что в ст. 264, 264.1 УК РФ субъектом дорожно-транспортного преступления признается лицо, управляющее транспортным средством, поэтому указанная в Правилах дорожного движения категория водителя-погонщика скорее относится к пешеходу, нежели к водителю, так как отсутствует транспортное средство. Но если учесть, что пешеход обязан пользоваться пешеходной полосой или специальными пешеходными полосами, выходя на проезжую часть, а погонщик имеет право пользоваться дорожной полосой, то он становится непосредственным законным участником дорожного движения, соответственно, может привлекаться к уголовной ответственности в качестве водителя, что не соответствует диспозициям ст. 264, 264.1 УК РФ.

Под пассажиром следует понимать любое лицо, кроме водителя, находящееся в транспортном средстве (на нем), а также лицо, которое входит в транспортное средство (садится на него) или выходит из транспортного средства (сходит с него). Что касается данного участника дорожного движения, то следует учитывать тот факт, что не всякое лицо-пассажир может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение дорожно-транспортного преступления, так как им может быть ребенок, невменяемое лицо.

В п. 5.2 Правил дорожного движения пассажиру запрещается: отвлекать водителя от управления транспортным средством во время его движения; при поездке на грузовом автомобиле с бортовой платформой стоять, сидеть на бортах или на грузе выше бортов; открывать двери транспортного средства во время его движения. Данные требования неполные, так как относятся непосредственно к воздействию на внимание того водителя, которым управляется транспортное средство, где находится пассажир. Но возможны случаи осуществления действий, отвлекающих внимание других водителей: высовываться из окна движущегося транспорта, другими действиями влиять на оценку другими водителями дорожной обстановки (хулиганство, например, выбрасывать из окна предметы, которые могут нарушить работу другого движущегося транспорта: пакеты с мусором, бутылки, шары, наполненные жидкостями и др.). Такие действия могут нарушить работу транспортного средства, ограничить обзор водителю другого транспортного средства, что приведет к дорожно-транспортному происшествию. В действиях такого водителя не будет виновности, но привлечь такого пассажира к ответственности практически не представляется возможным с точки зрения законодательного построения нормы.

Пешеходы составляют особую категорию, так как по их вине совершается порядка 20 % дорожно-транспортных преступлений, при этом около 50 % пешеходов становятся жертвами дорожно-транспортного происшествия по своей вине. В соответствии с Правилами дорожного движения, пешеходом является лицо, находящееся вне транспортного средства на дороге, на пешеходной или велопешеходной дорожке и не производящее на них работу, а также лица, передвигающиеся в инвалидных колясках без двигателя, ведущие велосипед, мопед, мотоцикл, везущие санки, тележку, детскую или инвалидную коляску, а также использующие для передвижения роликовые коньки, самокаты и иные аналогичные

средства. Статьей 268 УК РФ предусматривается уголовная ответственность данного субъекта за нарушение П. 4 Правил дорожного движения. Представляется, что невыполнение указанных правил является действиями, определяющими объективную сторону преступления, если они повлекли причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерти. Наиболее часто совершаемыми действиями выделяют: переход через проезжую часть в неустановленном месте и вне пешеходного перехода; переход проезжей части в опасной близости перед движущимся транспортным средством; неподчинение сигналам регулирования дорожного движения; нетрезвое состояние пешехода; ходьба вдоль края проезжей части при наличии тротуара и др.; а также бездействие: «стоят на дороге и разговаривают, создавая опасную ситуацию, или, будучи нетрезвыми, упав, лежат на проезжей части дороги и т. п.» [5]. Исчерпывающий перечень таких действий (бездействий) сложно привести. Но практика привлечения пешеходов к уголовной ответственности свидетельствует о том, что данная норма практически не применяется.

С. А. Саядова указывает на причины неэффективности применения ответственность пешеходов за нарушение Правил дорожного движения, среди которых выделяет: постоянное внесение поправок в действующее законодательство, бланкетность диспозиции статьи и сочетание санкции с административной ответственностью, наличие смешанной или взаимной вины пешехода и водителя, действие механизма «объективного» сопричинения вреда названным участникам дорожного движения, частными случаями нарушения правил дорожного движения [9, с. 269]. Кроме того, не всегда нарушение Правил дорожного движения пешеходом можно связать с наступлением общественно опасных последствий и привлечь к уголовной ответственности.

В. В. Намнясев, исследуя вопросы привлечения к уголовной ответственности нескольких лиц, управляющих транспортным средством, при обоюдном нарушении Правил дорожного движения, указывает на необходимость достоверного установления не только самого факта нарушения правил дорожного движения каждым из участников дорожно-транспортного происшествия, но и кто конкретно из них допустил нарушение, находящееся в прямой причинно-следственной связи с уголовно-наказуемыми последствиями. Как он справедливо отмечает, дорожно-транспортные преступления являются результатом создания аварийной ситуации, которая возникает в процессе сложного взаимодействия нескольких участников дорожного движения между собой и с учетом обстоятельств, определяющих объективную обстановку движения [8, с. 111, 113]. Поэтому нам представляется интересным и заслуживающим внимание предложение З. Б. Соктоева об установлении уголовной ответственности не за нарушение Правил дорожного движения, а за «создание опасной ситуации вследствие нарушения» водителем, пассажиром, пешеходом, иным участником дорожного движения правил безопасности движения (правил дорожного движения для водителя) и эксплуатации транспорта, повлекшее причинение общественно опасных последствий [10, с. 66–67].

Все вышеперечисленное приводит к необходимости совершенствования действующей редакции норм о субъекте дорожно-транспортного преступления, объективной стороне преступления и применения данных норм на практике, что в

первую очередь касается определения причинной связи между действиями субъекта и наступившими общественно опасными последствиями.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., № 50, ст. 4873.
2. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. Ст. 837.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2009 г., № 2.
5. Баранчикова М. В. Проблемы квалификации нарушений Правил дорожного движения пешеходами // Мировой судья. – 2011. – № 8. <http://www.center-bereg.ru/m1356.html>.
6. Зворыгина С. А. Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки субъектов дорожно-транспортных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 3 (17). – С.66–76.
7. Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. – М.: РГБ, 2005. – 234 с.
8. Намнясев Виталий Владимирович Особенности уголовной ответственности лиц, управляющих транспортными средствами, при обоюдном нарушении правил дорожного движения // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 20. – С. 111–113.
9. Саядова А. С. Проблемы вины потерпевших от дорожно-транспортных преступлений // Пространство экономики. – 2014. – № 2–3. – С. 268–270.
10. Соктоев З. Б. О взаимообусловленности причинной связи и вины в дорожно-транспортных преступлениях. // Уголовное право. – 2013. – № 4. – С. 62–67.
11. Соляной А. В. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений: Дис. ... канд. юр. наук. – 12.00.08. – М., 2011. – 152 с.

Soljanoj A.V., Midlovetz M.V. The Problems of Determining the Subject of a Road Traffic Offenses // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2016. – Т.2(68) № 1.– P. 110–115.

The article study the subject of road traffic offenses under Art. 264, 264.1, 268 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely the driver, passenger, pedestrian. The author examines the theoretical research achievements in the field of determining the subject of road traffic offenses, defined legal definition malfunctioning driver fixed in the rules of the road. In accordance with the norms of the Russian Federation Criminal Code of the Russian Federation and the Rules of the road is determined by the objective side of a road traffic offense, which may lie in the actions or inactions of the driver, passenger, pedestrian, as well as in the actions of the other vehicle passengers. Separately considered issues of liability of persons managing apprenticeship vehicle, namely trainee and instructor, depending on their form of guilt. The article examines the problems of qualification of such acts and the complexity at-attraction to the criminal liability of certain persons. The article expressed the need of improve legislation on the definition of the subject of a road traffic offense, the objective side of the structure, which should be expressed not in violation of the rules of road safety and the rules of safe movement and operation of transport, but in the creation of a dangerous situation due to violation of traffic rules, which caused causing serious harm to human health or death.

Keywords: road traffic offense, the subject, the driver, trainee, trainer, passengers, pedestrians, creating a dangerous driving situation.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 № 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija». // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 dekabnja 1995 g., № 50, st. 4873.
2. Federal'nogo zakona ot 9 fevralja 2007 g. N 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2007. – № 7. – St. 837.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. N 63-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 ijunja 1996 g. N 25 st. 2954.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 9 dekabnja 2008 g. N 25 "O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, svjazannyh s naruseniem pravil dorozhnogo dvizhenija i jekspluatacii transportnyh sredstv, a takzhe s ih nepravomernym zavladeniem bez celi hishhenija" (s izmenenijami i dopolnenijami) // Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii, fevral 2009 g., № 2.
5. Baranchikova M.V. Problemy kvalifikacii narusenij Pravil dorozhnogo dvizhenija peshehodami // Mirovoj sud'ja. – 2011. – № 8. <http://www.center-bereg.ru/m1356.html>
6. Zvorygina S. A. Aktual'nye voprosy ugolovno-pravovoj ocenki sub#ektov dorozhno-transportnyh prestuplenij // Juridicheskaja nauka i pravo-ohranitel'naja praktika. – 2011. – №3 (17). – S. 66–76.
7. Ljubimov L. V. Dorozhno-transportnye prestuplenija: problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya sostavov i differenciacii otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizhenija: Dis. ... kand. jurid. nauk 12.00.08. – M.: RGB, 2005. – 234 s.
8. Namnjasev Vitalij Vladimirovich Osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti lic, upravljajushhijh transportny-mi sredstvami, pri obojudnom narusenii pravil dorozhnogo dvizhenija // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. – 2014. – №20. – S.111–113.
9. Sajadova A. S. Problemy viny poterpevsih ot dorozhno-transportnyh prestuplenij // Prostranstvo jekonomiki. – 2014. №2–3. – S. 268–270.
10. Soktoev Z.B. O vzaimoobuslovlennosti prichinnoj svjazi i viny v dorozhno-transportnyh prestuplenijah. // Ugolovnoe pravo. – 2013. – № 4. – S. 62–67.
11. Soljanoj A.V. Preduprezhdenie dorozhno-transportnyh prestuplenij: Dis. ... kand. jur. nauk. – 12.00.08–M., 2011. – 152 s.

УДК 343.234

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Пархоменко Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

На сегодня процесс законодательной модернизации смягчения наказания далек от завершения, и регламентация смягчения наказания в отечественном уголовном законодательстве как важная часть гуманизации отрасли уголовного права нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Кроме того, существуют и теоретические проблемы. Так, отсутствует определение смягчения наказания как комплексного уголовно-правового института, уменьшающего карательный потенциал наказания, в полной мере отражающее его юридическую природу; нет определения формализованных критериев смягчения наказания, закрепленных в нормах Общей и Особенной частей УК РФ; не установлено место соответствующих законодательных новелл в системе смягчения наказания и т. д.

Без теоретического осмысления обозначенных вопросов невозможна практическая реализация рассматриваемых уголовно-правовых предписаний в точном соответствии с духом и буквой закона. Также следует отметить, что комплексного исследования смягчения наказания с учетом средств его реализации, отраженных в недавно вступивших в силу федеральных законах об изменениях и дополнениях в УК РФ, не проводилось.

Актуальность исследования уголовно-правовых аспектов смягчения наказания в уголовном праве заключается в необходимости исследования данного вопроса как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: наказание, смягчение наказания, формализованные критерии смягчения наказания, индивидуализация наказания.

На сегодня правовое значение смягчающих обстоятельств в уголовном праве заключается в том, что они уменьшают уровень социальной угрозы совершенного правонарушения, а также виновного лица и влияют не только на выбор судом конкретной меры наказания, но и учитываются при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности вовсе. Вид смягчающих обстоятельств, а также наличие нескольких обстоятельств может дать основание суду рассматривать их как исключительные и назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено действующим законодательством Российской Федерации [1].

В соответствии с Конституцией России, «все равны перед законом и судом». Подобная норма закреплена и в Уголовном Кодексе Российской Федерации, а именно в статье 4 указано: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств...» [2]. Кроме того, Уголовным кодексом закрепляется принцип гуманизма, который занимает центральное место в реализации конституционных предписаний в уголовно-правовых нормах, а институт смягчений наказания выступает высшей степенью проявления гуманизма.

Реализация данной тенденции в уголовном праве Российской Федерации происходит благодаря тому, что в действующее законодательство неоднократно вносились соответствующие изменения и дополнения. Так, правовые нормы, регулирующие смягчение наказания, содержатся в ряде федеральных законов: от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3]; от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [4]; от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] и др. Таким образом, совокупность норм о смягчении наказания в настоящее время динамично развивается, а анализ внесенных в УК РФ соответствующих изменений и дополнений, несомненно, необходим с точки зрения как теории, так и практики.

Назначая наказание, суд подводит итог всему судебному разбирательству, определяет, какой вид и размер наказания будет достаточен для достижения его целей. Решение это выносится на основании общих начал назначения наказания с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Руководствуясь общими началами назначения наказания, предусмотренными УК РФ, суд обязан избрать наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК, квалифицирующей данное преступление. Также закон предусматривает возможность исключения из общего правила, дающего при определенных условиях право назначить более мягкое наказание, чем указано в санкции уголовно-правовой нормы. Это исключение установлено для таких случаев, когда наказание в его пределах, установленных законом, окажется слишком строгим, явно несправедливым по решению суда в целом либо по вердикту присяжных заседателей. Смягчение наказания – институт уголовного права, который выступает подразделом общего института назначения наказания в качестве систематизированной совокупности общих и специальных правил, закрепленных в гл. 10 и иных главах УК РФ, определяющих критерии, основания и пределы смягчения наказания лицам, признанным виновными в совершении преступлений [6, с. 217–219].

Согласно ст 61 УК РФ, смягчающими обстоятельствами признаются: а) совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; б) несовершеннолетие виновного; в) беременность; г) наличие малолетних детей у виновного; д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания; е) совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; ж) совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения; з) противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления; и) явка с повинной, активное содействие раскрытию и

расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления; к) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Необходимо учитывать, что не все без исключения смягчающие наказание обстоятельства оказывают непосредственно влияние на степень общественной опасности лица, совершившего преступление, а только те, которые характеризуют объективные условия ситуации, в которой совершается преступление.

Например, несовершеннолетие виновного, беременность, наличие малолетних детей, явка с повинной не уменьшают степень вины, а лишь смягчают наказание. Непосредственно же на уменьшение степени общественной опасности влияет совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств, физической или психической зависимости и т. д.

По этой причине с целью дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности представляется возможным разграничить все обстоятельства на обстоятельства совершения преступления, осознание которых является необходимым и достаточным условием для влияния на характер мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, и обстоятельства, непосредственно не связанные с совершенным преступлением, но признаваемые законом основанием для снисхождения или увеличения ответственности виновного.

Условия, напрямую сопряженные с правонарушением и осознаваемые личностью в период его совершения, оказывают значительное влияние именно на уровень социальной угрозы, относящиеся к деянию, поэтому должны именоваться как обстоятельства, уменьшающие ответственность. Другие же обстоятельства смягчают наказание и относятся к личности преступника.

Следует обратить внимание на то, что российское уголовное право, в отличие от зарубежного, никогда не придавало большого значения делению умысла, ему не было известно обязательное повышение наказания при наличии предумышленной деятельности, и никогда указанные виды умысла не имели значения для квалификации содеянного. Однако эти виды умысла по общему признанию должны учитываться при индивидуализации наказания.

Обязательным признаком привилегированных составов преступлений является состояние сильного душевного волнения (аффекта) в момент совершения преступления. Исследование судебной практики и научной литературы по вопросам психики и психиатрии человека позволил нам склониться к убеждению, что при совершении убийства в состоянии аффекта в основе поведения лица лежит потребность «постоянного действия», т. е. врожденная способность совершать произвольные целесообразные действия безотчетно на уровне инстинкта. Такие потребности (инстинкт самосохранения, инстинкт устранения источника внешнего раздражения, опасности и др), создавая постоянную готовность человека к ответной реакции, заставляют его откликаться на любые изменения среды, потенциально несущие угрозу существованию, создающие неопределенную ситуацию либо являющиеся источником внешнего раздражения.

Безусловно, при совершении преступления в состоянии аффекта у лица могут присутствовать и элементы мести, ревности, злобы и т. п., но они сами по себе аффективного состояния вызвать не могут, а являются лишь сопутствующими факторами развития аффекта и в какой-то мере отражают его содержание. Основную же роль в этом процессе играют внешние раздражители и актуализировавшиеся на их основе потребности «постоянного действия». Именно по этому признаку следует устанавливать наличие или отсутствие сильного душевного волнения у виновного в момент совершения им преступления.

По нашему мнению, особый интерес вызывает вопрос об оценке действий сотрудников правоохранительных органов, причинивших смерть при освобождении заложников. Причинение смерти лицу, захвачившему или удерживающему заложника (заложников) в процессе его освобождения следует признать правомерным, т.к. в этом случае действуют правила о необходимой обороне. Если же смерть причинена заложнику (заложникам), то возможны два варианта квалификации. При неосторожном отношении сотрудника к таким последствиям ответственность за убийство исключается, но возможно применение ст. 293 УК, предусматривающей ответственность должностного лица за халатность. Если причинение смерти заложника допущено осознанно (цели и мотивы могут быть разными), то действуют правила крайней необходимости, и при превышении ее пределов действия виновного могут быть квалифицированы как убийство. В этом случае состояние крайней необходимости будет рассматриваться как смягчающее наказание обстоятельство. Однако нам предпочтительнее видеть в УК РФ привилегированное убийство при превышении пределов крайней необходимости.

Не всякое убийство, совершенное во исполнение приказа или распоряжения, дает право применять соответствующее смягчающее обстоятельство. Исполнение явно незаконного, тем более преступного приказа об убийстве другого человека не дает права говорить о наличии смягчающего обстоятельства. Исполнитель такого приказа должен рассматриваться как соучастник убийства.

Предлагаем понятие деяния, которое в действующем уголовном законе именуется убийством при превышении пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания преступника, исключить из категории убийств и именовать причинением смерти. Думается, что следует внести изменения и в санкции указанного преступления, из которого необходимо исключить наказание в виде лишения свободы.

Исходя из вышесказанного, приведенный в ст. 61 УК РФ перечень смягчающих наказание обстоятельств носит открытый характер. Это означает, что при рассмотрении вопроса о назначении наказания суд может признавать смягчающими обстоятельствами и такие обстоятельства, которые не вошли в список, закрепленный Уголовным кодексом.

Смягчающие обстоятельства могут существенным образом повлиять на размер и вид наказания только в тех случаях, когда речь идет о выборе между направлением в исправительную колонию и альтернативным видом наказания, не связанным с лишением свободы. Во всех иных случаях правоприменители придадут им второстепенное значение, соблюдая в этом смысле предписание законодателя о необходимости учета смягчающих обстоятельств. Невозможно описать всю совокупность конкретных факторов, именуемых смягчающими обстоятельствами,

ввиду их многообразия. Более целесообразным будет внесение изменений в уже существующий список ст. 61 УК, в том числе исключение из него обстоятельств, которые в судебной практике либо встречаются крайне редко, либо существуют лишь на бумаге, а не предусмотренные в уголовном законе смягчающие обстоятельства обязательно должны учитываться при назначении наказания, но признаваться смягчающими могут только в исключительных случаях.

Произведенный анализ позволяет утверждать, что смягчающие обстоятельства, закрепленные Особенной частью УК РФ, снижают характер общественной опасности. Они учитываются законодателем при дифференциации наказания за отдельные виды преступлений. Эти обстоятельства являются инструментом дифференциации ответственности, которым пользуется законодатель, но не правоприменительные органы.

Список литературы

1. Комментарии к уголовному кодексу Российской Федерации [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL: <http://www.ugolkod.ru/kommentarii-k-st-61-uk-ru> (дата обращения: 17.04.2016).
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.04.2016).
3. ФЗ N 141 от 29 июня 2009 г. «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL <http://base.garant.ru/12167901/> (дата обращения: 17.04.2016).
4. ФЗ N 377 от 27 декабря 2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL <http://ivo.garant.ru/#/document/12171978/paragraph/1370:1> (дата обращения: 17.04.2016).
5. ФЗ N 420 от 7 декабря 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – URL <http://ivo.garant.ru/#/document/70103074/paragraph/1:5> (дата обращения: 17.04.2016).
6. Минин Р. В., Токарева К. Г. Некоторые особенности обстоятельств, смягчающих наказание [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). – М.: Буки-Веди, 2015. – С. 217–219.

Parchomenko L.V. Crimean federal university named after V. I. Vernadskyi Actual issues of punishment mitigation in Criminal law of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – P. 116–121.

Today the process of legislative modernization of the punishment mitigation is far from being finished, and regulation of punishment mitigation in local criminal legislation as main part of humanization of the criminal law branch, needs further enhancement.

Moreover, theoretical problems exist. So, lack of definition of punishment mitigation as complex criminal-legal institute, decreasing punitive potential of punishment, to full extent reflecting its legal nature; definition of the formal criteria of punishment mitigation hasn't been developed yet and they haven't been stated in the norms of General and Special parts of the Criminal code of the Russian Federation; corresponding place of the legislative novels in the system of punishment mitigation hasn't been identified yet, etc.

Without theoretical understanding of the specified issues, practical realization of the concerned criminal-legal regulations in full accordance with spirit and letter of law is impossible. It should also be mentioned that, complex research of punishment mitigation considering methods of its realization, reflected in recently enforced federal laws on amendments and supplements in Criminal Code of the Russian Federation has not been conducted.

Urgency of the research of the criminal-legal aspects of punishment mitigation in Criminal law is expressed in the need for research of the issue in theoretical and practical aspect.

Key words: punishment, punishment mitigation, formal criteria of punishment mitigation, personalization of punishment.

Spisok literatury:

1. Kommentarii k ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federacii [yelektronnyi resurs] // Informacionno – pravovoi portal «Garant». – URL: <http://www.uolkod.ru/kommentarii-k-st-61-uk-rf> (data obrashenii: 17.04.2016)
2. Ugolovnyi Kodeks Rossiiskoi Federacii [yelektronnyi resurs] // Informacionno – pravovoi portal «Garant». – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(data obrashenii: 17.04.2016)
3. FZ N 141 ot 29 iyunja 2009 g. «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi Kodeks Rossiiskoi Federacii i Ugolovno-processual'nyi kodeks Rossiiskoi Federacii» [yelektronnyi resurs] // Informacionno – pravovoi portal «Garant». – URL <http://base.garant.ru/12167901/>(data obrashenii: 17.04.2016)
4. FZ N 377 ot 27 dekabrja 2009 g. «O vnesenii izmenenii v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federacii v svjazi s vvedeniem v deistvie polozhenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federacii i Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federacii o nakazanii v vide ogranichenija svobody» [yelektronnyi resurs] // Informacionno – pravovoi portal «Garant». – URL <http://ivo.garant.ru/#/document/12171978/paragraph/1370:1>(data obrashenii: 17.04.2016)
5. FZ N 420 ot 7 dekabrja 2011 g. «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federacii i otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federacii» [yelektronnyi resurs] // Informacionno – pravovoi portal «Garant». – URL <http://ivo.garant.ru/#/document/70103074/paragraph/1:5>(data obrashenii: 17.04.2016)
6. Minin R. V., Tokareva K. G. Nekotorye osobennosti obstojatel'stv, smjagchayushih nakazanie [Tekst] // Aktual'nye problemy prava: materialy IV mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, nojabr' 2015 g.). – M.: Buki-Vedi, 2015. – S. 217–219.

УДК 343.137.2

ИНСТИТУТ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Поддубняк А. А., Акмоллаева А. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Судебно-правовая реформа в России порождает серьезные изменения в сфере правового регулирования всего уголовного судопроизводства, в том числе досудебной его части. Президент Российской Федерации Путин В. В. 04 марта 2013 года подписал Федеральный закон № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», согласно которому изменен порядок расследования уголовных дел. Так, законодатель сделал существенный шаг вперед в развитии упрощенного досудебного производства, ввел новый вид предварительного расследования – дознание в сокращенной форме. Применение сокращенной формы дознания должно послужить обеспечению соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства, реализации права граждан на своевременный доступ к правосудию и реальное уменьшение процессуальных издержек.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное расследование, сокращенное дознание, доказывание.

В уголовно-процессуальном праве четко прослеживается тенденция к упрощению процессуальной формы и обеспечению тем самым существенной экономии в тех случаях, когда сторона защиты не оспаривает установленные органами уголовного преследования фактические обстоятельства дела и их правовую оценку. Изменения в уголовном процессе всегда должны обуславливаться определенными объективными причинами и потребностями общества. Институт сокращенного дознания в уголовном процессе Российской Федерации не является исключением. Излишняя перегруженность органов дознания вынудила принять достаточно долго дискутируемое и долгожданное изменение в нормах уголовно-процессуального кодекса в марте 2013 г., которое вводит институт сокращенного дознания.

Исследование этого понятия сводится к двум аспектам. Во-первых, это определение круга вопросов, связанных с проблемами введения данного института. Во-вторых, это выделение основных положительных аспектов, в частности, экономии времени и снижение загруженности органов дознания в тех делах, где расследование дела, на первый взгляд, не стоит значительных затрат средств и времени. То есть речь идет о том, что процедура дознания вследствие появления данного института, становится дифференцированной. Но при этом нельзя не учитывать факторы, обеспечивающие назначения справедливого наказания, что возможно осуществить только при всестороннем и полном изучении доказательств и других обстоятельств, относящихся к делу, и сохранении гарантий обеспечения прав и свобод, прежде всего, подозреваемого (обвиняемого).

Институт сокращенного дознания регулируется главой 32.1 УПК РФ, что предусматривает форму предварительного расследования, характеризующуюся сокращенными процессуальными сроками, спецификой процесса доказывания, расширением процессуальных прав сторон и одновременным ограничением процессуальной самостоятельности дознавателя. В ней определены условия, при одновременном наличии которых возможно проведение дознания в сокращенной форме:

- возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица
- ходатайство подозреваемого не позднее чем через 2 суток после разъяснения ему права на сокращенное дознание;
- обвинение связано с определенной категорией уголовных дел, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;
- признание своей вины подозреваемым характера и размера причиненного преступлением вреда;
- подозреваемый должен быть совершеннолетним;
- отсутствие оснований для производства о применении мер принудительного медицинского характера;
- владение русским языком.

Касательно первого аспекта – возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица – можно отметить, что закон умалчивает о том, возможна ли сокращенная форма дознания в отношении нескольких подозреваемых.

Заявлению ходатайства подозреваемым о том, что он желает, чтобы дознание проводилось в сокращенной форме, должно предшествовать предоставление квалифицированной правовой помощи, так как соблюдение прав и свобод человека остается на первом месте в правовом государстве. Принципиальным является наличие у защитника юридического образования, чтобы лицо было в полной мере осведомлено о последствиях такого решения.

Важно, к примеру, тот факт, что большая часть доказательств может быть не выявлена следователем во время дознания, вследствие установления законодателем особенностей доказывания при сокращенном дознании в статье 226.5 УПК РФ. Статья полностью отменяет обязанность дознавателя установить обстоятельства, исключаяющие преступность деяния. Впоследствии это приводит к постановлению несправедливого судебного решения и неисполнение основных задач уголовного процесса.

Сомнительным является ограничение права подозреваемого на дознание в сокращенной форме вследствие незнания им языка судопроизводства. Наблюдается несоответствие с Конституцией Российской Федерации, которая в ч. 2 ст. 19 гарантирует равенство прав независимо от национальности и языка. Получается, что люди, не владеющие языком судопроизводства, согласно УПК РФ, ограничиваются в праве на сокращенное дознание.

Далее следует отметить сроки, в которые должен уложиться дознаватель, прежде чем отправить прокурору уголовное дело с обвинительным постановлением, – это 15 суток. При этом начинается исчисление с момента вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Законодатель определил, что 10 дней вполне достаточно, чтобы собрать доказательства, проанализировать их и составить обвинительное постановление. Однако суть сокращения – не только в уменьшении сроков, а в упрощении процесса доказывания, что несет потенциальную угрозу качеству этой деятельности.

В последующие трое суток дознаватель обязан предоставить на ознакомление обвинительное постановление обвиняемому и его защитнику. В этот период они

могут заявлять ходатайства, указанные в законе, касающихся доказательств, их проверки, дополнительных процессуальных и следственных действий и др. Для устранения недостатков обвинительного постановления по ходатайству обвиняемого закон предусматривает 2 дня. При этом если ходатайства не поступили либо поступили не в срок, то уголовное дело с обвинительным постановлением передается прокурору. Эта норма позволяет поставить под сомнение все доказательства, полученные дознавателем в ходе такого дознания. Ведь если ходатайства обвиняемого, в силу незнания им закона, о том, что доказательства не являются допустимыми и противоречат законодательству Российской Федерации, нет, тогда дело отправляется к прокурору. Таким образом, явное нарушение УПК может остаться незамеченным.

Вся ответственность в этом плане переходит на прокурора, который в свою очередь обязан проверять законность действий дознавателя и может вынести одно из решений: либо утвердить обвинительное постановление, либо возвратить для пересоставления обвинительного постановления, либо направить уголовное дело для производства в общем порядке. Также у прокурора есть процессуальное право на то, чтобы исключить некоторые пункты обвинения или переквалифицировать тяжесть преступления. На это ему дается трое суток со дня поступления к нему уголовного дела с обвинительным постановлением.

Чаще всего уголовное дело в итоге производится в общем порядке. Этот факт можно объяснить, в том числе и тем, что законодатель урегулировал вопрос о достаточности доказательств весьма субъективно. Формулировка собирания доказательств в «объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления», может по-разному толковаться дознавателем, прокурором и судьей. Ведь кому-то собранные доказательства могут показаться достаточными, а кому-то нет.

Законодатель также указывает, что сроки сокращенного дознания могут быть продлены в случае, если в силу объективных причин не удалось закончить его в срок. Максимальный срок продления может составлять 5 дней, т. е. в итоге весь процесс сокращенного дознания должен составлять не более 20 дней. Однако в случае если и этого срока оказалось недостаточно, дознаватель обязан вынести постановление об осуществлении дознания в общем порядке. Время, потраченное на этот процесс, будет зачисляться в срок проведения дознания в общем порядке.

После этого дело передается на судебное разбирательство в суд. Здесь также возникают спорные моменты. УПК гласит, что разбирательство проводится только на основании тех доказательств, приведенных в обвинительном постановлении (ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ). Опять же, опускаются моменты, в которых можно было бы определить смягчающие и отягчающие обстоятельства, обстоятельства, исключающие преступность деяния, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и т. д. Кроме того, дополнительные данные о личности подсудимого принимают только на основании ходатайства стороны защиты, которые также в силу юридической неграмотности могут не предпринять никаких действий. Все эти моменты ставят под сомнение справедливость в последующем вынесенного приговора и целесообразность введения данного института.

Однако преимуществ института сокращенного дознания также немало. Кроме экономии времени, о котором уже было сказано, существенно меньше становятся затраты и в экономическом плане. Также разгрузка за счет таких дел идет не только для органов дознания, но и для судов, которые в последующем проводят судебное заседание в порядке особого производства.

Что касается обвиняемого, то для него законодатель предусматривает наказание в виде половины максимального срока, предусмотренного для преступления, за которое он был привлечен. Это является неким стимулом для подозреваемого, чтобы содействовать осуществлению правосудия.

Несмотря на то, что институт дознания в сокращенной форме имеет достаточно существенные положительные стороны, он все также остается невостребованным в Российской Федерации.

Интересное мнение относительно целесообразности введения данного института выразил в своей работе А. М. Панюков. Дело в том, что дознание в общем порядке предусматривает сроки его проведения в 30 дней. Однако осуществление всех необходимых действий ранее указанного срока только приветствуются. Таким образом, остается непонятно, зачем вводить институт дознания в сокращенной форме в уголовное судопроизводство, когда дознаватель и так может окончить производство до 30 суток [4, с. 5–8].

Косвенным подтверждением практической нежизнеспособности (т. е. изначальной ненужности) этого нововведения является оценка начальника НИЦ ВНИИ МВД О. И. Цолоколовой: «За пять месяцев по сокращенной форме дознания возбуждено было всего 788 уголовных дел. Это составляет 0,5 % от всего количества уголовных дел, которые находятся в производстве органов дознания системы МВД России». Кроме того, по ее же словам, «примерно 10 процентов от начатых в сокращенной форме дел пришлось оканчивать в общем порядке» [5, с. 914].

Таким образом, можно прийти к выводу, что введение дифференцированного подхода к процессу дознания, несомненно, является верным решением, однако этот вопрос требует еще более глубокого переосмысления, так как возникает очень много спорных вопросов, не разрешенных законодателем должным образом. Исходя из этого, следует определить ряд положений, которые следует ввести в дополнение к существующим нормам:

- Предоставление лицам, не владеющим языком судопроизводства, права пользоваться услугами переводчика, который способствовал бы в осуществлении их прав в рамках института сокращенного дознания.

- Пересмотреть подход к особенностям доказывания при осуществлении сокращенного дознания. В частности, обратить внимание на такие важные моменты, как определение смягчающих и отягчающих обстоятельств, обстоятельств, исключающих преступность деяния, обстоятельств, способствовавших совершению преступления и т.д.

- Собираение доказательств должно быть более осмысленным, чтобы исключить самооговор подозреваемого, вместе с тем – возможность давления на подозреваемого, оказание на него всяческого рода воздействия и других негативных мер.

- Дознаватель должен найти неопровержимые доказательства виновности подозреваемого. Однако если доказательства говорят об обратном, тогда должно выноситься постановление об осуществлении дознания в общем порядке и отказе в проведении сокращенного дознания, чтобы избежать осуждения невиновного лица.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 30.03.2016) /
3. Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»
4. Панокин, А. М. Дознание в сокращенной форме / А. М. Панокин // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 5.
5. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. – 2013. – № 10.

Poddubniak A., Akmollaeva A. Institute of the reduced inquiry in criminal trial of the Russian Federation // Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – T.2(68) № 1. – P. 122–126.

Judicial and legal reform in Russia generates serious changes in the sphere of legal regulation of all criminal legal proceedings, including his pre-judicial part. The president of the Russian Federation Putin V. V. has signed on March 04, 2013 the Federal law No. 23-FZ "About modification of articles 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Code of criminal procedure of the Russian Federation" according to which the order of investigation of criminal cases is changed. So, the legislator has taken an essential step forward in development of the simplified pre-judicial production, has entered a new type of preliminary investigation - inquiry in the reduced form. Application of the reduced form of inquiry has to serve ensuring compliance with reasonable term of criminal legal proceedings, realization of the right of citizens for timely access to justice and real reduction of procedural expenses.

Keywords: criminal trial, preliminary investigation, the reduced inquiry, proof.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyatavsenarodnymgolosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ)
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. N 174-FZ (red. ot 30.03.2016) /
3. Federal'nyj zakon ot 04.03.2013 N 23-FZ (red. ot 28.12.2013) "O vnesenii izmenenij v stat'i 62 i 303 Ugolovnogokodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii"
4. Panokin, A.M. Doznanie v sokrashchennoj forme / A.M. Panokin // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2014. – № 5.
5. Sumin A. A. Sokrashchennoe doznanie: mertvorozhdennoe ditya reformatorov ugolovnogoprocesa // Advokat. – 2013. – № 10.

УДК 343:616.895

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

Скворцова О. В., Степанюк А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются положения ранних российских законодательных актов, регламентировавших уголовную ответственность в связи с эмоциональным состоянием виновного в момент совершения преступления. Прослеживаются этапы эволюции законодательного закрепления обязательных условий, при наличии которых возможно привлечение виновного лица к уголовной ответственности за аффективное преступление. Особенно тщательно изучаются Русская Правда, Артикул воинский, Уголовные уложения 1845 и 1903 гг., Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, Основы уголовного законодательства СССР и Союзных республик 1958 года, Уголовного кодекса РСФСР 1960 года на предмет закрепления особого эмоционального состояния в качестве обстоятельства, образующего привилегированный состав преступления и смягчающего наказание. Осуществляется анализ положений нового Уголовного кодекса РФ 1996 года и его нововведений относительно регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта, их соотношения с предшествующими конструкциями аффективных составов преступлений.

Ключевые слова: аффект, сильное душевное волнение, обида, оскорбление, внезапное побуждение, запальчивость, раздражение, провокация, систематичность, противоправность, аморальность, эмоциональное состояние.

Современное уголовное законодательство устанавливает ответственность за совершение убийства и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Нормы об ответственности за данные составы преступлений имеют свою историю зарождения и эволюции перед тем, как они были определены законодателем в ст. 107 и 113 ныне действующего Уголовного кодекса (далее – УК) РФ 1996 года. Несмотря на длительный исторический процесс формирования диспозиций ст. 107 и 113 УК РФ, они и сегодня являются далеко не совершенными и требуют определенных изменений, основанных на потребностях современного российского общества с учетом нового уровня знаний в области психологии, этики, психофизиологии и юриспруденции. Для того, чтобы понять всю суть и значение внедрения таких составов преступлений в уголовное законодательство, мы решили проанализировать генезис уголовно-правовой регламентации аффективных преступлений с учетом исторического периода, потребностей общества в определенный период, а также значения такого понятия как «аффект», поскольку уголовное законодательство не определяет этого понятия, в связи с этим можно смело утверждать то, что «аффект» принадлежит к числу оценочных признаков в уголовном законе.

Достаточно интересной по этому поводу является точка зрения кандидата

юридических наук Бабичева А. Г., который в своей научной статье говорит о том, что определенная неразумность в поведении человека, совершающего убийство в сильно возбужденном состоянии, особенно в случаях, когда это возбуждение было спровоцировано оскорбительным, издевательским поведением или насильственными действиями самой будущей жертвы, издавна вызывала у законодателей и судей вопрос: «А справедливо ли наказывать таких убийц наравне с хладнокровными убийцами и лицами, совершающими преднамеренные убийства?». С другой стороны, в таких случаях надо было отделить подобные «полубезумные», во многом импульсивные действия убийцы от противоправного лишения жизни другого человека в состоянии настоящего «безумства» или, как бы мы сейчас сказали, в состоянии невменяемости [2, с. 151]. Необходимость и огромное желание осуществлять справедливое и законное правосудие, решающее судьбу виновного лица, который в свою очередь лишает другого человека жизни – самого ценного блага, толкала законодателя, ученых-юристов и правоприменителей к поиску наиболее разумных и оптимальных решений для построения конструкции данного вида убийства в уголовном законе.

Развитие и становление российского законодательства об ответственности за преступления, совершенные в состоянии физиологического аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, и последующее исследование этого вопроса проводилось еще в XIV–XV вв., когда уголовный закон освобождал лицо от ответственности с учетом его эмоционального состояния.

Русская Правда, как отмечает Куленко О. И., являющаяся одним из древних памятников русского права, содержала в себе первое упоминания об убийстве в состоянии аффекта [4, с. 151]. Прежде всего, необходимо сказать, что преступление в Русской Правде понималось не как нарушение закона или княжеской воли, а как некая «обида», которая выражалась в причинении материального или морального ущерба лицу или группе лиц. Объектами такой «обиды» выступали личность и имущество. Русской Правдой предусматривалось, что сознание и воля лица, совершающего преступление, могут быть временно парализованы, вследствие чего деяние теряет свой преступный характер. Это и есть так называемое состояние аффекта. «Если кто ударит другого богогом... а оскорбленный, не стерпевши того, ткнет мечом, то вины ему в этом нет». Такое состояние было отличным от состояния необходимой обороны. Отмечалось, что последняя предупреждает преступное нападение, а в первом случае (в состоянии аффекта) карается уже совершенное преступное посягательство [4, с. 151]. Необходимо обратиться к законодательной регламентации в Русской Правде аффективного преступления, в ст. 26 которой сказано о том, что действие не признается преступлением в том случае, если виновный наносил удар мечом в ответ на оскорбление (обиду), что выражается в совершении определенных действий, и при этом такое лицо не подлежит наказанию. В данном случае можно утверждать, что оскорбление (обида) являлось обстоятельством, которое освобождает виновное лицо от уголовной ответственности. Исходя из данной статьи, мы можем судить о законодательной регламентации провоцирующего поведения со стороны потерпевшего, как обязательного признака данного состава преступления, в то время как о таких понятиях, как «аффект» либо «сильное душевное волнение» речь не идет. Именно поэтому возникает вопрос, какое именно наказание будет нести лицо за причинение

вреда и будет ли оно нести его вообще. Для разрешения этой дилеммы необходимо обратиться к ст. 19 Русской Правды (Пространная редакция, Троицкий список), которая говорит о том, что за убийство «огнищанина в обиду» виновный наказывался тем, что был обязан за это платить 80 гривен семье потерпевшего и 80 гривен в княжескую казну. Более строгие виды наказаний за убийство обиженным своего обидчика не указывались в этом памятнике права Древней Руси [5, с. 48].

Далее данные нормы нашли свое отображение и дальнейшее развитие в Артикуле воинском Петра I 1715 г., который предусматривал ответственность за оскорбление, нанесенное в состоянии крайнего возбуждения: «ежели кто другого не одумавшись с сердца, или опаматовась, бранными словами выберанит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении» [6, с. 322]. Анализируя данную формулировку, необходимо акцентировать внимание на таких понятиях как: «не терпя...», «не одумавшись с сердца, или опаматовась» – эти характеристики эмоционального состояния лица позволяют утверждать, что в этот период основанием смягчения или освобождения от уголовной ответственности была внезапность умысла, который возник под влиянием переживаний, чувств и эмоций. Современное законодательство не рассматривает такое состояние как основание смягчения ответственности: сами по себе эмоции не имеют уголовно-правового значения.

В дальнейшем данная норма нашла свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, которое было утверждено указом Николая I 15 августа 1845 года и введено в действие с 1 мая 1846 г. По сути, твердо можно утверждать о том, что данный акт стал первым уголовным кодексом в истории российского уголовного права, поскольку предыдущие акты состояли из множества норм, регламентирующих разные отрасли права. Данное Уложение закрепило ответственность за преднамеренное убийство, а также за убийство, совершенное по внезапному побуждению, без предварительного умысла. К последним относились действия, совершаемые в состоянии запальчивости или раздражения, что и послужило основанием для отнесения их к привилегированному составу. Эти два обстоятельства законодатель понимал как состояние, которое объединяет в одном душевном напряжении, а так же в формировании и возникновении злого умысла, после чего виновное лицо реализует данный умысел при помощи совершения преступления. Все те деяния, которые осуществляются виновным в данном состоянии, выступают в качестве «продукта одного страстного порыва». При закреплении данных категорий законодатель предполагал их использовать в качестве общих понятий о подобном настроении виновного, которое в определенной степени оправдывает его деяние. Возбудителями такого состояния могут быть различные источники, которые могут иметь разнообразные оттенки влияния на виновное лицо. Следует акцентировать внимание на том факте, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имело свои отличительные черты от предыдущих актов, предусматривавших уголовную ответственность за аффективные преступления. Данные отличия проявлялись в том, что Уложение 1845 г. закрепляло нормы, которые имели казуистический характер, предусматривающие точные и конкретные термины. Указанные нормы существовали с целью определения эмоционального состояния виновного лица, которое в свое время выступало в качестве основания освобождения от ответственности –

«запальчивость» и «раздражение».

Анализируя содержание данного Уголовного уложения, следует отметить, что в случае совершения преступления в результате сильного раздражения на некую обиду, оскорбление или на поступки лица, уменьшается и смягчается вина преступника, в том числе и строгость назначения наказания. Наказание за убийство не смягчается в следующих случаях: совершения хладнокровного убийства, даже если умысел возник в состоянии аффекта; когда обдуманное намерение на совершение преступления было реализовано в запальчивости и раздражении. Раздражение, согласно Уложению, – это такое состояние человека, когда он «весь придается этому душевному порыву, не чувствует в себе достаточно силы, чтобы овладеть собою».

Необходимо обратить внимание на то, что с самого начала принятия Уложения для того, чтобы возможность смягчения наказания стала реальной, законодатель закрепил провокацию со стороны потерпевшего лица. В дальнейшей же редакции Уложения возможность смягчения наказания стала допустимой, независимо от обстоятельств, которые могли вызвать раздражение у виновного лица. При назначении наказания не учитывался тот факт, в отношении какого именно лица были осуществлены противоправные или аморальные действия, то есть главное значение имело то, что это раздражение повлияло на виновное лицо. Это говорит о том, что провокация должна быть признана не только при обиде, нанесенной напрямую виновному в совершении убийства, но даже при оскорблении, которое было адресовано близкому для виновного лицу. Наказание за подобное преступление при таких обстоятельствах должно быть менее строгим.

Исходя из вышеуказанного, можно смело говорить о том, что состояние «запальчивости или раздражения» было основополагающим структурным признаком состава данного «привилегированного» вида убийства даже независимо от того, кем или чем данное преступление было спровоцировано. Все это существенно снижало ценность данной уголовно-правовой нормы как регулятора справедливости ответственности и наказания за убийство в состоянии обоснованного психического расстройства, вызванного извинительными обстоятельствами (насилием или тяжким оскорблением со стороны убитого). Очевидно и то, что «запальчивость и раздражение» не могли служить показаниями такого психического расстройства лица, которое бы давало основание для резкого снижения степени его вины в убийстве, как обстоятельство, резко ограничивающее осознание виновным фактического характера и общественной опасности своих действий либо возможности руководить ими.

Следующим законодательным актом, который закрепил аффективные составы преступлений в уголовном законодательстве дореволюционного периода, стало Уголовное уложение 1903 года. Динамика развития общественных отношений, научные достижения рубежа XIX–XX в области психологии, смена власти, увеличение потребностей общества в целом привели к тому, что к моменту принятия данного акта такие термины как «запальчивость» и «раздражение», которые по Уголовному уложению 1845 года характеризовали эмоциональное состояние лица, устарели и были заменены одним общим понятием «сильное душевное волнение», а также был снижен максимальный срок наказания с двенадцати до восьми лет. По мнению редакционной комиссии, основанием для

снижения ответственности за аффективные преступления было: «в силе страсти, затмевающей умственные способности действующего и толкающей на преступление; действующий виновен в том, что уступил гневу или страху, который мог бы преодолеть, но он заслуживает некоторого извинения, потому что действовал под влиянием всеильного порыва, его охватившего» [10, с. 170]. Закрепляя данную норму, законодатель поставил перед собой цель ограничить возможность смягчения ответственности в том случае, когда эмоциональное состояние виновного действительно повлияло на сознание виновного и сузило его способность к выбору определенного варианта поведения. Это в значительной мере отличает данную норму, закрепленную в Уголовном уложении 1903 года, от нормы в Уложении 1845 г..

Предыдущие понятия из Уголовного уложения 1845 г. – «запальчивость» и «раздражение» – являются условными и могут применяться ко всем возможным случаям, что значительно увеличивает круг лиц, в отношении которых может применяться норма об аффективных преступлениях.

Преступления, которые совершались в непрерывно продолжающемся возбужденном состоянии, были выражены в ст. ст. 458 и 470 данного Уложения, в которых аффект считался обстоятельством, которое смягчает наказание. Так, в ч. 1 ст. 458 Уложения данная категория преступлений регламентировалась как задуманное и выполненное под влиянием сильного душевного волнения (оно наказывалось каторжными работами не свыше 8 лет), а в ч. 2 ст. 458 Уложения указывалось, что виновный за убийство под влиянием сильного душевного волнения может привлекаться к ответственности только в том случае, если его «душевное состояние вызвано противозаконным насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны (оно наказывалось только заключением в тюрьме на срок до одного года) [8, с. 616]. По своей конструкции диспозиция аффективных преступлений была приближена к той, которая закреплена в современном УК.

То, что касается уголовной регламентации аффективных преступлений в советский период, то необходимо отметить, прежде всего, что в период 1917–1919 гг. особенностями советского уголовного законодательства являлось:

- отсутствие детальных и отдельных норм о преступлениях против личности;
- полное отсутствие конкретно определенных санкций в отношении отдельных категорий преступлений.

Первое законодательное закрепление состояния сильного душевного волнения как смягчающего обстоятельства появилось в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. В п. «з» ст. 12 было указано, что для определения меры наказания в каждом отдельном случае необходимо учитывать факт обнаружения в совершенном деянии заранее обдуманного намерения, коварства, жестокости, злобы, хитрости либо то, что деяние было совершено в состоянии «запальчивости» (последнее рассматривалось как обстоятельство, смягчающее ответственность).

В июне 1922 г. был введен в действие УК РСФСР, диспозиция ст. 144 которого была сформулирована так: «Умышленное убийство под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего». Общепринятым было суждение о том, что

«сам факт волнения, хоты бы и сильного, не должен смягчать ответственности» [14, с. 71]. Диспозиция этой уголовно-правовой нормы по существу не отличалась от диспозиций аналогичной нормы, которую предусматривала ч. 2 ст. 458 Уголовного уложения 1903 года. Изменилась лишь санкция: ст. 144 УК РСФСР 1922 года устанавливала за такое убийство наказание в виде лишения свободы сроком до 3-х лет [2, с. 153]. Но помимо законодательной регламентации сильного душевного волнения в Особенной части УК РСФСР 1922 г., в качестве смягчающего наказание обстоятельства в Общей части предусматривалась «запальчивость». То есть в данном случае законодатель разграничил такие понятия как «сильное душевное волнение» и «запальчивость», последнее из которых понималось как внезапно возникший умысел, который являлся противоположным прямому умыслу и выступал в качестве общего смягчающего обстоятельства, сильное душевное волнение было выделено в качестве признака привилегированного состава. Также разница между этими понятиями заключалась в том, что совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения являлось менее общественно опасным, нежели в состоянии «запальчивости».

В ноябре 1926 г. ВЦИК был принят новый УК РСФСР, который по своему содержанию повторял УК РСФСР 1922 г. Содержание нормы о совершении преступления в состоянии аффекта значительно не было изменено. Законодатель лишь повысил наказание за этот вид «привилегированного» убийства до 5 лет лишения свободы. В ст. 144 УК РСФСР 1926 г. было закреплено нововведение. Диспозиция данной нормы предусматривала пониженную ответственность за легкое телесное повреждение, совершенное виновным в состоянии аффекта, что вызывало серьезные трудности на практике. В этой связи Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 7 марта 1927 г. вынужден был дать ряд разъяснений. В частности, в нем отмечалось, что, «исходя из того, что ст. 144 УК РСФСР 1926 г. предусматривает легкое телесное повреждение, нанесенное под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а нанесение тяжкого телесного повреждения при тех же условиях не предусмотрено специально УК, а ст. 142, предусматривающая нанесение тяжких телесных повреждений, опасных для жизни, специально не выделяет случаев нанесения этих повреждений при наличии указанных в ст. 144 условий, впредь до издания специального закона при определении меры социальной защиты за нанесение тяжкого телесного повреждения под влиянием внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, суд должен руководствоваться пределами санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 143» [7, с. 189]. Необходимым является указать на то, что в п. «д» ст. 48 УК РСФСР 1926 г. обязательным признаком убийства, совершенного в состоянии аффекта, было только данное состояние без противоправных действий со стороны потерпевшего лица. Такая формулировка уже была изменена в п. 4 ст. 33 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., в котором содержалось указание не только на наличие у виновного лица состояния аффекта, но и на обусловленность данного обстоятельства неправомерностью действий потерпевшего. А вопрос о том, может ли состояние аффекта у виновного лица вне связи с неправомерностью действий со стороны потерпевшего быть

обстоятельством, характеризующим деяние как менее опасное с точки зрения уголовного права, был некоторое время остро обсуждаемым в правовой литературе. Так, некоторыми учеными была высказана точка зрения, согласно которой сам факт наличия аффекта независимо от причин, его вызвавших, должен быть основанием к снижению ответственности. Для примера, М. Д. Шаргородский считал, что «требование провокации вряд ли является основательным. В состоянии аффекта человек не может полностью отвечать за свои поступки как за умышленные, просто в результате того состояния, в котором он находится. Именно это должно явиться основанием для снижения меры наказания» [9, с. 214]. Другую точку зрения высказывает А. А. Жижиленко, который говорит, что одного аффекта, то есть сильного душевного волнения, еще недостаточно для признания убийства привилегированным; требуется еще, чтобы была налицо провокация, то есть известные агрессивные действия со стороны потерпевшего. Эта провокация должна выражаться или в насилии, или в тяжком оскорблении со стороны потерпевшего [3, с. 25–26].

В 1958 г. вступили в действие Основы уголовного законодательства СССР и Союзных республик, ст. 33 которого закрепила одно из смягчающих обстоятельств – совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, которое было вызвано неправомерными действиями потерпевшего лица.

В 1960 г. был принят новый УК РСФСР, диспозиция ст. 104 которого устанавливала ответственность за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, тяжким оскорблением, а равно иными противозаконными действиями потерпевшего, если они повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Анализируя данную статью, законодатель уточнил в ней психические составляющие виновного путем прибавления к понятию «сильное душевное волнение» такого слова как «внезапно возникшее», которое давало основание говорить о «состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» как о «состоянии аффекта», имея в виду, что аффекты, как особые состояния сознания человека, «возникают большей частью внезапно». Санкция данной статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или исправительных работ на срок до двух лет. В данном случае состояние сильного душевного волнения имело два значения:

- данное обстоятельство было установлено в специальных нормах, которые влияли на квалификацию совершенного деяния (ст. ст. 104, 110 УК РСФСР);
- данное обстоятельство было закреплено как смягчающее ответственность обстоятельство и учитывалось при назначении наказания (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в круг обстоятельств, которые могли быть основанием для установления состояния аффекта, помимо насилия и тяжкого оскорбления включил и иные противозаконные действия потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких [1, с. 25]. Иными словами, более широкой стала характеристика внешнего повода, который служил провокацией появления внезапно возникшего сильного душевного волнения и умысла на убийство виновного в этом состоянии.

Относительно такого обязательного признака аффективных преступлений, как вред, интересной представляется точка зрения Бабицева А. Г., который говорит о

том, что наличие требования в ст. 104 УК РСФСР реального или возможного вреда в результате противозаконных действий потерпевшего выглядело ненужным, ибо тяжесть таких последствий не может быть неременным, существенным, применимым во всех случаях мерилom допустимого повода при совершении данного вида убийства [2, с. 153]. Для того, чтобы реальность определения оценки прямого повода, который вызвал аффект у виновного лица, стала возможной, необходимо учитывать:

- степень аморальности или противозаконности провокационных действий;
- степень вреда, который был причинен вследствие определенных действий;
- субъективное восприятие виновным нанесенной ему обиды;
- значимость для него интересов, которые оказались объектом посягательства со стороны потерпевшего;
- эмоциональная выраженность недоброжелательности и (или) издевательского отношения потерпевшего к будущему убийце.

В дальнейшем данная норма поддавалась критике со стороны как правоприменителей, так и ученых. Было совершено большое количество судебных ошибок, что и привело к возникновению необходимости подготовки изменений конструкции данной уголовно-правовой нормы в УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта, привели в процессе своего эволюционного развития к тем юридическим конструкциям, которые включены сегодня в действующие ст. 107, 113 УК РФ.

Ныне действующий УК РФ устанавливает уголовную ответственность за убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) и причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ). В отличие от предшествующих конструкций данных составов преступлений, уголовный закон внес определенные изменения в их нынешнюю регламентацию:

1) расширил круг обстоятельств, которые могут выступать основанием для установления состояния аффекта:

- противоправность или аморальность действий (бездействия) потерпевшего, что привело к возникновению внезапно возникшего сильного душевного волнения;
- систематическое противоправное поведение, которое привело виновное лицо в состояние длительной психотравмирующей ситуации;

2) был введен квалифицированный состав аффективного убийства, такой как: убийство двух или более лиц в состоянии аффекта;

3) уменьшено наказание за убийство в состоянии аффекта с пяти до трех лет. Наказание до пяти лет лишения свободы устанавливается лишь за убийство двух и более лиц;

4) состояние сильного душевного волнения было исключено из числа обстоятельств, которые смягчают наказание;

5) впервые предусматривается в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61);

6) в ч. 1 ст. 107 УК РФ и ст. 113 УК РФ не идет речь о близких виновного и о самом виновном, как это было в ранее действовавших УК;

7) законодательно закреплено понятие «аффект».

Итак, генезис уголовно-правовой регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта, а вместе с этим и характеристика эмоционального состояния виновного лица во время совершения преступления, прошли эволюцию своего развития от Русской Правды и до ныне действующего УК РФ. Законодатели начинали с такого понятия как «запальчивость» и «раздражение», которые с течением времени сменило понятие «сильное душевное волнение», а затем последнее было отождествлено с «аффектом». Но необходимо указать на то, что замена самого термина невозможна без пересмотра его сущности, значения и содержания.

Анализируя и подводя итоги исследованию самых ранних российских законодательных актов (Русская Правда, Артикул Воинский, Уголовные уложения), можно прийти к таким выводам, что для смягчения ответственности в связи с эмоциональным состоянием виновного в момент совершения преступления необходимо было только установление внезапности умысла, который возник под влиянием чувств, эмоций и переживаний, то есть основанием смягчения ответственности служил простой душевный порыв. Данная позиция значительным образом отличается от ныне действующего УК РФ, который в диспозиции аффективных преступлений заложил 2 основания для возможности смягчения наказания и квалификации действий виновного лица по привилегированным составам. Таковыми основаниями являются: внезапность возникновения умысла (субъективный признак) и противоправность или аморальность поведения потерпевшего (объективный признак).

Список литературы

21. Александрова О. С. Понятие убийства совершенного в состоянии аффекта в источниках уголовного права советского периода / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №1. – С. 23–25.
22. Бабичев А. Г. // Становление уголовного законодательства об ответственности за убийство в состоянии аффекта / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №2. – С. 151–154.
23. Жижиленко А. А. Преступления против личности. – М.: [Ком. Акад.](#), 1927. – 195 с.
24. Куленко О. И. Эволюция развития уголовной ответственности, за преступления, совершаемые в состоянии аффекта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 9. – С. 70–73.
25. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
26. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. т. А. Г. Маньков. – М., 1986–511 с.
27. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1977 гг. – М.: Известия, 1978. – Ч. 2. – 528 с.
28. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. – СПб.: Тип. Меркушева, 1911. – 625 с.
29. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. – М.: [Юрид. изд-во МЮ СССР](#), 1947. – 511 с.
30. Шарьурова Ю. Б. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии аффекта, исторический аспект // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – №5. – С. 169–172.

Skvortsova O.V., Stepanyuk A.N. Genesis of penal crime regulation committed in the heat of passion // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series: Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2 (68). № 1. – P. 127–136.

In this paper the provisions of the early Russian legislative acts regulating criminal responsibility on account of emotional condition of the accused in the time of committing the crime are studied. The evolution stages of legislative stabilization of the obligatory conditions which existence makes the prosecution of the accused for the affective crime possible are observed. The legal codes studied the most precisely are Russkaia Pravda, The Military Article, Criminal Codes of 1845 and 1903, The Penal Code of RSFSR of 1926, The Basics of the Criminal Legislation of USSR and Union Republics of 1958, the Criminal Code of the UUUR of 1960 on the subject of the particular emotional condition stabilization as the state of the case forming the privileged body of the crime and remitting the punishment. The analysis of the Provisions of the New Criminal Code in RF of 1996 and its new developments regarding the regulations of crimes committed in the heat of passion, their correlation with the previous constructions of the affective crime component are accomplished.

Keywords: passion, heat of passion, offense, criminal insult, impulsive motive, quick-temper, irritation, provocation, systematicity, wrongfulness, amorality, emotional state.

Spisok literaturyi

1. Aleksandrova O.S. // Ponyatiye ubiystva sovershennogo v sostoyanii affekta v istochnikakh ugolovnogo prava sovetskogo perioda / Istoricheskiye. filosofskiyе. politicheskiye i yuridicheskiye nauki. kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – 2011. – №1. – S.23–25.
2. Babichev A.G. // Stanovleniye ugolovnogo zakonodatelstva ob otvetstvennosti za ubiystvo v sostoyanii affekta / Gumanitarnyye. sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2015. – №2. – S. 151–154.
3. Zhizhilenko. A. A. Prestupleniya protiv lichnosti. – M.: Kom. Akad. 1927. – 195 s.
4. Kulenko O.I. // Evolyutsiya razvitiya ugolovnoy otvetstvennosti. za prestupleniya. sovershayemye v sostoyanii affekta / Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – №9. – S.70-73.
5. Rossiyskoye zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonodatelstvo Drevney Rusi.– M.: Yurid. lit.. 1984. – 432 s.
6. Rossiyskoye zakonodatelstvo X - XX vekov. V 9 t. T. 4. Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma / pod obshch. red. O. I. Chistyakova; otv. red. t. A. G. Mankov. – M.. 1986–511 s.
7. Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR. 1924–1977 gg. – M.: Izvestiya. 1978. – Ch. 2–528. s.
8. Tagantsev N.S. Ugolovnoye ulozheniye 22 marta 1903 g. – SPb: Tip. Merkusheva. – 1911. – 625 s.
9. Shargorodskiy M. D. Prestupleniya protiv zhizni i zdorovia. M.: Yurid. izd-vo MYu SSSR. – 1947. – 511 s.
10. Sharyurova Yu.B. // Otvetstvennost za prestupleniya. sovershennyye v sostoyanii affekta. istoricheskiy aspekt / Probely v rossiyskom zakonodatelstve. Yuridicheskiy zhurnal. – 2011. – №5. – S.169–172.

УДК 323.285

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Скребец Е. С.

Краснодарский университет МВД России

Сегодня терроризм является одним из негативных социальных явлений современности, масштабы которого приобретают глобальный характер, а последствия наносят непоправимые потери мировому сообществу. Как правило, данное явление характеризуется массовыми человеческими жертвами, значительным материальным ущербом, разрушением духовных ценностей, разжиганием ненависти между социальными, политическими, национальными и религиозными группами.

Доказывается, что борьба с терроризмом – приоритетное направление обеспечения национальной безопасности для любого государства. В статье рассмотрены основные причины возникновения и перспективы развития терроризма в Российской Федерации. Отдельное внимание уделено терминологии в данной сфере, правовым основам противодействия терроризму, особенностям превенции данного явления, а также подчеркнута взаимосвязь террористической и экстремистской деятельности.

Ключевые слова: борьба, национальная безопасность, политика, предупреждение, противодействие, сотрудничество, терроризм, угроза, экстремизм.

На сегодняшний день терроризм является долгосрочным фактором в современной геополитической системе и достаточно устойчивым явлением в развитии общества. Происходит интенсивная эскалация террористической деятельности, экстремистки настроенных лиц, групп и организаций в привычное функционирование общества и государства. Терроризм и экстремизм в своих проявлениях различного рода все больше угрожают безопасности стран и их населению, наносят ощутимые, а иногда и невозполнимые потери политической, экономической деятельности государства, моральным отношениям, оказывают сильное психологическое давление на граждан, и как следствие, уносят жизни мирного населения.

На протяжении последних лет в Российской Федерации наблюдается перманентное разрушение инфраструктуры преступных формирований, ликвидация лидеров террористических группировок, которые действуют на территории государства. Так, согласно статистике МВД России, в 2015 г. зарегистрировано 1531 преступление террористического характера (+ 35,8 % в сравнении с 2014 г.) [1]. В январе – феврале 2016 г. – 439 преступлений террористического характера (+ 52,4 %) и 220 преступлений экстремистской направленности (+ 12,8 %) [2].

Характер социально-политической обстановки в мире и Российской Федерации дает понимание того, что терроризм как угроза современному обществу и национальной безопасности, вероятно, сохранится и в долгосрочной перспективе. В

связи с этим задача по повышению эффективности системы противодействия терроризму остается приоритетной и относится к одной из важнейших функций российского государства.

Известно, что терроризм проявляет себя на самых различных уровнях: это могут быть широкомасштабные насильственные акции на международном уровне и неожиданные самопроизвольные террористические действия отдельных лиц и их групп. Современный терроризм постоянно эволюционирует и представляет собой сложную систему, которая состоит из комплекса взаимодополняющих компонентов, другими словами – процессов, которые могут носить идеологический, политический, экономический, военный, криминальный, религиозный, национальный характер. При этом одной из составляющих мер по предупреждению терроризма является борьба с экстремизмом [3]. Непосредственная связь терроризма с экстремизмом очевидна, так как террористические действия являются крайней формой экстремизма и являются наиболее ярко выраженными и действенными. В свою очередь, экстремизм может служить основой для осуществления террористических акций.

Рассмотрением отдельных вопросов борьбы с терроризмом в Российской Федерации занимались такие ученые, как Авдеев Ю. И., Бельский В. Ю., Кокорин С. А., Кубякин О. Е., Лупов И. Ф., Улезько У. В., Силантьев Р. А., Стальмахов В. А., Трофимов С. А. и др. Работы данных исследователей освещают государственную антитеррористическую политику, вопросы ответственности за преступления террористического характера, а также меры противодействия таким общественно-политическим явлениям, как терроризм и экстремизм.

Цель данной статьи – анализ государственной стратегии Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, а также внесение предложений и рекомендаций по ее дальнейшему усовершенствованию.

По оценкам специалистов, причинами возникновения терроризма в Российской Федерации являются: политическая, экономическая и социальная нестабильность; миграционные процессы; наличие каналов нелегального поступления оружия, взрывчатых веществ и других запрещенных для оборота вещей и предметов; чувство социальной незащищенности у граждан; обострение межнациональных противоречий, порождающих национализм и сепаратизм; распространение в разных регионах государства межконфессиональных конфликтов, развитие религиозного, политического экстремизма, утрата на этом фоне людьми жизненных и идеологических ориентиров [4, с. 64–67; 5, с. 153–157].

На современном этапе развития общества рост угрозы терроризма в России происходит на фоне распространения политического, религиозного, национального экстремизма, обострения гражданской нетерпимости, прежде всего, на фоне общественно-политических отношений, системного финансового кризиса и правового нигилизма [6, с. 48–50]. Данные действия представляют реальную угрозу человеку, обществу и государству в целом, а также политической, экономической, экологической и военной безопасности государства, его территориальной целостности и суверенитету.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными

организациями, связанный с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [7]. Вместе с тем считаем, что отличительными чертами терроризма являются: создание общественной опасности, которая возникает в результате совершения противоправных действий либо угроз их осуществления; публичный характер совершения террористических актов; умышленное создание обстановки страха, напряженности; насилие применяется в отношении одного круга лиц либо объектов инфраструктуры, а психологическое воздействие направлено на других лиц.

Одним из руководящих документов в борьбе с терроризмом в Российской Федерации является Концепция противодействия терроризму, цель которой – определение основных направлений создания и развития общегосударственной системы противодействия терроризму, отвечающей складывающейся оперативной обстановке и перспективам ее развития. Созданная общегосударственная система противодействия терроризму призвана обеспечить системное и эффективное использование потенциала государства и общества для защиты от угроз террористических актов.

Что касается законодательства других стран постсоветского пространства, то, например, цель Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь – обеспечение единства подходов к организации и осуществлению предупреждения, выявления, пресечения и минимизации последствий террористической деятельности, совершенствование правовых и организационных основ борьбы с терроризмом [8]. А Единая концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом обозначает своими основными целями обеспечение защиты республики, ее граждан и других лиц, находящихся на ее территории, от угроз терроризма и экстремизма; ликвидацию террористической и экстремистской угрозы; выявление, устранение и предупреждение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма и экстремизма, а также ликвидацию последствий преступлений террористического и экстремистского характера [9]. Как уже подчеркивалось выше, терроризм и экстремизм – взаимосвязанные явления, поэтому позиция высшего руководства Республики Таджикистан по объединению борьбы с ними в единый стратегический руководящий нормативный акт имеет право на существование. Данный аспект можно учесть и при дальнейшем развитии национального антитеррористического законодательства.

Акцентируем, что данный нормативный правовой акт должен иметь не только долгосрочный, но и исключительно директивный характер, а его диспозиция – быть прямого характера. Это непосредственное руководство к действию, а не документ декларативного характера, как украинская концепция борьбы с терроризмом [10, с. 65–66].

Отметим, что в последние годы деятельность террористических организаций характеризуется новым витком развития.

Во-первых, если раньше террористические действия выражались в форме единичных покушений на глав государств, членов правительства или высших должностных лиц, то сегодня они направлены на широкий круг лиц и объектов, являются тщательно разработанными и подготовленными, осуществляются высококвалифицированными кадрами. Для достижения своих политических,

экономических, религиозных и других целей наблюдается рост террористических актов с большим количеством жертв и материальными потерями, а также происходит объединение экстремистских формирований и криминальных группировок на транснациональном уровне, в том числе на фоне значительного увеличения миграционных процессов.

Во-вторых, усилилась конспиративность действий террористов. Террористическая деятельность приобрела заранее спланированный и тщательно продуманный характер. Создаются подразделения, выполняющие возложенные на них функции по финансированию, разведке, поставке оружия, планированию, подготовке и осуществлению террористических актов.

В-третьих, современный терроризм широко использует достижения науки и техники, самые последние инновационные технологии, благодаря чему существенно возрастают его негативные последствия. Кроме того, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет сегодня является самой доступной и незащищенной от влияния экстремистских и террористических организаций, происходит вербовка людей и открытое распространение запрещенной информации.

В-четвертых, происходит активная пропаганда вражды и ненависти на национальной, религиозной и этнической основе. Цель этой деятельности – распространение идей сепаратизма, религиозного, национального экстремизма в различных регионах для дестабилизации оперативной обстановки и нормальной жизнедеятельности общества.

Как утверждает в новой Стратегии национальной безопасности, Российская Федерация в целях государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, развивает систему выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма; создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, а также противодействия участию российских граждан в деятельности преступных и террористических группировок за рубежом; принимаются меры для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур [11]. Таким образом, борьба с терроризмом – одно из ведущих направлений деятельности правоохранительных и других государственных органов, институтов гражданского общества, граждан и их объединений.

Также особое значение в борьбе с терроризмом в Российской Федерации занимает предупредительная (превентивная, профилактическая) деятельность уполномоченных органов. В настоящее время активно ведется работа по выявлению, изучению и анализу причин и условий существования и распространения терроризма, борьба с идеологией терроризма, разрабатывается и совершенствуется работа по защите уязвимых в террористическом плане объектов. На региональном уровне также необходимо обеспечить целенаправленность и результативность деятельности по разоблачению и нейтрализации террористических идеологий, формирования негативного отношения к ним (см., например, указ Главы Республики Крым от 30.01.2015 № 26-У). Приоритетной

также является деятельность по раскрытию механизмов разработки и пропаганды терроризма, выявлению субъектов, средств, способов и путей его распространения среди населения. Данная деятельность направлена на нейтрализацию угроз национальной безопасности государства, обеспечение и гарантирование мирной жизни российских граждан.

На наш взгляд, предупреждение (профилактика) терроризма – это одно из ключевых направлений в борьбе с данным явлением, поскольку целесообразнее предотвратить и не допустить совершения действий террористического и экстремистского характера, нежели расследовать совершившееся преступление со всеми негативными последствиями.

При исчерпании всех превентивных мер в борьбе с терроризмом должна проводиться как исключительная мера контртеррористическая операция – комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта [7]. В ходе ее проведения могут использоваться элементы армейских операций, осуществляться комплекс мероприятий политического, экономического, социального и информационно-агитационного характера.

Для пресечения террористического акта, обезвреживания террористов и освобождения заложников органы охраны правопорядка используют оружие, специальные средства, боевую технику. Однако при проведении специальных операций (мероприятий) следует исключать возможность получения неполной, необъективной и/или недостоверной информации о террористах, заложниках, объектах преступных посягательств, недооценки противника, неподготовленность личного состава и т. п.

Особого внимания в борьбе с терроризмом также заслуживает вопрос финансирования данного общественно опасного явления. В связи с этим был принят Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который регулирует отношения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, иностранных структур без образования юридического лица, а также государственных органов, осуществляющих контроль на территории Российской Федерации за проведением операций с денежными средствами или иным имуществом, в целях предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма [12]. Согласно с С. А. Буткевичем, который считает, что использование слабых сторон финансовой системы с целью легализации преступных доходов и финансирования терроризма непосредственно угрожает национальной безопасности, представляет реальную угрозу для экономики, ставит под сомнение партнерские отношения с другими странами, а также негативно влияет на международный имидж государства [13, с. 27].

Вместе с тем важным элементом в борьбе с терроризмом считаем грамотно выстроенную информационную политику средств массовой информации. Сведения и данные о заложниках (количество, национальность, политические взгляды и др.), тактике проведения контртеррористической операции, средствах и методах борьбы с терроризмом не должны получать огласку со стороны средств массовой информации, поскольку это может негативно отразиться на проводимых правоохранительными органами мероприятиях, а также использовано в дальнейших действиях террористов. При этом в мероприятиях по противодействию терроризму

важно понимать, что главной целью террористов являются посягательства на основные объекты национальной безопасности, а также нарушение общественного спокойствия, безопасности граждан, оказание разрушительного влияния на социально-политические и общественные процессы.

По нашему мнению, терроризм, прежде всего с транснациональными связями, является реальной угрозой и вызовом не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества. Это наглядно иллюстрирует деятельность таких международных террористических организаций, как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Джебхат-ан-Нусра», «Братья-мусульмане», «Движение Талибан» и др.

Нельзя не отметить в данном контексте роль сотрудничества стран СНГ в вопросах борьбы с терроризмом, важнейшая задача которого – согласованная деятельность правоохранительных органов стран СНГ в борьбе с данным явлением. Основным рабочим органом, обеспечивающим взаимодействие органов безопасности стран постсоветского пространства, является Антитеррористический центр государств-участников СНГ, созданный 21 июня 2000 г. Цель данного Центра – обеспечение координации взаимодействия компетентных органов государств-участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма.

Кроме этого, в целях борьбы с терроризмом в рамках международного сотрудничества Российская Федерация расширяет координацию антитеррористической деятельности, активно участвует в борьбе с терроризмом, осуществляя работу, направленную на подтверждение центральной, координирующей роли Организации Объединенных Наций в отношении противодействия терроризму, выполнение резолюций Совета Безопасности ООН и положений универсальных конвенций в этой области, на эффективную реализацию принятой Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2006 г. Глобальной контртеррористической стратегии. Задекларированные цели подтверждает и проведенная ВКС Российской Федерации военная операция в Сирийской Арабской Республике (сентябрь 2015 г. – март 2016 г.).

Исходя из указанного выше, можно сделать вывод, что государственно-правовая политика в данной сфере должна быть направлена на осуществление комплексного, системного и последовательного противодействия терроризму и экстремизму, а также на многостороннее международное сотрудничество. В контексте данного вопроса для результативной борьбы с любыми проявлениями экстремизма и терроризма, совершенствования правовой базы, настаиваем, что обмен положительным опытом между государствами и субъектами федерации относится к важным и актуальным составляющим комплекса антитеррористических мероприятий.

Для решения указанных проблем, в целях совершенствования системы противодействия терроризму считаем, что антитеррористическая политика Российской Федерации должна быть также направлена на: снижение масштабов и количества террористических актов; минимизацию и недопущение распространения преступлений террористического характера на территории государства, а также нейтрализацию террористических элементов в субъектах федерации; сокращение и исключение вовлечения новых участников в террористические организации, мониторинг оппозиционных групп, радикальных религиозных организаций и т. п.; обеспечение антитеррористической защищенности стратегических объектов инфраструктуры; недопущение (минимизация) нанесения действиями террористов материального ущерба и, тем более, человеческих жертв; привлечение к реальной ответственности членов террористических организаций; систематическое

совершенствование и гармонизация антитеррористического федерального и регионального законодательства с учетом реальных и потенциальных угроз национальной безопасности; проведение научных исследований в данной области и обеспечение сотрудничества между ведомствами и научно-исследовательскими организациями; систематическое повышение квалификации (переподготовка) специалистов в области борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Список литературы

1. Состояние преступности январь – декабрь 2015 года [электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения 30.03.2016).
2. Состояние преступности январь – февраль 2016 года [электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7445977/> (дата обращения 30.03.2016).
3. Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 08 ноября 2015 г.) // Редакция: С. А. Буткевич, А. А. Кашкаров, Н. А. Кравченко, Д. Г. Заброда и др. [Электрон. дан.]. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015.
4. Коноплева А. А. Роль межкультурных конфликтов в развитии экстремизма и терроризма (на примере опыта Российской Федерации и Республики Крым) // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография под общ. ред. С. А. Буткевича. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 64–75.
5. Челпанова М. М. Экономико-правовые основы террористической и экстремистской деятельности // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография под общ. ред. С. А. Буткевича. – Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015. – С. 153–160.
6. Игнатов А. Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (41). – С. 48–50.
7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06 марта 2006 г. №35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Парламентская газета. – 2006. – № 32.
8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25.07.2013 №658 «Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь» [электронный ресурс] // Официальный сайт Законодательство Республики Беларусь. – URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm0/sovnm268.htm> (дата обращения 30.03.2016).
9. Единая Концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 г. № 1717. – Душанбе, 2006. – 4 с.
10. Буткевич С. А. Концепция борьбы с терроризмом в Украине // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 (33). – С. 62–67.
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
12. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Российская газета. – 2001. – № 151–152.
13. Буткевич С.А. Финансовый мониторинг как часть борьбы с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма (по материалам Украины) // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 3 (21). – С. 26–31.

Skrebets Y. S. Fight with terrorism in the Russian Federation: concept and methodology // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 137–144.

Today terrorism is one of the negative social phenomena of modern life, whose scales have acquired global character, and consequences make considerable irreparable damage to world community. As a rule, this

phenomena is characterized by mass human victims, considerable material loss, damage to the cultural values, instigation of hatred between social, political, national and religious groups.

It is proved that fight with terrorism is prior direction in national security provision for any state. The article highlights the main reasons of occurrence and perspectives of terrorism development in the Russian Federation. Special attention is paid to terminology in this sphere, legal backgrounds of terrorism counteraction, peculiarities to prevent the afore-said phenomenon. Interaction between terrorist and extremist activity is specified.

Key words: fight, policy, prevention, terrorism, extremism, national security, threat, counteraction, cooperation.

Spisok literatury

1. Sostoyanie prestupnosti yanvar'-dekabr' 2015 goda [ehlektronnyj resurs] // Ofic. Sajt MVD Rossii. – URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (data obrashcheniya 30.03.2016).
2. Sostoyanie prestupnosti yanvar'-fevral' 2016 goda [ehlektronnyj resurs] // Ofic. Sajt MVD Rossii. – URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7445977/> (data obrashcheniya 30.03.2016).
3. Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu v Kryimskom federalnom okruge: materialyi Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Simferopol, 08 noyabrya 2015 g.) // Red. kollegiya: S.A. Butkevich, A.A. Kashkarov, N.A. Kravchenko, D.G. Zabroda i dr. [Elektron. dan.]. – Simferopol: KF KrU MVD Rossii, 2015.
4. Konopleva A.A. Rol mezhdokulturnykh konfliktov v razvitiy ekstremizma i terrorizma (na primere opyta Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kryim) // Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu v Kryimskom federalnom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya pod obsch. red. S.A. Butkevicha. – Simferopol: KF KrU MVD Rossii, 2015. – S. 64–75.
5. Chelpanova M.M. Ekonomiko-pravovyye osnovyyi terroristicheskoy i ekstremistskoy deyatel'nosti // Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu v Kryimskom federalnom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya pod obsch. red. S.A. Butkevicha. – Simferopol: KF KrU MVD Rossii, 2015. – S. 153–160.
6. Ignatov A.N. Krizis duhovnoy sfery kak faktor determinatsii ekstremizma, terrorizma i kriminalnogo nasiliya v tselom // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 3 (41). – S. 48–50.
7. O protivodeystvii terrorizmu: Federalnyy zakon ot 06 marta 2006 g. № 35-FZ (red. ot 31.12.2014) // Parlamentskaya gazeta. – 2006. – № 32.
8. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus' ot 25.07.2013 №658 «Ob utverzhdenii Konceptcii bor'by s terrorizmom v Respublike Belarus'» [ehlektronnyj resurs] // Ofic. sajт Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus'. – URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm0/sovnm268.htm> (data obrashcheniya 30.03.2016).
9. Edinaya Kontsepsiya Respubliki Tadzhikistan po borbe s terrorizmom i ekstremizmom: utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Tadzhikistan ot 28 marta 2006 g. № 1717. – Dushanbe, 2006. – 4 s.
10. Butkevich S.A. Kontsepsiya bor'by s terrorizmom v Ukraine // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 3 (33). – S. 62–67.
11. O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2016. – № 1 (ch. II). – St. 212.
12. O protivodeystvii legalizatsii (otmyivaniyu) dohodov, poluchennykh prestupnyim putem, i finansirovaniyu terrorizma: Federalnyy zakon ot 07 avgusta 2001 g. № 115-FZ (red. ot 30.12.2015) // Rossiyskaya gazeta. – 2001. – № 151–152.
13. Butkevich S.A. Finansovyy monitoring kak chast bor'by s legalizatsiey prestupnykh dohodov i finansirovaniem terrorizma (po materialam Ukrainyi) // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 3 (21). – S. 26–31.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

УДК 347.1

**ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ В КРЫМУ**

Донская Л. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуется законность обращения в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация) на территории Республики Крым. Сделан вывод, что Государственный Совет Республики Крым сохранил ряд полномочий Верховной Рады Автономной Республики Крым, в том числе по внесению изменений, дополнений, отмене нормативных актов Республики Крым и признанию их утратившим силу. Акцентируется внимание на том, что государство представило Республике Крым право принимать отличные от федеральных нормативных правовых акты, которыми на территории Республики Крым могут быть урегулированы имущественные отношения, в том числе правоотношения по принудительному отчуждению государством имущества у физических и юридических лиц.

Прослежена логическая последовательность принятия нормативных правовых актов, дающих юридическое основание для национализации. Сделан вывод, что нормативные правовые акты, регулирующие указанную проблему, приняты на основании Конституции Российской Федерации и не противоречат ей.

Указывается, что значительный правотворческий опыт Республики Крым по данному вопросу может быть использован в процессе разработки и принятия специального закона о национализации.

Ключевые слова: национализация, нормативный правовой акт, Республика Крым, имущественные правоотношения, отчуждение имущества, юридические лица, физические лица.

Известный русский ученый Шершеневич Г. Ф. в учебнике «Курс гражданского права» писал, что принудительное возмездное отчуждение собственности возможно только со стороны государственной власти и ввиду общепольной цели, уточняя, что вопрос об общепольности в каждом отдельном случае не юридический, а политический [1].

Статья 235 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает ограниченный перечень оснований для принудительного изъятия имущества у собственника, что гарантирует защиту прав и охраняемых законом интересов собственника и исключает случаи произвола со стороны государства.

Этот перечень следует учитывать при рассмотрении любых спорных ситуаций, решения по которым могут предполагать отчуждение имущества у собственника.

Тема национализации редко появляется на страницах научных журналов и продолжает быть неразработанной проблемой со стороны гражданско-правовой науки [3]. Тем не менее к вопросу национализации обращались такие ученые, как: Белов В. А., Губин Е. П., Скловский К. И., А. И. Щенникова.

Мониторинг объектов собственности и собственников в Республике Крым показал, что значительная часть объектов права собственности, обеспечивающих функционирование жизнедеятельности Республики Крым, имеющих особую социальную, культурную и историческую ценность, оказались в собственности иностранных граждан и юридических лиц, что создавало, с учетом международной и политической обстановки, реальную угрозу экономике Крыма, жизни и здоровью граждан.

В. А. Белов писал, что одной из целей национализации является обеспечение надежного функционирования соответствующего сектора экономической системы в экстремальных условиях [3].

И хотя А. В. Щенникова считает, что «упомянутая в кодифицированном гражданском законе национализация является неработающей конструкцией, поскольку не принят необходимый и специальный федеральный закон [2], пример Республики Крым доказал, что отсутствие специального закона о национализации не является препятствием для создания нормативной базы Республики Крым в рамках Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ, обеспечивающих законность процесса национализации.

Указанные проблемы определяют актуальность данной темы на современном этапе.

Постановлением от 17 марта 2014 года №1745-6/14 «О независимости Крыма» Верховная Рада Автономной Республики Крым, исходя из прямого волеизъявления народов Крыма на референдуме 16 марта 2014 г., которое показало, что народы Крыма высказались за вхождение в состав России и, следовательно, за выход из состава Украины и создание независимого государства, руководствуясь Декларацией о независимости Республики Крым, принятой на внеочередном пленарном заседании Верховного Совета Автономной Республики Крым 11 марта 2014 года и внеочередном пленарном заседании Севастопольского городского Совета 11 марта 2014 года, провозглашено независимое суверенное государство – Республика Крым, в котором город Севастополь имеет особый статус.

Пунктом 8 вышеуказанного Постановления установлено, что Республика Крым в лице Верховной Рады Автономной Республики Крым обращается к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта Российской Федерации со статусом республики.

Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 г. №1747-6/14 «Об уполномоченных на подписание межгосударственного договора» Председатель Верховной Рады Автономной Республики Крым Константинов В. А. и Председатель Совета министров Автономной Республики Крым Аксенов С. В. были уполномочены подписать межгосударственный договор о принятии Республики Крым и города с особым статусом Севастополя в Российскую Федерацию.

Частью 2 статьи 9 Договора установлено, что нормативные правовые акты Автономной Республики Крым и города Севастополя, Республики Крым и города с особым статусом Севастополя действуют на территориях, соответственно, Республики Крым и города федерального значения Севастополя до окончания переходного периода или принятия соответствующего нормативного правового акта

Российской Федерации и (или) нормативного правового акта Республики Крым, нормативного правового Российской Федерации и (или) нормативного правового акта города федерального значения Севастополя.

Постановлением от 17 марта 2014 г. №1746-6/14 «О представительном органе Республики Крым» Государственный Совет Республики Крым определил в связи с выходом из состава Украины и провозглашением Республики Крым независимым государством именовать представительный орган Республики Крым Государственным Советом Республики Крым Парламентом Республики Крым со дня провозглашения независимости Республики Крым.

В соответствии с пунктами 1–3 Постановления Государственного Совета от 17 марта 2014 г. №1748-6/14 «О правопреемстве Республики Крым» с момента провозглашения Республики Крым как независимого суверенного государства высшим органом власти Республики Крым является Государственный Совет Республики Крым – Парламент Республики Крым в депутатском составе шестого созыва Верховной Рады Автономной Республики Крым со сроком полномочий до сентября 2015 г.

До принятия Конституции Республики Крым на территории Республики Крым действовала Конституция Автономной Республики Крым 1998 г. При этом нормативно-правовые и иные акты органов власти Автономной Республики Крым, принятые до провозглашения Республики Крым независимым суверенным государством, являются действующими на территории Республики Крым и соответствующих регионов в части, не противоречащей интересам Республики Крым.

В соответствии с частью 2 статьи 26 Конституции Автономной Республики Крым от 1998 г. к компетенции Верховной Рады Автономной Республики Крым относится принятие Конституции Автономной Республики Крым и представление ее на утверждение Верховной Рады Украины, нормативных правовых актов, внесение в установленном порядке изменений и дополнений в них, разъяснение порядка их применения; определение порядка и обеспечение контроля за исполнением Конституции Автономной Республики Крым и нормативно-правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым в пределах ее компетенции.

Согласно статье 75 Конституции Республики Крым от 2014 г., к ведению Государственного Совета Республики Крым относится принятие Конституции Республики Крым, законов Республики Крым, внесение в них изменений; толкование Конституции Республики Крым, законов Республики Крым; принятие постановлений Государственного Совета Республики Крым и внесение в них изменений.

Указанное выше свидетельствует о том, что согласно нормативным правовым актам Республики Крым, компетенция на принятие которых подтверждена вышеназванным Договором, высший представительный орган Автономной Республики Крым фактически был переименован в Государственный Совет Республики Крым, и став представительным (в последующем законодательным) органом Республики Крым, сохранил ряд полномочий Верховной Рады Автономной Республики Крым, в том числе по внесению изменений, дополнений, отмене актов Верховной Рады Автономной Республики Крым и признанию их утратившим силу.

Статьей 95 Конституции Республики Крым установлено, что до урегулирования вопросов интеграции Республики Крым в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему государственной власти Российской Федерации, а также принятия предусмотренных действующей Конституцией законов и иных нормативных правовых актов Республики Крым Конституция Республики Крым применяется с учетом положений Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов и положений Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Согласно положениям части 1 статьи 12.1 Федерального конституционного закона, от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ до 1 января 2017 г. на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя особенности регулирования имущественных, градостроительных, земельных и лесных отношений, а также отношений в сфере кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним могут быть установлены нормативными правовыми актами Республики Крым и нормативными правовыми актами города федерального значения Севастополя по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере.

Данная норма Закона №6-ФЗ не ограничивает право Госсовета по регулированию своими нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, а лишь устанавливает условие, при котором такое регулирование может быть осуществлено.

Таким образом, государство, воспользовавшись правом, предоставленным Конституцией Российской Федерации, приняв Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 №6-ФКЗ, урегулировала гражданские правоотношения, в том числе имущественные, и предоставила Республике Крым право принимать отличные от федеральных нормативные правовые акты, которыми на территории Республики Крым могут быть урегулированы имущественные правоотношения (в том числе правоотношения по принудительному отчуждению государством имущества у физических и юридических лиц), только при условии, что такие акты Республики Крым будут согласованы с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление нормативно-правового регулирования в данной сфере.

В соответствии со статьей 76 Конституции Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации, из чего следует, что федеральные конституционные законы имеют большую юридическую силу, чем федеральные законы, и подлежат преимущественному применению.

Итак, в случае принятия в развитие статьи 12.1 Закона №6-ФКЗ, органами государственной власти Республики Крым нормативных правовых актов,

регулирующих имущественные правоотношения, эти акты будут подлежать преимущественному применению, в том числе, в отношении Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного федеральным законом.

Госсоветом по согласованию с Министерством экономического развития Российской Федерации (письмо Минэкономразвития России от 24.11.2014 г. № 29032-ПК/Д234) принят Закон Республики Крым от 19.01.2015 №72-ЗРК «О внесении изменений в Закон Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым (далее – Закон № 72-ЗРК). Статьей 1 Закона №72-ЗРК Закон Республики Крым от 31.07.2014 №38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» (далее – Закон №38-ЗРК) дополнен статьей 2-1, в соответствии с абзацем 3 части 1 которой право собственности на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, прекращается у прежнего правообладателя и возникает у Республики Крым со дня внесения такого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный Постановлением Госсовета от 30.04.2014 №2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым». Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, указанный в Приложении к постановлению, является окончательным и не подлежит дополнению путем включения в него новых объектов начиная с 1 марта 2015 года, за исключением земельных участков, в том числе ранее образованных, на которых расположено включенное в него недвижимое имущество, а также случаев уточнения данных относительно имущества, указанного в Перечне.

Из вышеуказанного следует, что в данном случае преимущественному применению подлежит Закон №72-ЗРК как принятый в развитие статьи 12.1 Закона № 6-ФКЗ.

8 августа 2014 г. Государственным Советом Республики Крым принят Закон № 47-ЗРК «Об особенностях выкупа имущества в Республике Крым», который определяет механизм выкупа для нужд Республики Крым имущества, расположенного на территории Республики Крым и принадлежащего на праве собственности физическим или юридическим лицам.

Действие Закона №47-ЗРК распространяется на общественные отношения, связанные с выкупом имущества для нужд Республики Крым. Выкуп имущества в соответствии с настоящим Законом осуществляется в случаях, связанных: с необходимостью предотвращения угрозы жизни, здоровью населения Республики Крым; с необходимостью обеспечения функционирования объектов жизнедеятельности; с необходимостью эвакуации людей вследствие катастроф, аварий, несчастных случаев, эпидемий, эпизоотии и других чрезвычайных обстоятельств. Выкуп имущества осуществляется в порядке и сроки, установленные Советом министров Республики Крым, при условии предварительного и равноценного возмещения стоимости имущества. Размер возмещения устанавливается Советом министров Республики Крым на основании отчета об оценке, подготовленного субъектом оценочной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности (статья 2 Закона № 47-ЗРК).

Статьей 3 Закона №47-ЗРК предусмотрено, что перечень имущества, подлежащего выкупу, утверждается Советом министров Республики Крым. В перечень входят 255 объектов. Из них значительное количество – объекты

социального назначения и жизнеобеспечения Республики Крым: ялтинское учебно-производственное предприятие Украинского товарищества слепых, имущество Симферопольской городской общественной организации «Симферопольский авиаспортклуб общества содействия обороне Украины», объекты системы газоснабжения, здания автовокзалов, котельные, рынки, АЗС.

Абзацем 4, 5 статьи 5 Закона № 47-ФКЗ установлено, что собственник выкупаемого имущества считается уведомленным со дня опубликования информации в средствах массовой информации. Для обеспечения стабильного и безаварийного функционирования организаций, оказывающих влияние на жизнеобеспечение, оборону и безопасность Республики Крым, на период до завершения процедуры выкупа объекта может применяться процедура назначения временной администрации по управлению соответствующей организацией.

Как предусмотрено статьей 7 данного закона, выкупленное имущество переходит в собственность Республики Крым. Орган управления выкупленным имуществом определяется Советом министров Республики Крым.

Таким образом, указанным законом Совету министров Республики Крым предоставлены полномочия по принятию решения о выкупе имущества по предложению уполномоченных органов, по принятию решения о применении процедуры назначения временной администрации по управлению соответствующей организацией, по определению порядка и сроков осуществления выкупа имущества.

Изложенное дает основание для вывода о том, что проведенная в Республике Крым национализация была необходима, создана достаточная нормативно-правовая база для законного и эффективного проведения национализации, что, однако, не устраняет актуальности принятия специального закона.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – С. 720.
2. Белов В. А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность // Законодательство. – 1999. – № 2.3. – С. 12–22.
3. Щенникова Л. В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4. – С. 179–186.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 31.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ(ред. от 31.01.2016).
6. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11.04.2014) // Крымские известия. – № 68(5479), 12.04.2014.
7. Постановление Верховной Рады АРК «О независимости Крыма» от 17.03.2014 № 1745- 6/14 // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым, № 3, часть 1, 08.05.2014.
8. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17.03.2014 № 1747-6/14 «Об уполномоченных на подписание межгосударственного договора» // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым. – 2014, № 3, часть 1, 08.05.2014.
9. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17.03.2014 «О представительном органе Республики Крым» // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым. – 2014, № 3, часть 1, 08.05.2014.
10. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 17.03.2014 «О правопреемстве Республики Крым» // Сборник нормативно-правовых актов Республики Крым, 2014, № 3, часть 1, 08.05.2014.
11. Закон Республики Крым от 30 июля 2014 № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» // Крымские известия, № 153, 01.08.2014.
12. Закон Республики Крым от 08.08.2014 № 47-ЗРК «Об особенностях выкупа имущества в Республике Крым» // Крымские известия, № 160, 12.08.2014.

13. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» (вместе с «Перечнем имущества, учитываемого как собственность Республики Крым») (с изм. и доп., вступающими в силу со дня официального опубликования Постановления Государственного Совета Республики Крым от 25.12.2015 № 928-1/15) // Крымские известия. – № 90 (5501), 16.05.2014.

Donskaya L. D. Legal aspects of nationalization in the Crimea // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – P. 145–151.

In the work legality of the address to state ownership of the property which is in property of citizens and legal entities (nationalization) in the territory of the Republic of Crimea is investigated. The conclusion is drawn that the State Council of the Republic of Crimea has kept a number of powers of the Verkhovna Rada of the Autonomous Republic of Crimea, including on modification, additions, avoidance of normative acts of the Republic of Crimea and recognition them become invalid. The attention is focused that the state has afforded a right to the Republic of Crimea to adopt distinct from federal standard legal acts by which in the territory of the Republic of Crimea the property relations, including legal relationship on compulsory alienation of property by the state at natural and legal entities can be settled.

The logical sequence of adoption of the regulations giving a legislative basis for nationalization is tracked. The conclusion is drawn that the regulatory legal acts regulating the specified problem have been adopted on the basis of the Constitution of the Russian Federation and don't contradict her.

It is specified that considerable law-making experience of the Republic of Crimea on the matter can be used in the course of development and adoption of the special law on nationalization.

Keywords: nationalization, regulatory legal act, Republic of Crimea, property legal relationship, alienation of property, legal entities, natural persons.

Spisok literatury:

1. Shershenevich G. F. Kurs grazhdanskogo prava. – Tula: Avtograf, 2001. – S. 720.
2. Belov V. A. Nacionalizacija v rossijskom grazhdanskom prave: istorija i sovremennost' // Zakonodatel'stvo. – 1999. № 2.3. – S. 12–22.
3. Shhennikova L. V. Grazhdansko-pravovaja nauka o nacionalizacii // Vestnik Permskogo universiteta. – 2012. – № 4. – S. 179–186.
4. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetoj popravok, vnesennyh Zakonomi RF o popravkah k Konstitucii RF ot 31.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.08.2014, N 31, st. 4398.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.01.2016).
6. Konstitucija Respubliki Krym (prinjata Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 11.04.2014) // Krymskie izvestija, № 68(5479), 12.04.2014.
7. Postanovlenie Verhovnoj Rady ARK «O nezavisimosti Kryma» ot 17.03.2014 № 1745- 6/14 // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym, № 3, chast' 1, 08.05.2014.
8. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 17.03.2014 № 1747-6/14 «Ob upolnomochennyh na podpisaniemezhgosudarstvennogo dogovora» // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym, 2014, № 3, chast' 1, 08.05.2014.
9. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 17.03.2014 «O predstavitel'nom organe Respubliki Krym» // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym. – 2014, № 3, chast' 1, 08.05.2014.
10. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 17.03.2014 «O pravopreemstve Respubliki Krym» // Sbornik normativno-pravovyh aktov Respubliki Krym, 2014, № 3, chast' 1, 08.05.2014.
11. Zakon Respubliki Krym ot 30 ijulja 2014 № 38-ZRK «Ob osobennostjah regulirovanija imushhestvennyh i zemel'nyh otnošenij na territorii Respubliki Krym» // Krymskie izvestija, N 153, 01.08.2014.
12. Zakon Respubliki Krym ot 08.08.2014 № 47-ZRK «Ob osobennostjah vykupaimushhestva v Respublike Krym» // Krymskie izvestija, N 160, 12.08.2014.
13. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 30 aprelja 2014 № 2085-6/14 «O voprosah upravlenija sobstvennost'ju Respubliki Krym» (vmeste s "Perechnem imushhestva, uchityvaemogo kak sobstvennost' Respubliki Krym") (s izm. i dop., vstupajushhimi v silu s dneja oficial'nogo opublikovanija Postanovlenija Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 25.12.2015 № 928-1/15) // Krymskie izvestija", № 90(5501), 16.05.2014.

УДК 347:22

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА ПО ВЕТХОМУ ЗАВЕТУ БИБЛИИ

Кащенко С. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Ветхий завет Библии содержит в себе довольно многочисленные обязательные для исполнения древними евреями предписания правового, религиозно-правового, религиозного и морально-этического характера, регламентировавшие процесс заключения и расторжения брачного состояния. Практическое осуществление эти предписания получили в Иудее и Израиле, а после исчезновения древнееврейской государственности – в местах компактного (и не только) проживания евреев.

Ключевые слова: Библия, Ветхий завет, Тора, Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, левиратный брак, юридическая фикция, ктуба, разводное письмо, полигамия.

Основными правовыми, религиозно-правовыми, религиозными и морально-этическими источниками, использовавшимися в Иудее и Израиле, для регулирования брачных, как и иных видов общественных отношений, были заветы бога Яхве, переданные им древним евреям через пророка Моисея.

Сведения о них были сосредоточены в Ветхом завете Библии [1], главным образом в его первой части – в Торе (Пятикнижии Моисея), состоящей из пяти книг: Бытия, Исхода, Левита, Чисел и Второзакония [1, с. 1–248].

В ряде других ветхозаветных книг также приводятся сформулированные на основании толкования этих заветов пророками и древнееврейскими авторитетами правила, которые также использовались для регламентации брачных отношений в древнееврейской среде.

Особо следует отметить в этом плане «Книгу притчей Соломоновых, сына Давида (второго иудейского царя)» [1, с. 735–764]. Содержащиеся в ней правила, по словам третьего иудейского царя Соломона, были им сформулированы на основе предписаний Торы, дабы тем самым дать возможность евреям «усвоить правила благоразумия, суда и правоты (права)» [1, с. 735].

Отдельные правила тоже применявшиеся в Иудее и Израиле в сфере заключения и расторжения брака можно обнаружить и в «Книге премудрости (пророка) Иисуса сына Сирахова» [1, с. 796–843], а также в «Книге Экклесиаста, или проповедника (Слове сына Давида, царя в Иерусалиме)» [1, с. 764–773].

Для регулирования брачных отношений среди древних евреев использовались и некоторые правила, содержащиеся в Мишне, представлявшей собой упорядоченный и систематизированный свод установлений Торы [2], а также в толкованиях Талмуда, опирающихся на сравнение версий и различных с ним подходах [3].

Исполнение заветов Яхве, в том числе брачного характера, было обязательным и для Моисея, и для других евреев. Это предписывалось им богом: «И да будут

слова сии, которые я заповедую тебе (Моисею), в сердце твоём (и в душе твоей)» [4, 6:6].

Это, как говорилось во Второзаконии, должно было обеспечить древнему еврею сытую и счастливую жизнь: «Откроет тебе господь небо, чтоб оно давало дождь земле твоей во время свое, и благословит все дела рук твоих..., плод чрева твоего (детей)..., плод земли твоей и плод скота твоего..., житницы твои и кладовые» [4, 26:1–5].

Кроме того соблюдение заповедей Яхве должно было гарантировать древним евреям, что оно, как подчеркивалось в одной из них, поставят их «выше (других) народов», даст им возможность «господствовать над другими народами» и помешает им господствовать над евреями [4, 26:1–12].

А неисполнение древним евреем божьих заповедей должно было сопровождаться негативными последствиями: «Если не будешь стараться исполнять слова закона сего..., пошлет господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь делать» [4, 28: 20, 22].

Во Второзаконии для большей убедительности сообщалось и о тех дополнительных и непереносимых последствиях, которые бог обрушит на еврея, если он «не будет слушать гласа господа бога... и не будет стараться исполнять все заповеди и постановления его» [4, 28:15].

За это его должны были постоянно преследовать и довести до гибели чахлость, горячка, лихорадка, воспаление, засуха, палящий ветер, слепота, «оцепенение сердца», притеснение, неверность жены, разрушение дома, гибель виноградника, потеря сыновей и дочерей, нищета и голод [4, 28:22, 28, 29, 30, 32, 41, 54, 55, 57].

Тем не менее неисполнение божьих заветов не всегда должно было сопровождаться для еврея такими жуткими последствиями. Это могло иметь место, когда «кто из народа земли согрешит по ошибке..., сделает что-нибудь против заповедей господских». В этом случае у него имелась возможность избежать наказания. Для этого ему следовало раскаяться и «принести в жертву козу (или овцу) без порока за грех свой, который он совершил..., в скании, на месте, где закалывают жертву для всесожжения» [5,4:27–32].

В среде древних евреев семья являлась их первичным коллективом и представляла собой совокупность совместно проживающих лиц противоположного пола, объединенных взаимными правами и обязанностями, установленными правилами Ветхого завета.

Они устанавливали условия и порядок заключения и расторжения брака, личные, имущественные и иные отношения вступающих в брак, определяли основные принципы, на основе которых должна была создаваться и функционировать каждая еврейская семья.

Эти правила обладали признаками или правовых, или религиозно-правовых, или религиозных, или морально-этических установлений, регламентировавших различные вопросы заключения и расторжения брака.

Для этого в них использовались различные способы правового, религиозно-правового, религиозного и морально-этического воздействия на их субъектов: предписание, дозволение, запрет, наказание, разъяснение, рекомендация, допустимость, осуждение и одобрение.

Дозволение могло быть прямым или косвенным: «Если кто переспит с женщиною, – говорилось в одной из норм, – а она раба, обрученная мужу, а еще не выкупленная», то он совершит грех, который, однако, может искупить, принеся «в жертву повинности богу овна» [5, 19:20–22].

Иногда методы дозволения и запрета были настолько переплетены, что трудно было определить, какой из них применяется в данной конкретной норме: «Не враждуй на брата твоего и не понесешь за него греха» [5, 19:17].

Религиозный характер ветхозаветного регулирования проявлялся в смешении преступного и греховного, в том, что всякое противоправное действие или бездействие одновременно рассматривалось и как земное преступление, и как преступление против бога.

Довольно часто за нарушение ветхозаветной заповеди предусматривалось применение к виновному только религиозного наказания: «Проклят, кто ляжет с сестрою своею, с дочерью отца своего или дочерью матери своей» [4, 27:22].

Применение разьяснения как одного из способов воздействия на брачные отношения имело место, когда устанавливавшееся Ветхим заветом правило было недостаточно конкретизировано: «Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его розгою, он не умрет; ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней» [6, 23:13–14].

Осуждение в основном использовалось для регламентации в семье морально-этических вопросов: «на женщине не должно быть мужской одежды и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок... всякий, делающий это» [4, 22:5].

В ветхозаветных установлениях за их нарушение часто указывался вид ответственности или защиты. Ответственность обеспечивала осуществление предусмотренного ими действия или их совокупности. А защита устанавливала, в чем именно она заключалась.

По времени своего действия заветы разделялись на постоянные и временные (сроковые). Срок действия первых не ограничивался определенными временными рамками: «И хулитель имени господина должен умереть, камнями побьет его все общество: пришелец или туземец» [5, 24:16].

Сроковые же отличались тем, что их действие могло иметь место только в ограниченное время: «Сын! Прими отца твоего в старости его и не огорчай... Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей» [7, 3:12–16].

Сроковые обычно также определяли момент (время) возникновения или прекращения действия прав или обязанностей указанного субъекта брачных отношений. Так, Второзаконие запрещало еврею повторно брать в жены его бывшую жену, с которой он развелся и которая после этого вышла замуж за другого, а он или умер, или тоже с ней развелся [4, 24:1–4].

В необходимости вступления древних евреев в брак убеждало уже приводившееся в Бытии – первой книге Торы – повествование «о создании господом богом человека из праха земного (Адама) и о предоставлении ему права вечно блаженствовать в раю (Эдеме) при условии невкушения (им) от дерева познания добра и зла [8, 2:7, 8, 17, 27].

Затем в Бытии повествовалось о том, что бог, наблюдая за его райской жизнью, осознал, что «нехорошо быть человеку одному» и «сотворил ему помощника,

соответственно ему изъятю» из ребра Адама (а не из праха земного как его), первую женщину – Еву, «привел ее к человеку» и сказал ему, что «она будет называться его женою» [8, 2:22–23].

Так возникла первая семья, состоявшая из двух лиц противоположного пола. Беззаботная жизнь ее в раю оказалась по вине жены короткой. Из-за того, что Ева оказалась излишне любопытной и нарушила данный богом Адаму запрет: и сама вкусила от древа познания добра и зла, и мужа убедила сделать это же [8, 3:6]. Крайне возмущенный этим бог изгнал Адама (а заодно и его любопытную жену) из рая, «чтобы возделывал землю, из которой он взят» [8, 3:23].

Одновременно он определил, что и Адам, и Ева, и их потомки обязательно должны вступать в брак: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей и будут одна плоть» [8, 2:24].

Богом была определена и основная цель брака: «Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней» [8,9:7].

Одновременно устанавливалось, что на земле для Адама и для Евы райской жизни не будет: «Проклята земля для тебя, со скорбью будешь питаться от нее во дни жизни твоей».

На Адама и его потомков мужского пола были возложены две основные обязанности – быть главой семьи и материально ее обеспечивать за счет его тяжелого труда на земле: «В поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю (не умрешь), из которой ты взят» [8,3:23].

Были установлены и две основные обязанности для Евы и ее наследниц женского пола. Первая заключалась в безусловном подчинении ее своему мужу: «И он будет господствовать над тобой» (видимо для того, чтобы опять чего-либо не натворила в порядке самостоятельности). Вторая же состояла в том, что она «в болезни будет рожать детей» [8,3:16], т. е. то, что этот важный и неизбежный процесс для продолжения человеческого рода будет сопровождаться физическими страданиями женщины.

В других книгах Ветхого завета имелись разъяснения, которые должны были побуждать евреев к вступлению в брак. «Двоим, – говорилось, в частности, в Экклесиасте, – лучше, чем одному, потому что у них (супругов) есть доброе вознаграждение в труде их, ибо если упадет один, то другой поднимет... своего» [9,4:9,10,35].

Обращалось в Экклесиасте внимание и еще на два преимущества состояния в браке. Одно из них заключалось в том, что «если лежат двое, то тепло им, а одному как согреться?». Кроме того, вдвоем легче «устоять против» неприятностей, доставляемых другими людьми [9, 4:11, 12].

А в «Книге (пророка) Иисуса, сына Сирахова» подчеркивалось, что приобретение жены «полагает начало стяжанию (хозяйствованию), приобретает соответственного ему помощника, опору спокойствия его, а у кого нет жены, тот будет вздыхать скитаясь» [9, 36:26–27, 37].

Ветхозаветное регулирование брачных отношений было направлено на упорядочивание среди древних евреев, прежде всего сексуальных отношений между ними – против первоначально распространенных среди них промискуитета (беспорядочных половых связей), кровосмешательства и противоестественных сексуальных связей.

Ветхим заветом санкционировалась возможность заключения между ними трех видов браков: моногамного, полигамного и левиратного. Среди древних евреев преобладал моногамный брак, состоявший из мужа и жены.

На полигамный брак, состоявший из одного мужа и нескольких жен, имели право только мужчины, а для женщин он не допускался. О возможности заключения евреем полигамного брака, например, говорилось в ст. 15 Второзакония [4, 21:15].

Однако, в целом, полигамия не поощрялась, но говорилось об этом не очень конкретно: «Не умножай себе жен, дабы не развратить сердце твое» [4, 17:17].

И в Иудее, и в Израиле количество жен у еврея в каждом конкретном случае определялось, с одной стороны, его сексуальным энтузиазмом, а с другой – его материальными возможностями содержать всех жен. Общеизвестно, что многоженством отличались первые древнееврейские пророки: Авраам одновременно имел 3 жены, Иаков – 2, Моисей – 2. Особенно оно было присуще иудейским и израильским правителям. Исключительным «ударником» в этом плане был прославившийся не только своей мудростью царь Соломон, который по свидетельству исторических источников имел до 700 жен одновременно.

По Ветхому завету, сексуальные отношения могли иметь место только между лицами противоположного пола, вступившими в брак. А им считался юридически значимый союз лиц противоположного пола, заключенный с соблюдением установленных правил для создания семьи. Лица, вступившие в брак, обретали статус супругов: становились носителями определенных семейных прав и обязанностей. Не предусматривалось участие в заключении брака властных структур. Правовое значение он имел после религиозного обряда заключения брака.

Менее распространенным среди древних евреев был левиратный брак, для заключения которого религиозная церемония не требовалась. По Ветхому завету, если 2 брата жили вместе и один из них умирал, то его жена не имела права снова выходить замуж за чужого человека: деверь должен был взять в жены независимо от того, был он уже женат или нет.

Если деверь отказывался это сделать, ей следовало сообщить об этом старейшинам. Если их уговоры на него не действовали, то жена покойного брата должна была в присутствии –10].

В современном семейном праве первым условием, необходимым для вступления в брачные отношения, является достижение желающими это сделать определенного возраста – в основном гражданского совершеннолетия. В Ветхом завете конкретно не указывался такой возраст. Не было в нем и запрета на раннее вступление евреев в брак, когда у них еще не было необходимой для этого психической зрелости, способности обдуманно это делать и осознавать последствия бракосочетания.

Не воспрещалось и вступление в брак малолетним девочкам, когда они еще не обладали необходимой физической зрелостью, чтобы без ущерба для своего здоровья и здоровья ребенка его выносить и родить. Предельные возрастные границы для вступающих в семейные отношения тоже не ограничивались. Поэтому могли вступать в брак и лица преклонного возраста.

Вторым важным условием, соблюдение которого необходимо для вступления в брак в современном семейном праве, является наличие для этого добровольного согласия и мужчины, и женщины. Конкретные указания на этот счет в Ветхом

завете вообще отсутствовали. Но его толкователи из числа древнееврейских мудрецов считали наличие добровольности у вступающих в брак тоже необходимым условием.

В Ветхом завете было немало статей, определявших, какую женщину еврей может взять себе в жены, а какая из них для этого не подходит. В одной из них говорилось, что «в жены он должен брать (только) девицу» [5,21:13]. Но исключение из этого допускалось, когда в роли новобрачной выступала вдова или разведенка.

Не могли быть женой и девушка, утратившая до брака девственность, откровенная блудница, женщина, «опороченная и отверженная мужем своим», и «опороченная вдова» [5,21:7,14].

Еврею запрещались браки с нееврейками: «И не вступай с ними в родство..., их не бери за сына своего, ибо они отвратят сынов твоих от меня (Яхве), чтобы (они) служили другим богам» [7, 4:2, 3].

Одновременно в этом запрете было и исключение. Из соседних народов евреям категорически не позволялось брать в жены только аммонитянок и моваитянок: «Они не могут войти в общество господне (еврейское), потому что не встретили вас (евреев в Палестине) хлебом и водою». А вот женитьба евреев на идуменянках и египтянках допускалась: «Не гнушайся (их)..., ибо ты (был) пришельцем в их земле» [4, 23:7].

Не могли евреи брать в жены и девицу, вдову или разведенку вместе с их сестрами, чтобы они не стали ее соперницами, если муж положит на них не только глаз [5,18:18].

Предусматривалась в Ветхом завете и ситуация, когда мужчина должен был жениться на обольщенной им «необрученной девице». Но если он был состоятельным, то мог этого и не делать, а «заплатить (ее отцу) столько серебра, сколько полагалось за вено девицам» [10, 22:16–17].

Допускался и способ приобретения жены евреем, который первоначально перед собой такой цели не ставил. «Если кто-нибудь, – предписывалось во Второзаконии, – встретится с девицею необрученной и схватит ее, и ляжет с нею, и застанут их, то лежащий с нею должен дать отцу отроковицы 50 сиклей серебра, а она пусть будет его жена, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею» [4, 22:28–29].

Статья Второзакония также устанавливала возможность женитьбы еврея, «когда он выйдет на войну и увидит между пленными женщину, красивую видом, и полюбит ее, и захочет взять ее себе в жены».

В этом случае ему следовало привести пленницу в свой дом, позволить ей освободить свою голову от волос, обрезать ногти, снять пленническую одежду и в течение месяца оплакивать своих родителей. После этого еврей мог «войти к ней и сделаться ее мужем». Но если после этого он в ней разочаровывался, то уже не имел права «продать ее за серебро и обратить ее в рабство». Он должен был «отпустить ее, куда она захочет» [4, 21:11–14].

Ограничений для вступления в брак женщин было немного: они должны были «принять всякого мужа» [7, 36:23]. Родителям дочерей запрещалось их выдавать замуж лишь за неевреев и за «сына блудницы» (рожденного ею вне брака),

поскольку, по завету Яхве, его потомство «не могло войти в общество господне» [4,23:2].

Однако статья Чисел позволяла женщинам «быть женами тех, кто понравится глазам их», но при условии, что они принадлежат «к племени колена (их) отцов» (одного из 12) [11,36:6]. Объяснялось это необходимостью того, чтобы удел отца (если они наследницы) «не переходил из колена в колена, ибо каждый из «сынов Израилевых должен был быть приписан к уделу колена отца своего» [11, 36:7–9].

В Ветхом завете не содержалось конкретных указаний насчет того, как должно осуществляться бракосочетание, но это разъяснялось Мишной и Талмудом. Еврей и еврейка за год до заключения брака на специальной церемонии – на обручении в присутствии других лиц – должны были заявить о своем взаимном желании в него вступить.

После этого в течение года жених копил необходимые для этого деньги, а невеста собирала приданое. Если в течение этого года у одной из сторон пропадало желание вступать в брак, это закреплялось проведением специальной церемонии.

По окончании означенного года происходило бракосочетание. В начале его составлялась ктуба – брачный договор, который жених давал невесте. Он приобретал юридическое значение после того, как его скрепляли своими подписями жених и 2 свидетеля. Значение ктубы было настолько велико, что при ее потере супруги не могли жить вместе, пока не была составлена и подписана новая [12].

В ктубе фиксировались обязательства, которые жених брал на себя в отношении жены. Он обязывался обеспечить ее едой, одеждой, кровом и всем ей необходимым, а также «жить с ней как муж в соответствии с обычаем».

Фраза «жить с ней как муж с женой» подразумевала наличие регулярных сексуальных отношений между супругами. Это должно было происходить во исполнение предписания Торы о том, что муж не должен лишать жену «супружеского сожития» [10, 21:10]. И это было не случайностью: муж должен был быть его инициатором, поскольку женщины считались слишком скромными и стыдливymi, чтобы проявлять в отношении его инициативу.

В ктубе также указывалось приданое невесты – то имущество, которое она приносила в дом мужа. При этом оно разделялось на 2 части: то, которое она передавала в собственность мужа, и то, которое продолжало оставаться в ее собственности. В браке муж мог использовать и ее собственность, но доходы и убытки от ее использования ложились только на него: жена в них участия не принимала [12].

В ктубе оговаривалось и решение тех вопросов, которые могли возникнуть у жены в случае смерти мужа и развода. В ней, в частности, предусматривалось право жены после смерти мужа на проживание в его доме и кормление при этом из его наследства, пока она снова не выйдет замуж. Указывался также размер денежной суммы, выплату которой жених гарантировал будущей жене, если она окажется в нужде после развода [13, с. 519].

После подписания ктубы происходили религиозная церемония и свадебный пир. Не жених, а невеста назначала дату их проведения, чтобы она не совпала с днями ее менструации. Перед первой брачной ночью она должна была посетить миквэ

(естественный или искусственный водоем). Жениху тоже предписывалось совершить омовение своего тела.

Начало брачной жизни не всегда было радостным для молодой жены. Как отмечалось во Второзаконии, это имело место, когда «кто возьмет жену, войдет к ней и возненавидит ее..., не найдет у нее девства». Об этом он мог просто заявить, когда хотел избавиться от нее по другим причинам.

В этом случае отец и мать молодой жены должны были «вынести признаки девства отроковицы к старейшинам» и заявить, что супруг необоснованно «возводит на нее порочные дела» и «расстелить ее одежду пред старейшинами».

Если это тех убеждало, то они принимали решение о наказании на мужа за ложное распространение о жене худой молвы: он должен был выплатить ее отцу 100 сиклей серебра. А когда старейшины не находили у жены «признаков девства», Второзаконие предписывало им привести ее к дверям дома ее отца, чтобы «жители города побили ее камнями до смерти» [4, 22:13–21].

Медовый месяц у супругов мог выходить за пределы месяца. Второзаконие предписывало молодого мужа освобождать в течение года после бракосочетания от участия в военных действиях, если они велись. Он должен был «оставаться в своем доме в продолжение этого года для того, чтобы увеселять жену свою, которую взял» [4, 24:5].

Вопреки предписаниям Ветхого завета о всеобщем состоянии древних евреев в браке, их семьи не всегда отличались стабильностью, что иногда сопровождалось их разрушением. И в Иудее, и в Израиле это происходило и без административного, и без судебного разбирательства и их решения.

Неограниченное право на расторжение брака имел только муж, который в любое время мог им воспользоваться, не обращая внимание на то, как к этому относится его жена.

Стараясь уменьшить количество разводов, пророк Иисус, сын Сирахова рекомендовал мужьям не торопиться с разводом, внимательно при этом учитывать достоинства жены: «не оставляй умной и доброй жены, ибо достоинства ее драгоценнее золота. Есть у тебя жена по душе, не оставляй ее» [7:21, 28].

В Ветхом завете имелаась специальная статья, регламентировавшая процесс расторжения брака: «Если кто возьмет жену, – говорилось в ней, – и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, (то пусть) напишет ей разводное письмо и даст ей в руки и отпустит из дома своего» [4, 24:1–2].

Устанавливалось, что этот документ должен был быть написан или им самим, или его представителем. Письмо следовало писать на имя жены, а в нем должно было говориться о том, что муж изгоняет ее из семьи и своего дома. Он мог сам вручить этот документ жене при свидетелях или использовать для этого своего представителя.

Врученное разводное письмо являлось юридическим документом, следствием которого было прекращение брачных отношений между мужем и женой [12].

На начальном этапе истории древних евреев жена не имела права на развод, но позже в древнееврейской среде установилась традиция, в соответствии с которой она тоже могла стать инициатором разрыва брака.

В этом случае она имела право требовать от мужа вручения им ей разводного письма. Если тот отказывался его дать, то Рамбам предлагал пороть его до тех пор, пока он не соглашался. Получив его, жена считалась разведенной и могла снова по своему усмотрению выйти замуж [14].

Использование установлений Ветхого завета по вопросам заключения и расторжения брака оказало благоприятное воздействие на древнееврейское общество. Оно привело к упорядочению среди евреев сексуальных отношений, к прекращению тех из них, которые носили беспорядочный характер или отличались кровосмесительством или противоестественностью.

Список литературы

1. Библия или книги священного писания Ветхого и Нового завета. – С параллельными местами. – Издание одиннадцатое. – С благословения святейшего правительствующего Синода. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1913. – 1548 с.
2. Мишна «www.chassidus.ru/librsry/mishnah/index.htm».
3. Талмуд «www.jewish.gu/educatio/talmud/htm».
4. Библия. Ветхий завет. Второзаконие.
5. Библия. Ветхий завет. Левит.
6. Библия. Ветхий завет. Книга притчей Соломоновых.
7. Библия. Ветхий завет. Книга премудрости (пророка) Иисуса сына Сирахова.
8. Библия. Ветхий завет. Бытие.
9. Библия. Ветхий завет. Книга Экклесиаста или проповедника (Слово Экклесиаста сына Давидова царя в Иерусалиме).
10. Библия. Ветхий завет. Исход.
11. Библия. Ветхий завет. Числа.
12. Дашевский З. Курс «Законы семьи». «www.machanaim.org/yeargeun/dachbrak/lek9.htm».
13. Телушкин И. Древнееврейский мир: Важнейшие сведения о еврейском народе, его истории и религии. – М.: Лехаим, 1998. – 574 с.
14. Тверской И. Книга Рамбама «Мишна-Тора» / Перевод М. Бартова «www.judaicaru.org/library/rambam5.htm.1».

Kashchenko S.G. A marriage and divorce in the Old Testament of the Bible // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2(68). № 1. – P. 152–161.

The Old Testament of the Bible contains numerous mandatory prescriptions of legal, religious, moral and ethical character, which regulated the process of marriage and divorce among the ancient Hebrews. These provisions were practically implemented in Judah and Israel, and after the disappearance of the Hebrew state it has been used in the areas of compact (and not only) Jewish residence.

Key words: Bible, Old Testament, Torah, Genesis, Exodus, Leviticus, Numbers, Deuteronomy, levirate marriage, legal fiction, ketubah, bill of divorcement, polygamy.

Spisok literatury

1. Bibliya ili knigi svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta. – S parallelnymi mestami. – Izdanie odinnadtsatoe. – S blagosloveniya svyateyshego pravitelstvuyushchego Sinoda. – Sankt-Peterburg: Sinodalnaya tipografiya, 1913. – 1548 s.
2. Mishna «www.chassidus.ru/librsry/mishnah/index.htm».
3. Talmud «www.jewish.gu/educatio/talmud/htm».
4. Bibliya. Vethiy zavet. Vtorozakonie.
5. Bibliya. Vethiy zavet. Levit.

6. Bibliya. Vethiy zavet. Kniga pritchey Solomonovyh.
7. Bibliya. Vethiy zavet. Kniga premudrosti (proroka) Iisusa syna Sirahova.
8. Bibliya. Vethiy zavet. Bytie.
9. Bibliya. Vethiy zavet. Kniga Ekklesiasta ili propovednika (Slovo Ekklesiasta syna Davi-dova tsarya v Ierusalime).
10. Bibliya. Vethiy zavet. Ishod.
11. Bibliya. Vethiy zavet. Chisla.
12. Dashevskiy Z. Kurs «Zakony semi» «www.machanaim.org/yearreun/dachbrak/lek9.htm».
13. Telushkin I. Drevneevreyskiy mir: Vazhneyshie svedeniya o evreyskom narode, ego istorii i religii. – M.: Lehaim, 1998. – 574 s.
14. Tverskoy I. Kniga Rambama «Mishna-Tora» /Perevod M. Bartova «www.judaicaru.org/library/rambam5.htm.1».

УДК 347.43

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Ярошевская А. М., Бахриева З. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются суть и содержание договора о предоставлении юридических услуг. Констатируется неоднозначность подхода в определении природы указанной договорной конструкции, а также отсутствие целостной правовой дефиниции этой правовой модели.

Анализируя предмет договора о предоставлении юридических услуг (юридической услуги), одновременно раскрываются особенности применения в правоприменительной практике названной договорной модели, а также осуществляется попытка разграничения указанного договора и иных гражданско-правовых договоров. Отмечается, что разновидностью договора о предоставлении юридических услуг является договор поручения на представление интересов заказчика (физических или юридических лиц) в судах, а также ведение от его имени переговоров по юридическим вопросам с контрагентами заказчика.

Ключевые слова: юридические услуги, договор о предоставлении юридических услуг, договор поручения, смешанный договор.

Договор о предоставлении юридических услуг сегодня имеет очень широкое применение. Он используется везде, где речь идет о совершении действий или осуществлении определенной деятельности юридического характера: предоставление консультаций (устных или письменных) по правовым вопросам, подготовка правовых заключений, составление различных юридических документов (заявлений, жалоб и т. д.), осуществление представительства интересов физических или юридических лиц в судах, предоставление правовых рекомендаций и иное). Причем названная юридическая конструкция – договор о предоставлении юридических услуг – используется субъектами предоставления услуг нередко вне зависимости от результата их действий (деятельности): или имеет овеществленную (материальную) форму, отделенную от самих действий, или выражается лишь в определенном корыстном эффекте, что используется заказчиком (клиентом) во время их осуществления. Как следствие – неправильное использование норм Гражданского кодекса (далее – ГК), а именно глав 37 и 39 ГК. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что представление о договоре о предоставлении юридических услуг не всегда является однозначным. Это выражается в отсутствии единого мнения относительно сути предмета договора, соотношении его со смежными договорами, относительно распределения рисков разного рода между сторонами названного договора, случаев проявления «двойственности» этого договора. Анализ же судебной практики, и, в первую очередь, арбитражных судов, еще раз ярко свидетельствует о наличии сомнений содержания договора о предоставлении юридических услуг с точки зрения договора как юридического

факта, что в целом требует усовершенствования существующих взглядов на указанный договор и подтверждает актуальность этой статьи.

Анализ последних исследований и публикаций позволяет прийти к выводу, что указанные вопросы поднимались в работах ряда ученых и практиков (М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, Ю. В. Романец) и деятельности ведущих юридических компаний. Впрочем, очевидно, что в нескольких статьях не возможно полностью раскрыть суть и особенности договора о предоставлении юридических услуг, много вопросов остаются неопределенными, что приводит, в свою очередь, к отсутствию целостной правовой дефиниции этой правовой модели.

Основными целями этой статьи являются:

- показать исторические предпосылки формирования такой договорной конструкции, как договор о предоставлении юридических услуг;
- определить и раскрыть особенности предмета отмеченного договора, в частности юридической услуги;
- раскрыть особенности применения в правоприменительной практике названной договорной модели.

Следует подчеркнуть, что очерченными аспектами особенности юридической конструкции – договора о предоставлении юридических услуг – не исчерпываются. Ее использование субъектами гражданского права поднимает на поверхность и ряд иных, присущих только этому договору, критериев: содержание прав и обязанностей исполнителя (физического или юридического лица, осуществляющего деятельность в сфере права или занимающегося иной юридической деятельностью)¹ и заказчика (физического или юридического лица), особенности гражданско-правовой ответственности сторон этого договора, вопроса распределения рисков за недостижение позитивного результата и некоторые иные. Впрочем, названные вопросы находятся за пределами этой статьи и будут раскрыты в дальнейших работах.

Стремление законодателя дать правовую регламентацию наибольшему количеству родовых отношений, связанных с предоставлением различных услуг (образовательных, медицинских, иных), нашло свое отражение в гл. 39 ГК РФ, посвященной договору о предоставлении услуг. Однако можно согласиться с существующим в научной литературе утверждением, что это отображение многовековой истории римской юриспруденции, как раз столкнувшись с существованием подобных отношений, навсегда, о чем свидетельствуют первые гражданские кодексы Австрии, Германии, закрепила их в форме *locatio conductio operatum*, основные положения которого наполняют содержание и современного договора о предоставлении услуг.

Locatio conductio operatum является древнейшим прообразом «современного» договора о предоставлении юридических услуг, договором найма услуг, который регулировал сначала предоставление услуг поденщиками и ремесленниками [1, с. 207, 209], а несколько позднее стал расширять свое действие и на лиц «свободной

¹ Физическое или юридическое лицо, осуществляющее деятельность в сфере права или занимающееся иной юридической деятельностью, в этой статье условно будет именоваться субъектом, осуществляющим частную юридическую практику.

профессии», в частности, услуги адвокатов, бухгалтеров, врачей и тому подобное [2, с. 372]. Если услуги последними были предоставлены добровольно, магистраты разбирали эти дела в *congñitio extraordinaria* как такие, которые касаются требований гонорара, так и относительно возможных встречных требований [1, с. 290]. Следовательно, *locatio conductio operatum* был юридическим основанием возникновения обязательств между адвокатом и заказчиком, в силу которого одна сторона, которая нанималась (*locator*, адвокат), брала на себя обязанность предоставлять в пользу иной стороны – нанимателя (*conductor*, заказчик) – определенные услуги, которые наниматель обязывался оплатить. Сегодня же договор о предоставлении юридических услуг в гражданском законодательстве Российской Федерации отдельно не выделяется. Возникновение правоотношений между субъектом, осуществляющим частную юридическую практику, и заказчиком по предоставлению юридических услуг происходит в результате реализации его участниками принципа свободы договора (ст.ст. 1, 421 ГК РФ), что, по справедливому замечанию проф. И.А. Покровского, является неминуемым следствием самого назначения договора – служить формой для определенных частных отношений [3, с. 250].

Каждый раз, когда законодатель выделяет любой тип (вид) договоров (то есть общие нормы про родовую группу договоров. – А. Я.) и устанавливает для него специальный правовой режим, он тем самым создает модель, которая является эталоном не только при принятии новых, но и при применении определенных норм [4, с. 14]. Договор определенного типа (вида) становится эталоном благодаря тому, что имеет конститутивные признаки, названные законодателем в императивной норме. Исходя из того, что конститутивными признаками договора возмездного оказания услуг являются те, которые названы прямо или косвенно отражены в его легальном определении (ст. 779 ГК РФ), в состав таких признаков по договору о предоставлении юридических услуг, в первую очередь, должна быть отнесена следующая: юридическая услуга, потребляемая в процессе совершения определенного действия или осуществления определенной деятельности исполнителем – субъектом осуществления частной юридической практики. Соответственно, отсутствие у заказчика обязанности принять ее, иначе – приходиться для осуществления исполнителем определенного действия (например, для получения юридических рекомендаций).

В общем виде те действия (деятельность) обязанного лица, на которые вправе претендовать кредитор в обязательстве, охватываются понятием «предмет договора». Предмет имеет решающее значение для ограничения договоров один от другого. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть юридическую услугу как составляющую предмета договора о предоставлении юридических услуг.

В первую очередь, стоит отметить, что сегодня в науке гражданского права нет единого мнения относительно определения такой правовой категории, как «услуга». Одни ученые определяли услугу как деятельность, направленную на создание удобств или предоставление льгот контрагенту по обязательственным правоотношениям [5, с. 118]. По мнению других авторов, услуга – это деятельность гражданина или юридического лица, направленная на удовлетворение потребностей иных лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основании трудовых правоотношений [6, с. 95]. Некоторые ученые под услугой понимали сам результат

действия, осуществляемого в соответствии с гражданско-правовым обязательством лица, не связанный с созданием конкретного материального объекта, вещи [7, с. 186], непередаваемо, неразрывно связанное с деятельностью исполнителя благо, имеющего потребительскую стоимость и вследствие этого являющегося объектом гражданского права.

Представляется, что раскрыть юридическое содержание услуги полностью можно лишь с учетом некоторых ее экономических признаков. Во-первых, какая-либо услуга, в том числе и юридическая, может проявляться только в процессе осуществления определенных целесообразных действий либо деятельности (как совокупности действий), направленных непосредственно на удовлетворение той или иной потребности лица. Особенность потребностей заказчика (клиента), как правило, заключается в том, что они делают носителем полезных свойств, полезного эффекта сам процесс труда юриста, а именно осуществление последним определенного действия или осуществление конкретной деятельности юридического характера. Процесс удовлетворения потребностей заказчика – это процесс усвоения им тех или иных полезных свойств деятельности (действий) субъекта предоставления юридических услуг. Иными словами, услуга – это благо, представляющее собой совокупность полезных свойств конкретной деятельности, ее полезный эффект, способный удовлетворить интерес (потребности) заказчика в решении тех или иных юридических вопросов.

Таким образом, юридической услугой необходимо признать именно полезный эффект как совокупность полезных свойств действий (деятельности) юридического характера исполнителя, непосредственно направленных на удовлетворение потребностей заказчика. Действительно, услуга может проявиться лишь в процессе осуществления целесообразной деятельности или определенных действий. Но услуга – это результат действия, осуществляемого в соответствии с гражданско-правовой обязанностью лица, не связанного с созданием конкретного материального объекта. Однако поскольку полезный эффект (благо) можно отделить от самой деятельности исполнителя только мысленно, с помощью научной абстракции [8, с. 335], то условно услугой называют такую деятельность лица, результат которой не имеет овеществленной, материальной формы и представляет собой определенный положительный эффект, способный удовлетворить те или иные человеческие потребности.

С учетом сделанного замечания юридическую услугу как предмет договора о предоставлении юридических услуг здесь можно определить как результат такой деятельности субъекта, осуществляющего частную юридическую практику, полезные свойства которого способны удовлетворить те или иные потребности заказчика в решении его правовых проблем непосредственно в процессе протекания целесообразной деятельности такого исполнителя. Но следует подчеркнуть, что по договору о предоставлении юридических услуг действия юридического характера исполнителя совершаются (или деятельность осуществляется) в направлении заказчика, который потребляет полезные свойства таких действий (деятельности) непосредственно во время их осуществления.

Указанное обстоятельство имеет существенное значение для выделения из группы договоров о предоставлении юридических услуг такого их вида, как договор поручения. В последнем, во-первых, действия или деятельность исполнителя

(поверенного) непосредственно направлены на других лиц. Например, договором поручения должны регулироваться отношения по осуществлению представительства интересов заказчика (физических или юридических лиц) в судах, ведение от его имени переговоров по юридическим вопросам с контрагентами заказчика и тому подобное. Во-вторых, договором поручения охватываются такие юридические услуги исполнителя, которые направлены на осуществление юридически значимых действий.

Представленное выше определение юридической услуги целесообразно раскрыть путем указания на ее признаки, что позволит отграничить ее, в частности, от так называемой «юридической работы», то есть такой деятельности субъекта, осуществляющего частную юридическую практику, которая всегда предполагает достижение определенного овеществленного (материального) и отдельного от самой деятельности результата, который может быть гарантирован указанным субъектом и именно его заказчик должен оплатить (например, «работой» будет разработка проекта договора, подготовка правового заключения, жалобы для заказчика). Хотя, по мнению проф. М.И. Брагинского, разграничение самих понятий «услуга» и «работа» в большей части носит условный характер: с точки зрения того, кто предоставляет услугу, соответствующее действие представляет собой «работу», а для того, кому (в интересах) она делается, – «услугу» [9, с. 229].

По мнению В. И. Жукова и Б. И. Юрковского, к признакам, присущим каждой услуге, следует отнести: 1) неосвязаемость; 2) неотделимость от источника; 3) изменчивость качества; 4) несохранность; 5) доверительный (конфиденциальный) характер самой деятельности по предоставлению услуг [10, с. 20]. Наряду с названными признаками Д. Степанов указывает также на эксклюзивность услуги, синхронность предоставления и получения [11, с. 16], А. В. Тихомиров – на ее неуловимость, высокую степень неопределенности [6, с. 98].

В этой связи, по нашему мнению, нельзя признать удачным использование в цивилистической науке терминов «материальная» и «нематериальная» услуга [12, с. 198–200; 13, с. 538–540]. В таком случае может сложиться неверное представление о том, что объектом обязательства по предоставлению юридических услуг может быть материальная услуга, то есть некоторый овеществленный результат (например, разработка проекта договора, жалобы и т. д.). С целью совершенствования юридической терминологии, выработки единых правовых понятий и избежания путаницы предлагается использовать термин «услуга», во-первых, без указания на ее возможные экономические формы (материальные и нематериальные), а во-вторых, применять названный термин только к правоотношениям (обязательствам) о предоставлении услуг.

Все указанные выше признаки свойственны и непосредственно юридическим услугам. Юридическая услуга отличается тем, что она не подлежит полной стандартизации, ведь характер самих действий исполнителя может существенно отличаться в зависимости от многих различных факторов и обстоятельств (отсутствии определенной информации, документов, наличия запретов со стороны законодательства и т. п.).

Юридические услуги, по мнению Ю. В. Романец, имеют и такую существенную специфику, определенную особым характером договорного результата (юридически

значимые действия) и, соответственно, своеобразным характером процесса труда, направленного на его достижение [14, с. 409].

Учитывая указанное, юридическую услугу предлагаем определить как такую деятельность субъекта, осуществляющего частную юридическую практику, направленную на достижение результата, свойства которого способны удовлетворить потребности лица в защите его гражданского права или интереса или в поддержании его правового положения непосредственно в процессе протекания действий (деятельности) исполнителя, не имеющего предметного выражения (материальной формы) и не может быть им гарантированным.

Когда к субъекту предоставления юридических услуг обращается физическое или юридическое лицо с целью, например, решения определенной правовой проблемы, и после осуществления определенных действий (деятельности) юридического и фактического характера, обусловленных объективной необходимостью с учетом «состояния запущенности проблемы» (проведение переговоров с контрагентом клиента, направление ему претензии и т. п.), физическое или юридическое лицо избавляется от своей проблемы, вопросов о наличии юридической услуги (работы), как правило, не возникает. Другое дело, когда при осуществлении аналогичных действий юридического характера потребность заказчика не удовлетворена: нарушенные права не восстановлены, ущерб не возмещен и т. п. Предоставлена ли в данном случае юридическая услуга? Представляется, что при надлежащем исполнении со стороны исполнителя всего, что было оговорено соглашением сторон, на этот вопрос нужно ответить положительно. Вся проблема, очевидно, в том, что степень влияния полезных свойств конкретных юридических действий (деятельности) исполнителя – юридической услуги – оказалась или недостаточной для удовлетворения известной потребности заказчика, или же удовлетворение этой потребности, кроме наличия услуги, зависит и от других обстоятельств (например, пропуска срока исковой давности для взыскания пени по договору, отсутствия необходимых документов и т. п.). Считаем, что результат действий может заключаться и в завершенной деятельности.

Итак, учитывая вышеизложенное, условием о предмете договора о предоставлении юридических услуг следует признать достигнутое между субъектом предоставления юридических услуг (исполнителем) и заказчиком согласие о характере, содержании, объеме и т. п. их взаимных действий, в отношении которых после заключения договора устанавливаются взаимные права и обязанности.

При определении условия о предмете договора о предоставлении юридических услуг стороны могут предусмотреть непосредственно и конкретный способ совершения действий или осуществления деятельности исполнителем. Если стороны не предали этому условию (способу) существенного значения, определение способа осуществления тех или иных действий (деятельности) юридического характера должно оставаться на личное усмотрение конкретного исполнителя (например, юриста, ведущего дело), который при выборе конкретного способа должен исходить из интересов заказчика и основываться на современных достижениях юридической науки. В то же время необходимо отметить, что ни один способ осуществления действий (деятельности) нельзя признать заранее успешным

на сто процентов, ведь каждый из них связан только с определенной высокой или низкой степенью вероятности желаемого результата для заказчика.

При определении действий юридического характера непосредственно субъектом предоставления юридических услуг может иметь место и «гиперобслуживание», то есть назначение лишних услуг, что непременно отразится и на условии о цене договора, в денежных суммах, подлежащих оплате заказчиком. Однако в этом случае сложно точно измерить и потенциальный выигрыш для дел заказчика. Несмотря на это представляется, что в любом случае, когда действия юридического характера (юридические услуги) определяются непосредственно субъектом предоставления юридических услуг, они должны отвечать следующим основным требованиям: быть в каждой конкретной ситуации достаточными, целесообразными, экономически эффективными и, наконец, не превышать меру необходимого.

Закрепление указанных требований на законодательном уровне, по нашему мнению, позволит, с одной стороны, экономить бюджетные средства, если речь будет идти о юридических услугах, например, в рамках уголовного дела бесплатно для обвиняемого, подсудимого, а с другой – будет одной с правовых гарантий прав заказчика от злоупотреблений исполнителя – субъекта хозяйствования, занимающегося юридической практикой как предпринимательской деятельностью.

Представляется, что действия юридического характера должны быть соизмеримы выразительности «правовой проблемы» заказчика и его потребностям, своевременные и эффективные на момент совершения. Соответственно, те действия юридического характера, которые не обусловлены и объективно не вызваны «юридической необходимостью» заказчика, то есть выходят в конкретной ситуации за рамки требований достаточности, целесообразности, экономической эффективности и превышают меру необходимого, не подлежат оплате заказчиком.

В юридической практике существуют и такие виды договоров между исполнителем и заказчиком, в которых рамками договора охватывается и результат действий (деятельности) исполнителя, иначе результат становится неотъемлемой частью соответствующих действий как таковых: в договор о предоставлении юридических услуг включается не только осуществление определенных действий (деятельности), но и предоставление заказчику результата действий исполнителя (например, письменных заключений, проектов договоров и других документов). В таком случае есть основания говорить или о договоре подряда, или о смешанном договоре, содержащим элементы договора подряда и договора о предоставлении услуг.

В некоторых случаях юристы используют еще одну модель договора о предоставлении юридических услуг, при которой исполнитель принимает на себя обязанность осуществить определенное действие или деятельность с тем, что если действие или деятельность приведет к тому, что называют «эффектом услуги» (достигнут положительный для заказчика результат), то исполнителю будет выплачена иная, более высокая сумма. Таким эффектом, например, может быть вынесение судом решения об удовлетворении заявленного от имени заказчика иска, или, наоборот, об отказе в иске, предъявленного к заказчику.

Впрочем, представляется, что в договоре о предоставлении юридических услуг по досудебному представительству заказчика условие о выплате дополнительного

вознаграждения за вынесение судом определенного решения является незаконным, поскольку, как верно заметил Ю. Романец, судебное решение не может быть объективным критерием количества и качества предоставляемых юридических услуг [14, с. 400]. Судебное решение – это результат деятельности суда, а не представителя одной из сторон. Поэтому решение суда является показателем качества правосудия, а не услуг исполнителя – субъекта предоставления юридических услуг. Сторона частного-правового гражданского договора не должна получать вознаграждение за результат публично-правовой деятельности [14, с. 400]. По общему правилу, исполнитель приобретает право на оплату своих услуг после выполнения определенных действий в соответствии с договором, поэтому отказ заказчика от оплаты фактически оказанных услуг является недопустимым. В то же время если оплата обуславливалась вынесением судом определенного решения в пользу заказчика, то требования со стороны исполнителя о взыскании подобной оплаты не подлежат удовлетворению. В этом случае размер вознаграждения должен определяться с учетом фактически выполненных действий.

Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) договор о предоставлении юридических услуг может применяться в случаях, когда: а) действия (деятельность) субъекта осуществления частной юридической практики непосредственно направлены на заказчика; б) результат действий (деятельности) исполнителя неотделим от самого процесса их совершения (осуществления) и потребляется заказчиком непосредственно в процессе осуществления такой деятельности (совершение действий); в) результат действий (деятельности) субъекта, осуществляющего деятельность в сфере права, не имеет вещественного, предметного выражения (формы);

2) разновидностью договора о предоставлении юридических услуг является договор поручения на представление интересов заказчика (физических или юридических лиц) в судах, ведение от его имени переговоров по юридическим вопросам с контрагентами заказчика и тому подобное. Иными словами, договором поручения охватываются такие юридические услуги исполнителя, которые направлены на осуществление юридически значимых действий, то есть действий, влекущих возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей у заказчика в отношении третьих лиц;

3) если в договор включаются условия о предоставлении исполнителем заказчику определенных материальных результатов его действий или деятельности (проекты договоров, заявлений, жалоб, правовых заключений и иных юридических документов), и это сопровождается предоставлением консультации по использованию этих документов, то такой договор приобретает смешанный характер и содержит элементы договора подряда и договора оказания юридических услуг. Причем предметом такого смешанного договора будут охватываться действия исполнителя в различных формах, в том числе в форме подготовки проектов процессуальных документов, которые подписываются самим заказчиком;

4) если договор между субъектом частной юридической практики и заказчиком содержит условие о предоставлении консультации по определенным вопросам и представление интересов заказчика в суде, речь также должна идти о смешанном договоре с элементами договора о предоставлении юридических услуг и договора поручения.

Список литературы

1. Барон Ю. Система римского гражданского права. Пер. с нем. Л. И. Петражицкого. 3-е изд. / испр. по 9-му нем. изд. / Вып. III. Книга IV. Обязательственное право. – СПб., 1910. – 250 с.
2. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву. Пер. с нем. под ред. и с прим. А. Б. Думашевского. – СПб., 1875. – 603 с.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – 351 с.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – М., 1999. – 841 с.
5. Калмыков Ю. Х. К понятию обязательств по оказанию услуг в гражданском праве // Советское государство и право. – 1966. – № 5. – С. 116–119.
6. Тихомиров А. В. Медицинская услуга. Правовые аспекты. – М., 1996. – 352 с.
7. Гражданское право Украины: Учебник для вузов системы МВД Украины: В 2-х частях. Ч. 1 / Под ред. проф. А. А. Пушкина, доц. В. М. Самойленко. – Х., 1996. – 440 с.
8. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций: В 2-х томах. Т. 1. – Свердловск, 1972. – 396 с.
9. Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М., 1999. – 254 с.
10. Жуков В. И., Юровский Б. И. Юридическая природа «услуги» // Экспресс-анализ. 1999. – № 15. – С. 20–22.
11. Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. – 2000. – № 2. – С. 16–18.
12. Гражданское право: Учебник: В 2-х т. Том 2 / Под ред. Е. А. Суханова. – М., 1994. – 384 с.
13. Гражданское право: Учебник. Ч. II / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1997. – 784 с.
14. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. – М., 2001. – 496 с.

Yaroshevskaya A., Bakhrieva Z. The features of the legal models of contract of rendering of legal services // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 1 (67). № 1. – P. 162–170.

In this article explores the essence and content of the contract of rendering of legal services. The article defines the ambiguous approach in determining in the nature of this contractual construction, and the lack of a holistic legal definition of this legal model. Analyzing the subject of the contract of rendering of legal services (legal service), at the same time reveals the features of the application in law enforcement of this contract model is an attempt to contract the said distinction from other legal contracts. It is noted that a kind legal services for the contract is a contract of agency to represent the interests of the client (of individuals or entities) in courts, as well as conducting the negotiations on behalf of the Committee on Legal Affairs with the contractors of the customer.

Keywords: legal services, contract of rendering of legal services, contract orders, a mixed contract.

Spisok literaturey

1. Baron YU. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Per. s nem. L.I. Petrazhitskogo. 3-ye izd. / ispr. po 9-mu nem. izd. / Vyp. III. Kniga IV. Obyazatel'stvennoye pravo. – SPb., 1910. – 250 s.
2. Vindsheyd B. Ob obyazatel'stvakh po rimskomu pravu. Per. s nem. pod red. i s prim. A.B. Dumashевского. – SPb., 1875. – 603 s.
3. Pokrovskiy I.A. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava. – M., 1998. – 351 s.
4. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoye pravo. – M., 1999. – 841 s.
5. Kalmykov YU.KH. K ponyatiyu obyazatel'stv po okazaniyu uslug v grazhdanskom prave // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1966. – № 5. – S. 116–119.
6. Tikhomirov A.V. Meditsinskaya usluga. Pravovyye aspekty. – M., 1996. – 352 s.
7. Grazhdanskoye pravo Ukrainy: Uchebnik dlya vuzov sistemy MVD Ukrainy: V 2-kh chastyakh. CH.1 / Pod red. prof. A.A. Pushkina, dots. V.M. Samoilenko. – KH., 1996. – 440 s.
8. Alekseyev S.S. Problemy teorii prava. Kurs lektsiy: V 2-kh tomakh. T. 1. – Sverdlovsk, 1972. – 396 s.

9. Braginskiy M.I. Dogovor podryada i podobnyye yemu dogovory. – M., 1999. – 254 s.
10. Zhukov V.I., Yurovskiy B.I. Yuridicheskaya priroda «uslugi» // Ekspres-analiz. – 1999. – № 15. – S. 20–22.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.1"1902–1947"

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО (ПАНАМЕРИКАНСКОГО) САНИТАРНОГО БЮРО (1902–1947 гг.)

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Настоящая статья предназначена для определения правовых основ организации и деятельности первой организации здравоохранения в Западном полушарии. Основанное в 1902 г. в качестве регионального бюро для Северной и Южной Америки, название организации в последующем было взято для Панамериканского санитарного бюро, Панамериканской санитарной организации и на сегодняшний день для знакомой всеми Панамериканской организации здравоохранения. Его главными функциями были стимулирование обмена эпидемиологической информацией, распространение данных о состоянии здоровья в целом и предоставление помощи в борьбе с эпидемиями и санитарии гаваней и городов. Эти функции были четко определены и расширены в Панамериканском санитарном кодексе, принятом в 1924 г. Он связал бюро с санитарными органами республик и даже позволил бюро принимать на работу экспертов для эпидемиологических и медицинских исследований. Через двадцать три года, пройдя немало испытаний и дважды сменив название учреждения, вновь созданная Панамериканская санитарная организация приняла свою первую Конституцию.

Ключевые слова: право международных организаций, история здравоохранения, эпидемия, Панамериканское санитарное бюро, Панамериканский санитарный кодекс.

Настоящее исследование предстает актуальным ввиду не простой эпидемиологической ситуации, связанной с широкой вспышкой лихорадки Зика, которая началась в апреле 2015 г. в Бразилии и распространилась на Южную Америку, Центральную Америку, Мексику и Карибский бассейн. По заявлению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), есть веские основания считать вирусную эпидемию Зика чрезвычайной ситуацией, имеющей международное значение [1].

Исследованием данного вопроса занимались такие зарубежные ученые как N. Howard-Jones, D. P. Fidler, A. Cliff, M. Smallman-Raynor, M. Cueto, A. Auer, J. E. GuerreroEspinel, B. J. Lloyd, M. D., T. Hanrieder, J. Youde, M. Cueto, S. Palmer, Y. Beigbeder, K. Lee, J. Fang, E. Kebede-Francis [2–13] и др. Обнаружить отечественные исследования по избранной тематике на сегодняшний день нам не удалось.

В течении XIX в. США неоднократно постигали вспышки холеры, завезенные в основном европейскими иммигрантами, и желтой лихорадки, вызванной подписанием морских соглашений с Южной и Центральной Америкой и Кубой [2, р. 5–6]. Вследствие этого начало XX в. ознаменовалось собранием первого

всеобщего Международного санитарного съезда американских республик. Он проходил со 2 по 4 декабря 1902 г. в отеле Нью Уиллард в Вашингтоне [2, р. 8]. Такие встречи вскоре стали проводиться каждые четыре года и назывались Панамериканскими санитарными конференциями. Именно на первом съезде было учреждено Международное (Панамериканское) санитарное бюро – организация здравоохранения всех Американских штатов. Основной функцией бюро было курирование межамериканских карантинных правил и функционирование в качестве центра международного обмена информацией об эпидемиях, имеющих международное значение. С самого начала доминирующей проблемой была желтая лихорадка, а в более поздние годы на повестке дня появились другие вопросы здравоохранения (вакцинация против оспы и малярии, кампании против туберкулеза и др.) [4, р. 42].

За день до закрытия седьмой Панамериканской санитарной конференции, которая состоялась в Гаване с 5 по 15 ноября 1924 г., был принят Панамериканский санитарный кодекс, подлежащий ратификации всеми делегациями. Это был свод правил для морского карантина, состоящий из пересмотренной Вашингтонской конвенции 1905 г. с элементами Международной санитарной конвенции в Париже 1912 г. [2, р. 12].

В общей сложности на конференцию восемнадцать республик послали 28 делегатов: Аргентина (2), Бразилия (2), Чили (1), Колумбия (1), Коста-Рика (1), Куба (6), Доминиканская Республика (1), Сальвадор (1), Гватемала (1), Гаити (1), Гондурас (1), Мексика (1), Панама (1), Парагвай (1), Перу (1), США (3), Уругвай (1) и Венесуэла (2). Боливия, Эквадор и Никарагуа не были представлены. В дополнение к 6 делегатам Кубы представители Гватемалы, Коста-Рики и Гондураса также были кубинцами, а колумбийский делегат, родившийся у себя стране, занимался медициной в течение почти половины столетия в Гаване. Также были представлены Панамериканское санитарное бюро и отдел здравоохранения Лиги Наций [14, р. 23].

Панамериканский санитарный кодекс состоит из 13 глав и 63 статей. Первая глава включает 2 статьи, первая из которых определяет цели кодекса, а именно:

1. Предотвращение международного распространения заразных инфекций людей;
2. Поддержка совместных мер для предотвращения ввоза и распространения болезни на территории подписавшихся сторон;
3. Нормирование сбора статистики заболеваемости и смертности подписавшихся сторон;
4. Стимулирование взаимного обмена информацией, которая может быть полезной для улучшения здравоохранения и борьбы с болезнями людей;
5. Стандартизация мер, используемых в местах ввоза, для предотвращения появления и распространения инфекционных заболеваний человека, так, чтобы большая степень защиты от них была достигнута, не причиняя препятствий для международных взаимоотношений и торговли [15, р. 484].

Вторая статья главы I дает определение 11 понятиям, содержащимся в кодексе, таким как воздушное судно, пространство, дезинфекция, фумигация, индекс желтолихорадочного комара, инспекция, инкубационный период, изоляция, чума, порт и грызуны [15, р. 485].

Глава II включает три подраздела, касающиеся уведомления о случаях эпидемических заболеваний и последующей связи с другими странами (6 статей), опубликования превентивных мер (3 статьи) и статистики заболеваемости и смертности (4 статьи) [14, р. 27].

Так, статья 3 содержит правило о том, что каждая из подписавшихся сторон соглашается передать каждой другой подписавшейся стороне и Панамериканскому санитарному бюро с интервалом не более чем две недели заявление, содержащее информацию относительно состояния ее здравоохранения, особенно ее портов [15, р. 485].

В довершение этого поясняется, что заболевания, подлежащие обязательному сообщению, – чума, холера, желтая лихорадка, оспа, сыпной тиф, эпидемический цереброспинальный менингит, острый эпидемический полиомиелит, эпидемический летаргический энцефалит, грипп или эпидемия гриппа, тиф и паратифоидная лихорадка и другие болезни, которые Панамериканское санитарное бюро может добавить к вышеупомянутому списку резолюцией [15, р. 485–486].

Притом в статье 4 указывается, что каждая подписавшаяся сторона соглашается немедленно уведомить соседние страны и Панамериканское санитарное бюро самыми быстрыми доступными средствами сообщения о появлении на его территории достоверного или официально подозреваемого случая или случаев чумы, холеры, желтой лихорадки, оспы, сыпного тифа или любой другой опасной инфекции, склонной распространяться через посредническое учреждение международной торговли [15, р. 486].

В статье 5 перечислены дополнительные сведения, которые должны сопровождать такое уведомление:

1. Область, где обнаружено заболевание.
2. Дата его появления, его происхождение и формы.
3. Вероятный источник или страна, из которой оно могло быть ввезено, и способ ввоза.
4. Число подтвержденных случаев и смертельных случаев.
5. Число подозреваемых и смертельных случаев.
6. Кроме того, для чумы – наличие чумы или необычной смертности среди грызунов; для желтой лихорадки – место нахождения желтолихорадочного комара (*Aedes aegypti*).
7. Меры, которые были применены для предотвращения распространения болезни и ее ликвидации [15, р. 486].

Третий подраздел главы II освещает вопросы относительно статистики заболеваемости и смертности, что является актуальным во время вспышек опасных инфекционных заболеваний и позволяет проследить за их тенденцией распространения.

В ст. 12 указывается, что международная классификация причин смерти будет рассматриваться как Панамериканская классификация причин смерти и должна использоваться подписавшимися странами при обмене сообщениями о заболеваемости и смертности [15, р. 487]. А Панамериканское санитарное бюро тем самым уполномочено и руководит переизданием время от времени Панамериканской классификации причин смерти (ст. 13) [15, р. 487].

Новые требования относительно ведения статистики определяет ст. 14. В ней указывается, что каждое из подписавшихся правительств соглашается ввести в действие в самое раннее осуществимое время систему для сбора и табулирования демографической статистики, которая должна включать:

1. Центральное статистическое учреждение, контроль над которым осуществляет компетентное должностное лицо.

2. Организацию региональных статистических учреждений.

3. Издание законов, декретов или инструкций, требующих быстрого сообщения медицинскими сотрудниками, врачами, акушерами и больницами о случаях рождения, смерти и инфекционных заболеваний, и введение наказания за отказ делать такие отчеты [15, р. 488]. Ввиду этого на бюро возлагалась еще одна обязанность – подготовить и издать стандартные формы для сообщения о смертельных случаях и случаях инфекционных заболеваний и всей другой социальной статистики (ст. 15) [15, р. 488].

Глава III касается санитарных документов и состоит из 2 подразделов: первый касается карантинных свидетельств (11 статей) а второй – других санитарных документов (2 статьи) [14, р. 27].

В статье 16 установлено правило о том, что владелец любого судна или самолета, который отправляется в порт любой из подписавшихся сторон, обязан получить в порту отправления и порту захода карантинное свидетельство в двойном экземпляре [15, р. 488].

Кроме того, кодекс подразделяет такое свидетельство на два вида: чистое и нечистое. Чистое карантинное свидетельство – то, которое показывает полное отсутствие в порту отправления холеры, желтой лихорадки, чумы, лихорадки сыпного тифа или другой пагубной болезни в тяжелой эпидемической форме, склонной передаваться международной торговлей (ст. 23) [15, р. 489]. А нечистое карантинное свидетельство – то, которое показывает наличие случаев любой из вышеуказанных болезней (ст. 24) [15, р. 489].

Главы IV–VIII связаны с различными вопросами, включая классификацию портов (6 статей), классификацию судов (3 статьи), обработку судов (10 статей), примеры дезинфекции (3 статьи) и организацию работы судовых врачей (3 статьи) [14, р. 28].

В главе IV приведена классификация портов на зараженный, подозреваемый, чистый порт класса А и чистый порт класса В. Более того, даны нижеупомянутые определения:

Зараженный порт – тот, в котором любая из следующих болезней существует, а именно, чума, холера, желтая лихорадка или другая пагубная болезнь в тяжелой эпидемической форме (ст. 29) [15, р. 490].

Подозреваемый порт – это порт или территория, прилегающая к нему, на котором в течение шестидесяти дней произошел неимпортированный случай или случаи любой из болезней, упомянутой ранее, или который не принял соответствующие меры, чтобы защитить себя от таких болезней, но который, как известно, не является зараженным портом (ст. 30) [15, р. 490].

Чистый порт класса А – это тот, в котором выполнены следующие условия:

1. Отсутствие непосредственно в порту и на территории, смежной к нему, неимпортированных случаев любой из болезней, указанных выше.

2. (a) Наличие компетентного и отвечающего требованиям медицинского персонала.

(b) Соответствующие средства фумигации.

(c) Достаточный персонал и вещества для ловли или ликвидации грызунов.

(d) Соответствующая бактериологическая и патологическая лаборатория;

(e) Безопасное водоснабжение.

(f) Соответствующие средства для сбора статистических данных заболеваемости и смертности.

(g) Соответствующие средства для изоляции подозреваемых и лечения инфекционных заболеваний.

(h) Подписавшие правительства должны зарегистрировать в Панамериканском санитарном бюро те места, где выполняются эти условия (ст. 31) [15, р. 490].

Чистый порт класса В – это порт, в котором условия, описанные в статье 31, 1 и 2 (a), выполнены, но в котором одно или более других требований ст. 31,2 не выполнены (ст. 32) [15, р. 490].

Помимо названной классификации, существовал еще и неклассифицированный порт – порт, относительно которого информация о наличии или отсутствии любой из болезней, указанной ранее, и меры, которые применяются для контроля за такими болезнями, недостаточны, чтобы классифицировать такой порт [15, р. 490].

Кодекс предусматривает также и классификацию судов на чистые и зараженные или подозреваемые. Приводятся такие дефиниции:

Чистое судно – это судно, прибывающее из чистого порта класса А или В, на борту которого во время плавания не было зарегистрировано случая чумы, холеры, желтой лихорадки, натуральной оспы или сыпного тифа, и которое соответствует требованиям кодекса (ст. 35) [15, р. 491].

Зараженное или подозреваемое судно:

1. То, на борту которого во время плавания зафиксирован случай или случаи любой из болезней, упомянутых в ст. 35.

2. То, которое прибыло из зараженного или подозреваемого порта.

3. То, которое прибыло из порта, где обнаружена чума или желтая лихорадка.

4. Любое судно, на котором отмечена смертность среди крыс.

5. Судно, которое нарушило любое из положений кодекса (ст. 36) [15, р. 491].

Глава IX очень важна, т. к. в ней описываются функции и обязанности Панамериканского санитарного бюро. Санитарный Кодекс закрепляет норму о том, что бюро должно выступать центральным координирующим санитарным агентством различных республик – членов Панамериканского союза и центром общего сбора и распределения эпидемиологической информации для вышеуказанных республик. С этой целью оно должно время от времени назначать представителей для посещения и обсуждения с санитарными органами власти различных подписавшихся правительств существенных вопросов здравоохранения [15, р. 494–495]. Кроме того, статья 56 определяет, что бюро должно: предоставлять санитарным органам власти подписавшихся правительств через его публикации всю доступную информацию относительно реального состояния инфекционных заболеваний человека, новых приступов таких заболеваний, предпринятых санитарных мер, успехи, достигнутые по контролю или ликвидации таких заболеваний, и мн. др. [15, р. 495].

Глава X состоит из одной статьи, касающейся воздушного судна. Глава XI также состоит из единственной статьи, которая уточняет, что кроме статей, которые противоречат положениям кодекса, статьи 5, 6, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 25, 30, 32, 33, 34, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 49 и 50 Второй международной санитарной конвенции, подписанной в Вашингтоне 14 октября 1905 г., останутся действительными и в силе [14, p. 28].

Глава XII разъясняет, что «кодекс ни в коем случае не аннулирует или ослабляет законность или силу любого существующего договора, конвенции или соглашения между любыми из подписавшихся правительств и любым другим правительством». Глава XIII, последняя глава, включает одну статью относительно переходных положений [14, p. 28].

Кодекс был принят *ad referendum* (для последующего рассмотрения) и подписан 14 ноября 1924 г. в городе Гаване делегатами 18 стран, представленных на седьмой Панамериканской конференции, в двух оригинальных копиях, на английском и испанском языках. Они были депонированы Госсекретарем республики Кубы для того, чтобы сделать заверенные копии на английском и испанском языках и передать через дипломатические каналы каждому из подписавшихся правительств [14, p. 28].

Кодекс по своему масштабу был намного шире, чем предыдущие соглашения: его положения были более конкретными и определенными относительно судов, портов и карантинных периодов; впервые он охватил вопросы, касающиеся воздушного транспорта (в результате чего слово «морской» было исключено из его названия); он включал условия, раскрывающие широкий диапазон тем, такие как социальная статистика и возможности для межамериканского сотрудничества в сфере здравоохранения и смежных областях; и это определяло более широкие функции и обязанности перед Панамериканским санитарным бюро как центральным агентством по координированию международной медицинской деятельности в Америке [14, p. 31].

Панамериканский санитарный кодекс 1924 г. является первым соглашением о здравоохранении, ратифицированным всеми странами Америки. Он дал устойчивое юридическое основание и предоставил обширные функции Международному санитарному бюро. Кроме того, спустя два десятка лет он послужил документом, который предотвратил попытки ликвидировать организацию.

В течение долгих 23 лет кодекс оставался единственным документом, регулирующим деятельность Международного санитарного бюро. В 1923 г. изменилось название организации – с Международного санитарного бюро на Панамериканское санитарное бюро. В 1926 г. ПАСБ было назначено региональной эпидемиологической разведывательной службой Международного бюро общественной гигиены (МБОГ) в Париже. А уже в 1947 г. была установлена Панамериканская санитарная организация (далее – ПАСО) и Панамериканское санитарное бюро стало одним из ее четырех управляющих органов. Недавно созданная организация приняла свою Конституцию, что, к сожалению, не спасло ее от финансового кризиса, который припал именно на этот год. Уже спустя два года ПАСО будет интегрирована со Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) как американское региональное отделение, и Панамериканское бюро получит поддержку как отдельно существующий орган в пределах ПАСО.

Конституция Панамериканской организации здравоохранения была принята на первом заседании Управляющего Совета организации 24 сентября – 2 октября 1947 г. в г. Буэнос-Айресе. Состоит из девяти разделов и 29 статей [16, р. 9–18].

Преамбула к Конституции гласит, что развитие науки о здравоохранении и медицины вместе с новым и широким понятием обязанностей правительств в вопросах общественного здоровья делает важным расширение области международной медицинской деятельности в Западном полушарии и развитие и усиление Панамериканского санитарного бюро, чтобы оно могло полностью выполнить обязательства, налагаемые этим развитием. Во второй части преамбулы указывается, что Управляющий Совет принимает Конституцию для Панамериканской организации здравоохранения действуя в соответствии с Заключительным актом XII Панамериканской санитарной конференции [16, р. 9].

Раздел I называется «Организация» и включает три статьи, посвященные целям, членству и органам Панамериканской организации здравоохранения [16, р. 9–10].

В статье 1 определены цели организации: способствовать и координировать усилия стран Западного полушария для борьбы с заболеваниями, удлинить жизнь и способствовать физическому и психическому здоровью людей [16, р. 9].

В статье 2 указано, что все Американские штаты имеют право на членство в организации (п. а) [16, р. 9].

Статья 3 определяет, что организация должна включать:

1. Панамериканскую санитарную конференцию;
2. Управляющий совет (далее – Совет);
3. Исполнительный комитет Управляющего совета (далее – Исполнительный комитет);
4. Панамериканское санитарное бюро [16, р. 10].

Раздел II именуется «Конференция» и состоит из пяти статей. Статья 4 определяет функции конференции, статья 5 – состав, статья 6 – голосование, статья 7 – заседания, статья 8 – членов правления и правила процедуры [16, р. 10–12].

В статье 4 указано, что конференция должна быть высшим руководящим органом организации (п. а). Конференция должна определить общую политику Организации, включая финансовую политику, и, когда посчитает необходимым, проинформировать Совет, Исполнительный комитет и руководителя бюро относительно любого вопроса в рамках Организации (п. б). Дополнительно Конференция должна служить форумом для обмена информацией и идеями, касающимися профилактики заболеваний; охраны, содействия и восстановления душевного и физического здоровья; и продвижения медико-социальных мер и средств для предотвращения и лечения физических и психических заболеваний в Западном полушарии (п. с) [16, р. 10].

Раздел III обозначен как «Совет» и содержит пять статей. Девятая статья посвящена функциям совета, десятая – составу, одиннадцатая – голосованию, двенадцатая – заседаниям, тринадцатая – членам правления и правилам процедуры [16, р. 12–13].

Статья 9 определяет, что Совет должен выполнять те функции, которые делегируются ему Конференцией, должен действовать от своего лица между заседаниями Конференции и выполнять решения Конференции (п. а). Совет должен

рассмотреть и одобрить двухлетнюю программу и бюджет Организации (п. d) [16, р. 12–13].

Четвертый раздел обозначен как «Исполнительный Комитет» и состоит из шести статей. Статья 14 указывает функции комитета, статья 15 – состав, статья 16 – голосование, статья 17 – заседания, статья 18 – членов правления и статья 19 – правила процедуры [16, р. 14–15].

К функциям Исполнительного комитета Конституция относит:

- a) Уполномочить руководителя бюро созывать встречи Конференции и Совета.
- b) Одобрить временную повестку дня заседания Конференции и Совета.
- c) Рассматривать и представлять на рассмотрение Конференции или Совета предложенную программу и бюджет, подготовленные руководителем бюро с такими рекомендациями, которые он посчитает целесообразными.

предложенную программу и бюджет, подготовленные руководителем бюро с такими рекомендациями, которые он посчитает целесообразными.

d) Консультировать Конференции или Совет по вопросам, переданным на рассмотрение Исполнительному комитету, или по его собственной инициативе по другим вопросам, касающихся действий Конференции, Совета или Бюро.

e) Выполнять любые другие функции, определяемые Конференцией или Советом [16, р. 14].

Раздел пятый называется «Бюро» и включает четыре статьи. Двадцатая статья определяет функции бюро, двадцать первая – управление, двадцать вторая – международный характер персонала, двадцать третья – технические комиссии [16, р. 15–16].

Статья 20 поясняет, что обязанности и функции Бюро определены в Панамериканском санитарном кодексе, помимо них, также те, которые будут назначены в будущем Конференцией или Советом [16, р. 15].

В статье 22 сделана важная оговорка о том, что членом штаба бюро не может выступать представитель какого-либо правительства. При исполнении своих обязанностей руководитель и весь персонал Бюро не должны обращаться или получать инструкции от любого правительства или от любого внешнего органа власти. В дополнение к этому они должны воздержаться от любого действия, которое несовместимо с их статусом международных должностных лиц. Каждое правительство со своей стороны должно обязаться уважать исключительно международный характер руководителя и персонала и не должно стремиться влиять на них [16, р. 16].

Раздел VI – «Бюджет» – совсем небольшой и состоит только из двух статей. Статья 24 описывает финансовые обязательства правительств, статья 25 – денежные пожертвования [16, р. 16–17]. Интересно, что, согласно ст. 24, организация должна финансироваться ежегодными вкладами правительств-членов. Также члены организации могут делать экстраординарные вклады для общих расходов и определенных целей в дополнение к их ежегодным долевым вкладам (п. b). Для участвующих правительств также установлено правило о том, что они должны делать ежегодные вклады, вычисленные на основе подобно установленным для правительств-членов (п. a). [16, р. 16–17].

Раздел VII – «Отношения» – еще меньше, состоит из одной статьи и посвящен отношениям с другими организациями. В соответствии со ст. 26, Конференция или Совет могут подготовить и заключить соглашения для сотрудничества и

консультаций с другими организациями, заинтересованными или связанными со здравоохранением [16, р. 17].

Восьмой раздел, предпоследний, назван «Изменения» и включает две статьи. Статья 27 обращает внимание на пересмотр Панамериканского санитарного кодекса, статья 28 – на изменения и дополнения Конституции [16, р. 17–18].

Последний (девятый) раздел небольшой, называется «Действительность» и состоит из одной, двадцать девятой статьи, указывающей на вступление в силу [16, р. 18].

Создание Панамериканской санитарной организации в 1947 г. и принятие Конституции ознаменовало новую эпоху в развитии санитарно-эпидемиологического контроля в Западном полушарии. Конституционные принципы закрепляли стойкую направленность организации на борьбу с эпидемическими заболеваниями и улучшение физического и умственного здоровья населения. Не будет преувеличением утверждение о том, что Конституция стала одним из главных аргументов в пользу подписания соглашения в 1949 г. и развития долгосрочных отношений между ПАСО и ВОЗ.

На основании вышеизложенного следует, что вследствие сложившейся в США непростой эпидемиологической ситуации, в 1902 г. было учреждено Международное санитарное бюро, впоследствии в 1923 г. переименованное в Панамериканское санитарное бюро и ставшее секретариатом недавно созданной Панамериканской санитарной организации в 1947 г. Правовое регулирование организации и деятельности Международного (Панамериканского) санитарного бюро осуществлялось посредством принятия Панамериканского санитарного кодекса 1924 г. и Конституции Панамериканской санитарной организации 1947 г. Данные правовые акты определяли цели, состав и руководство, заседания, бюджет, отношения с субъектами международного права и другие основополагающие вопросы организации. Во многом именно благодаря санитарному кодексу во время кризиса бюро в середине XX в. организации удалось остаться на плаву и даже обрести новый статус.

Список литературы:

1. R. Michelle. Zika-linked condition: WHO declares global emergency [electronic resource] // Health editor, BBC News online. Retrieved 1 February 2016. – URL: <http://www.bbc.com/news/health-35459797> (дата обращения: 03.03.2016)
2. Norman Howard-Jones. The Pan American Health Organization: Origins and Evolution. – Geneva: World Health Organization, 1981. – 20 p.
3. Fidler D. P. International law and infectious diseases. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 412 p.
4. Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
5. Marcos Cueto. The Value of Health: A History of the Pan American Health Organization. – Washington, DC: Pan American Health Organization, 2007. – 177 p.
6. Annella Auer, Juan Eduardo Guerrero Espinel. The Pan American Health Organization and international health: a history of training, conceptualization, and collective development // Rev PanamSaludPublica. – 2011. – № 30 (2). – p. 122–132.
7. Bolivar J. Lloyd, M. D. The Pan American Sanitary Bureau // American Journal of Public Health and the Nation's Health. – 1930. – Vol. XX, No. 9. – P. 925–929.
8. Tine Hanrieder. International Organization in Time: Fragmentation and Reform. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 272 p.
9. Jeremy Youde. Global Health Governance. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 240 p.

10. Marcos Cueto, Steven Palmer. *Medicine and Public Health in Latin America. A History.* – New York: Cambridge University Press, 2014. – 318 p.
11. The World Health Organization. *International Organization and the Evolution of World Society* / Yves Beigbeder [et. al.]. – Vol. 4. – Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1998. – 216 p.
12. Kelley Lee, Jennifer Fang. *Historical Dictionary of the World Health Organization.* – Lanham: Scarecrow Press, Inc., 2013. – 201 p.
13. EnkuKebede-Francis. *Global Health Disparities: closing the gap through good governance.* – Sudbury: Jones & Bartlett Learning, 2010. – 488 p.
14. *Pan American Sanitary Code: Toward a Hemispheric Health Policy.* – Washington, D. C.: PAHO, 1999. – 37 p.
15. *Pan American Sanitary Code* [electronic resource] // official website of Library of Congress. – URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000002-0483.pdf> (датаобращения: 24.02.2016)
16. *Basic documents of the Pan American Health Organization. Eighteenth Edition.* – Washington, D. C.: PAHO, 2012. – 159 p.

Klimenko K. P. Legal framework of activity of the International (Pan American) Sanitary Bureau
// Scientific notes of V.I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т.2(68) № 1.– P. 171–180.

The present article is intended for definition of legal bases of the establishment and activity of the first organization of public health in the Western hemisphere. Based in 1902 as the regional bureau for Northern and the South America, the organization name in the subsequent was taken for the Pan American Sanitary Bureau, the Pan American Sanitary Organization and for today for the Pan American Health Organization familiar by all. Its main functions were to stimulate an exchange of the epidemiological information, to extend the data about a state of health as a whole and to give the help in struggle against epidemics and sanitary of harbours and cities. These functions have been accurately defined and expanded in the Pan American Sanitary Code accepted in 1924. It has connected the Bureau with sanitary bodies of republics and even has allowed bureau to employ experts for epidemiological and medical researches. After 23 years, having passed many tests and having replaced the establishment name twice, again created Pan American Sanitary Organization accepted the first Constitution.

Keywords: law of international organizations, history of public health, epidemic, Pan American Sanitary Bureau, Pan American Sanitary Code.

НАШИ АВТОРЫ

Анохин А. Н.	к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Акмоллаева А. Д.	студентка юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бахриева З. Р.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Благодатная Е. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к. ю. н., доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Венедиктов А. А.	к. ю. н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Университета экономики и управления
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гарчева Л. П.	д. и. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Герашенко А. В.	курсант 2 курса 213 взвода Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; рядовой полиции
Губанова Е. В.	к. ю. н., доцент к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гурина Л. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Донская Л. Д.	к. ю. н., доц., декан юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Евсикова Е. В.	к. ю. н., старший преподаватель к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; лейтенант полиции
Змерзлый Б. В.	д. и. н., д. ю. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Игнатов А. Н.	д. ю. н., старший научный сотрудник, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Кашкаров А. А.	к. ю. н., старший научный сотрудник, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Кащенко С. Г.	д. и. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ

	<i>ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Коваль А. В.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Клименко Е. П.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Курабцева А. П.	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Максимова Е. И.	<i>курсант 2 курса 213 взвода Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Мидловец М. В.	<i>преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Пархоменко Л. В.	<i>старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Поддубняк А. А.	<i>к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сеитягьяев Р. С	<i>студент 3 курса юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Скворцова О.В.	<i>к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Скребец Е. С.	<i>начальник кабинета специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России</i>
Соляной А. В.	<i>к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Степанюк А. Н.	<i>студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шармоянц А. Н.	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шестаков Е. В.	<i>студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Ярошевская А. М.	<i>к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Анохин А. Н. Проблемы исследования прогнозирования как основы правового регулирования.....	3
Благодатная Е. Ю. Организация фрахтового дела в 1924–1926 гг.....	12
Гарчева Л. П. Категория коллективных прав как прав третьего поколения в зарубежных и российских исследованиях.....	24
Гурина Л. В. Эволюция дисциплинарной ответственности на торговом флоте СССР в 1929–1939 гг.....	31
Змерзлый Б. В. Организация освидетельствования торговых судов в России в XIX – первой половине XX вв.....	46
Коваль А. В. Реформы управления портами в СССР в 1931–1933 гг.....	52
Курабцева А. П. Развитие института военных арестантских рот Российской империи во второй половине XIX в.....	60
Шармоянц А. Н. Создание и правовые основы деятельности гидрометеорологической службы Черноморско-Азовского региона в 20-е годы XX в.....	71

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Бугаев В. А., Сеитязяев Р. С. Генезис правового закрепления смертной казни в российском законодательстве: основные вехи.....	78
Волошин И. А., Шестаков Е. В. Особенности проблематики определения взятки и взяткополучателя в уголовном праве РФ.....	83
Игнатов А. Н., Кашкаров А. А., Венедиктов А. А. К определению содержания и уголовно-правовой оценке понятия «использование служебного положения».....	87
Евсикова Е. В., Максимова Е. И. Актуальные проблемы усовершенствования законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения административных правонарушений несовершеннолетних.....	94
Мидловеи М. В., Соляной А. В. Проблемы определения субъекта дорожно-транспортного преступления.....	110
Пархоменко Л. В. Актуальные вопросы смягчения наказания в уголовном праве Российской Федерации.....	116
Поддубняк А. А., Акмоллаева А. Д. Институт сокращенного дознания в уголовном процессе Российской Федерации.....	122

Сквориова О. В., Степанюк А. Н.	
Генезис уголовно-правовой регламентации преступлений, совершенных в состоянии аффекта.....	127
Скребеи Е. С.	
Борьба с терроризмом в Российской Федерации: концепция и методология.....	137

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

Донская Л. Д.	
Правовые аспекты национализации в Крыму.....	145
Кащенко С. Г.	
Заключение и расторжение брака по Ветхому Завету Библии.....	152
Ярошевская А. М., Бахриева З. Р.	
Особенности правовой модели договора о предоставлении юридических услуг.....	162

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Клименко Е. П.	
Правовые основы деятельности международного (Панамериканского) санитарного бюро (1902–1947).....	171